

Fürst S. D. Urussow
Kischinew 1903—1904. Memoiren eines Gouverneurs.

Кн. С. Д. УРУСОВЪ

Записки губернатора

Кишиневъ
1903—1904 г.

Второе дополненное издание.

BERLIN

Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow

1908

W4P. 02
K-216/73

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0283507

Право собственности
въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ
странахъ — гдѣ это допускается
существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

40751

Druck von F. Lenz & Co., G. m. b. H., Berlin O. 27,
Holzmarktstrasse 4.

P

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гл. I. Назначеніе бессарабскимъ губернаторомъ. Поѣздка въ Петербургъ. Петергофъ и представленіе Государю. Плеве. Первое знакомство съ еврейскимъ вопросомъ.

Гл. II. Отъѣздъ въ Бессарабію. Бендеры. Приѣздъ въ Кишиневъ. Настроеніе жителей. Приемъ и визиты. Раабенъ и Уструговъ. Приемъ еврейской депутаціи. Перемяна настроенія. Похороны Торы. День губернатора.

Гл. III. Полиція. Губернское правленіе. И. Л. Блокъ. Коробочный сборъ. Приемъ новобранцевъ - евреевъ. Порочные иностранцы. Подводная повинность. Незаконные сборы въ пользу помѣщиковъ-владѣльцевъ мѣстечекъ.

Гл. IV. Ожиданіе погромовъ. Приѣздъ англійскаго дипломата и американскаго корреспондента. Погромное настроеніе и борьба съ нимъ. Пронинъ и Крушеванъ. Тревожные признаки. Докторъ Коганъ. Поведеніе евреевъ. Еврейская самооборона. Настроеніе полиціи.

Гл. V. Военныя власти въ Кишиневѣ. Три генерала. Мои отношенія съ военными властями. Роль войскъ въ Кишиневѣ. Поручикъ К. Поручикъ Х.

Гл. VI. Дворянство въ Бессарабіи. Помѣщикъ Х. Крупенскіе. Дворянскій пансіонъ-пріютъ. Земство. Судъ. Дѣло объ апрѣльскомъ погромѣ. Мое мнѣніе о причинахъ возникновенія кишиневскаго погрома. Прокурорскій надзоръ.

Гл. VII. Духовенство. Имущество армянской церкви. Имѣнія заграничныхъ монастырей. Училище винодѣлія. Акцизное вѣдомство. Пріютъ Бальша.

Гл. VIII. Кишиневское общество. Обычаи. Нравы.

Гл. IX. Выѣздъ съ войсками въ село Корнешты. Сопро-
тивленіе властямъ 400 резешей. Возстановленіе порядка. Мысли
относительно усмиренія массовыхъ безпорядковъ. Второй случай
сопротивленія крестьянъ законнымъ требованіямъ власти.

Гл. X. Обѣздъ губерніи. Бѣльцы. Сороки. „Еко“. Хотинъ.
Измаиль. Вилково. Шабо.

Гл. XI. Поѣздка въ Румынію по Высочайшему повелѣнію.
Яссы. Румынская королевская семья. Мнѣніе короля о Россіи.
Кармень-Сильва. Обѣдъ въ меріи.

Гл. XII. Еврейскій вопросъ въ Бессарабіи. Запросъ министер-
ства по этому поводу. Моя записка. Правовое и экономическое
положеніе евреевъ въ Бессарабіи. Общіе выводы по вопросу о
равноправіи евреевъ.

Гл. XIII. Петербургъ въ январѣ 1904 г. Объявленіе войны.
Государь Императоръ и мнѣніе его о войнѣ. Плеве. Совѣщаніе
по еврейскому вопросу. Совѣщаніе губернаторовъ по поводу
проекта реформы крестьянскаго управленія. Переводъ мой въ
Харьковъ. Князь Святополкъ-Мирскій и назначеніе мое въ Тверь.
Отъѣздъ изъ Кишинева.

I.

По окончаніи курса въ 1885 году въ московскомъ
университетѣ, я долгое время служилъ по выборамъ
земства и дворянства въ Калужской губерніи и затѣмъ
переѣхалъ на жительство въ Москву. Въ 1902 году я
былъ назначенъ тамбовскимъ вице-губернаторомъ, а
черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ мая 1903 года,
неожиданно и безъ предварительнаго запроса, получилъ
изъ министерства внутреннихъ дѣлъ телеграмму, извѣ-
щавшую о назначеніи меня губернаторомъ въ Бес-
сарабію. Дождавшись полученія номера „Правитель-
ственного Вѣстника“ съ опубликованнымъ приказомъ,
я, по настойчивому предложенію министра внутреннихъ
дѣлъ Плеве, спѣшно выѣхалъ въ Петербургъ, куда
явился, помнится, 9 іюня.

О Бессарабіи я зналъ въ то время столько-же,
сколько о Новой Зеландіи, если не меньше. Кишиневъ
мнѣ былъ знакомъ только по названію, да еще потому,
что газеты долгое время сообщали подробности о зна-
менитомъ еврейскомъ погромѣ 7—9 апрѣля 1903 года.
Въ заграничныхъ изданіяхъ открыто обвиняли русское
правительство въ устройствѣ этого погрома и даже
приводили письмо, будто бы написанное министромъ
Плеве губернатору фонъ-Раабену, съ прозрачнымъ на-
мекомъ не препятствовать дѣйствіямъ погромщиковъ.
Всѣ эти извѣстія, въ свое время, скользнули въ моей
памяти, не оставивъ въ ней почти никакого слѣда.

Евреями я не интересовался, о положеніи ихъ и спеціальныхъ законахъ, ихъ касающихся, я ничего не зналъ, а извѣстіе объ участіи правительства въ организаціи погрома считалъ глупымъ или злонамѣреннымъ вымысломъ. Меня гораздо болѣе интересовала и безпокоила внѣшняя сторона моего новаго положенія: какъ пріѣхать, какъ принять представляющихся лицъ, какъ ознакомиться съ личнымъ составомъ служащихъ, кому дѣлать визиты — и тому подобные вопросы этикета и представительства безпокоили меня гораздо болѣе, чѣмъ ожидаемая трудности управленія совершенно не знакомой мнѣ губерніей.

Въ одномъ отношеніи я прекрасно подготовился къ своей новой роли; я внимательно перечелъ дорогой ту часть II-го тома св. зак., которая трактуетъ о губернскихъ учрежденіяхъ, а также ознакомился, по I-му тому, съ учрежденіемъ министерствъ, въ частности съ правами министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ прочитаннаго я сдѣлалъ выводъ, который примѣнялъ безъ отступленій во все время своей губернаторской службы. Я нашелъ въ прочитанномъ подтвержденіе того мнѣнія, что губернаторъ, по закону, ни въ какомъ случаѣ не является ставленникомъ министра внутреннихъ дѣлъ и не долженъ считать себя чиновникомъ министерства. Состоя на службѣ по губернскимъ учрежденіямъ, будучи назначаемъ непосредственно Императоромъ и подчиняясь только сенату, онъ исполняетъ законныя распоряженія всѣхъ министровъ, не состоя въ подчиненіи ни у одного изъ нихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ большее соприкосновеніе съ губернаторами по роду дѣлъ, а не по степени власти, и то обстоятельство, что формуляръ губернаторовъ ведется по министерству внутреннихъ дѣлъ — не даетъ послѣднему основанія для присвоенія въ отношеніи ихъ какихъ-либо особыхъ правъ. Другими словами, я рѣшилъ пользоваться всей полнотой самостоятельности, предоставленной губернатору закономъ, и выработать, соотвѣтственно этому,

такія формы личныхъ отношеній съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, которыя, при сохраненіи оттѣнка служебной вѣжливости младшаго по отношенію къ старшему, не позволяли бы министру дѣлать мнѣ замѣчаній и вообще обращаться со мной, какъ съ непосредственнымъ подчиненнымъ по службѣ. Съ директорами департаментовъ и равными имъ лицами, я рѣшилъ держаться строго официальныхъ отношеній, сноситься съ ними только въ крайнихъ случаяхъ и вообще стараться сократить свои отношенія съ министерствами до предѣловъ возможнаго. Я упоминаю объ этихъ мелочахъ потому, что однимъ изъ серьезныхъ недостатковъ современныхъ мнѣ губернаторовъ являлось добровольное наложеніе на себя министерскаго и департаментскаго ига. Передъ тѣмъ, какъ представляться министру, большинство губернаторовъ обѣгали департаменты, сидѣли подолгу въ мундирахъ въ пріемной директора департамента общихъ дѣлъ, совѣтовались съ нимъ о томъ, какъ и по поводу чего говорить съ министромъ, прибѣгали послѣ пріема съ отчетомъ о своей „аудіенціи“ и заходили во всѣ департаментскіе углы, боясь пропустить вліятельнаго чиновника и стараясь создать себѣ „руку“ или „ходъ“ для запросовъ частнымъ образомъ изъ губерніи по поводу видовъ и намѣреній правительства и для толкованій и разъясненій въ случаяхъ недоразумѣній и сомнѣній. Многіе губернаторы даже считали нужнымъ тратить свои небольшія средства на угощеніе департаментскихъ чиновъ въ дорогихъ ресторанахъ Петербурга.

Значительная доля скептицизма по отношенію къ свѣдѣніямъ петербургскихъ канцелярій и значенію распоряженій центральныхъ вѣдомствъ для мѣстнаго управленія зашла во мнѣ крѣпко уже давно. Я вспоминалъ, по этому поводу, рассказъ о губернаторѣ, князѣ Щербатовѣ, который за три года управленія губерніей приобрѣлъ славу прекраснаго администратора. Когда онъ вышелъ по болѣзни въ отставку, то преемникъ его на-

шелъ въ губернаторскомъ столѣ всѣ министерскіе пакеты съ надписью: „секретно, въ собственныя руки“ нераспечатанными. Разсказъ этотъ исходилъ отъ В. К. Плеве.

Задуманный планъ „осаживанья“ петербургскихъ чиновниковъ я примѣнилъ впервые къ директору департамента общихъ дѣлъ, Ш., къ которому зашелъ, чтобы записаться на Высочайшій пріемъ. Когда Ш. спросилъ меня, о чемъ говорилъ со мною министръ, я отвѣтилъ такъ: „ничего такого, что касалось бы департамента вашего превосходительства, не было сказано“, а когда онъ началъ говорить о трудности предстоящей мнѣ задачи, поучая, что „губернаторъ долженъ быть скалой, о которую разбиваются всѣ теченія“, я нашелъ минуту, чтобы перебить разговоръ и, извинившись недостаткомъ времени, просилъ дать мнѣ просимую справку о предполагаемомъ днѣ пріема, послѣ чего всталъ и простился.

Въ то время, какъ я готовился не ронять достоинства своей новой должности въ министерскихъ пріемныхъ, Плеве, какъ оказалось, давно уже выработалъ свои пріемы осаживанья губернаторовъ. Я удивился, войдя въ его кабинетъ, въ день пріѣзда въ Петербургъ, той перемѣнѣ, которая произошла въ его обращеніи со мной. Насколько онъ былъ простъ, веселъ и любезенъ во время нашего послѣдняго свиданія въ январѣ, настолько же онъ оказался величавъ, холоденъ и сдержанъ въ іюнѣ. На краткую благодарность мою за оказанное мнѣ, черезъ посредство его, Высочайшее довѣріе, онъ улыбнулся слабымъ движеніемъ губъ и попросилъ меня сѣсть. Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о кишиневскомъ погромѣ, о растерянности и низкомъ уровнѣ кишиневской полиціи, онъ сообщилъ мнѣ о предстоящей перемѣнѣ бессарабскаго вице-губернатора и предупредилъ, что мнѣ предстоитъ представленіе Его Величеству въ Петергофѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ замолчалъ. Я всталъ и, прощаясь, спросилъ, когда я могу быть у

него передъ отъѣздомъ въ Кишиневъ. Онъ отвѣтилъ: „прошу васъ зайти послѣ пріема“, — и мы разстались.

Зять мой, Лопухинъ, служившій въ то время директоромъ департамента полиціи, очень смѣялся, когда я разсказалъ ему подробности моего свиданія съ Плеве, и замѣтилъ, что въ этомъ выражается его система не давать вновь назначенному губернатору зазнаваться.

Въ виду лѣтняго времени, многихъ министровъ не было въ Петербургѣ. Я былъ у двухъ или трехъ изъ нихъ, но не помню ничего интереснаго по поводу этихъ свиданій.

Приглашеніе ѣхать въ Петергофъ я получилъ отъ экспедиціи церемоніальныхъ дѣлъ 12 іюня вечеромъ. Тринадцатаго, согласно приложенному къ билету росписанію, я пріѣхалъ въ 10 часовъ утра на Балтійскій вокзалъ и сѣлъ въ вагонъ, отведенный для должностныхъ лицъ, ѣдущихъ во дворецъ. День, какъ оказалось, былъ не пріемный, и, кромѣ меня, въ вагонѣ находился только министръ путей сообщенія, кн. Хилковъ, у котораго я еще не былъ. При выходѣ изъ вагона, въ Петергофѣ, меня встрѣтилъ придворный лакей и, назвавъ вопросительно мою фамилію, повелъ меня къ высланной за мной каретѣ. Привезли меня сперва въ одно изъ дворцовыхъ зданій, назначенныхъ для остановки представляющихся Государю лицъ, и отвели мнѣ отдѣленіе изъ трехъ комнатъ — спальни съ готовой постелью, кабинета и пріемной. Подали чай и предупредили, что я имѣю 20 минутъ свободнаго времени. Выпивъ чашку чаю и написавъ на бумагѣ, съ бланкомъ дворца, письмо домой, я снова сѣлъ въ карету и поѣхалъ дальше. Шелъ мелкій дождь, мы медленно ѣхали по аллеямъ парка, замедляя ходъ при проѣздѣ чрезъ охраняемые часовыми ворота. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ неожиданную картину: на полянѣ, около дороги, въ бороздахъ двухъ свѣже-вспаханныхъ узкихъ полосъ земли, стояли два плуга, запряженные парами;

около нихъ находилось нѣсколько человѣкъ въ военной формѣ и одинъ штатскій, въ пальто, суетливо объяснявшій что-то и видимо взволнованный. Оказалось, что здѣсь предстояла, въ присутствіи Государя и министра финансовъ Витте, проба шараповскихъ плуговъ, а усиливавшійся дождь вызывалъ опасеніе, что Государь не придетъ. Все это объяснилъ мнѣ дежурный флигель-адъютантъ, когда я вошелъ въ маленькую гостиную, примыкавшую къ кабинету Государя, помѣщавшагося во второмъ этажѣ небольшого и скромно убраннаго дворца. Въ гостиной были только князь Хилковъ, адъютантъ и я. До 12 часовъ оставалось минутъ 20. Изъ кабинета Государя вышелъ Витте, поздоровался съ Хилковымъ, подалъ руку мнѣ въ отвѣтъ на мой поклонъ и, сказавъ нѣсколько словъ адъютанту, удался. Въ кабинетъ пошелъ Хилковъ, а мнѣ адъютантъ сообщилъ, что Государь собирался на прогулку, смотрѣть пробу плуговъ, но, по случаю дождя, не поидетъ, и что мнѣ предстоитъ, вѣроятно, довольно продолжительная аудіенція, такъ какъ Государь до завтрака свободенъ.

Въ самомъ началѣ перваго часа я вошелъ въ царскій кабинетъ и остановился недалеко отъ двери. Государь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію ко мнѣ въ то время, какъ я произносилъ обычную фразу: „Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье представиться, Бессарабскій губернаторъ, князь Урусовъ.“ Государь подалъ мнѣ руку и, остановившись предо мной, началъ говорить. Я ни одного русскаго Царя никогда не видѣлъ и постарался разсмотрѣть, какъ Императора Николая II, такъ и комнату, въ которой мы находились. Кабинетъ Государя помѣщался въ небольшой продолговатой комнатѣ, очень мало мебелированной; посрединѣ помѣщенія, близко къ окнамъ, стоялъ небольшой письменный столъ; общій видъ кабинета производилъ впечатлѣніе простоты. Государь былъ въ бѣломъ кителѣ,

выраженіе его лица было пріятное, а глаза, обращенныя прямо въ лицо собесѣдника, смотрѣли довѣрчиво и ласково. Въ немъ не было той связанности и принужденности, которую я замѣтилъ у Великаго Князя Сергѣя Александровича, когда представлялся ему, какъ Московскому Генералъ-Губернатору. Государь держался проще и непринужденнѣе, хотя переходы отъ одного предмета разговора къ другому происходили у него сначала съ нѣкоторыми паузами, во время которыхъ онъ какъ бы искалъ новой темы для продолженія бесѣды. Замѣтивъ это, я сталъ самъ говорить, когда онъ молчалъ, и, благодаря этому, натянутость положенія скоро исчезла.

Сперва Государь спросилъ меня о моей семьѣ, о томъ, гдѣ я получилъ образованіе, и, узнавъ, что я филологъ, замѣтилъ, что это очень хорошо, такъ какъ молдавскій языкъ близокъ къ латинскому, и поэтому мнѣ легко будетъ ознакомиться съ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Упомянувъ о романскомъ вліяніи на нынѣшнюю Бессарабію, о Трояновомъ валѣ, Государь сказалъ, что мнѣ предстоитъ трудная задача укрѣпить въ краѣ законность и порядокъ. „Это самое главное“, сказалъ онъ, „вы должны требовать, чтобы каждый исполнялъ свой долгъ по закону, и тогда все поидетъ, какъ слѣдуетъ.“ Я началъ говорить о Кишиневскомъ погромѣ, но мнѣ показалось, что упоминаніе о немъ было Государю непріятно. Онъ перебилъ меня, сказавъ, что очень жалѣетъ о моемъ предшественникѣ, генералѣ Раабенѣ, который оказалъ русскому войску большую услугу во время Восточной войны, и рассказалъ при этомъ довольно подробно о какомъ-то движеніи, выполненномъ русскимъ отрядомъ по плану Раабена при мѣстечкѣ, названіе котораго я не запомнилъ. Затѣмъ опять послѣдовало молчаніе, и я, предупрежденный о томъ, что откланяться я долженъ лишь послѣ того, какъ Государь самъ подастъ знакъ окончанія пріема, заговорилъ, вы-

ражая надежду, что мнѣ удастся исполнить возложенную на меня задачу, такъ какъ я одушевленъ самымъ искреннимъ намѣреніемъ посвятить себя всецѣло выполнению Высочайшей воли и т. д., словомъ, произносилъ тѣ обычныя фразы, которыя вѣроятно всѣмъ въ такихъ случаяхъ приходится говорить. Государь внезапно оживился, какъ-бы вспомнивъ что-то интересное, и, показавъ рукою на письменный столъ, сказалъ: „а я здѣсь занимаюсь вопросомъ, который близко васъ касается; я имѣю въ виду расширить губернаторскую власть и хочу, чтобы губернаторы могли увольнять земскихъ начальниковъ своею властью; какъ вы думаете, будетъ это хорошо?“ Я рѣшился отвѣтить, что такое безусловное подчиненіе губернатору земскихъ начальниковъ даетъ поводъ опасаться нежелательныхъ послѣдствій — ухудшенія состава ихъ; мѣстные помѣщики, пожалуй, не захотятъ ставить себя въ зависимость отъ каприза губернатора и предпочтутъ уйти, не желая рисковать потерей службы вслѣдствіе доноса, неосновательной жалобы или несходства во взглядахъ съ начальникомъ. Государь возразилъ, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, что губернаторы будутъ увольнять земскихъ начальниковъ не по капризу, а за дурные поступки, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, но что, благодаря этому праву, дисциплина повсемѣстно усилится. „Я вовсе не хочу, сказалъ Государь, чтобы губернаторъ увольнялъ земскихъ начальниковъ отъ службы совсѣмъ, но чтобы онъ могъ сказать каждому изъ нихъ: „Вы не подходите для дѣла, а потому въ моей губерніи служить не можете“, и тогда земскій начальникъ долженъ найти себѣ другое мѣсто, въ другой губерніи.“ Я увидѣлъ, что разговоръ заходитъ куда-то далеко и принимаетъ неподходящій оборотъ, и поспѣшилъ сказать, что я выразилъ первую мысль, мелькнувшую въ головѣ, между тѣмъ какъ затронутый вопросъ требуетъ всесторонняго обсужденія. Изъявивъ желаніе, чтобы я

ѣхалъ въ Бессарабію безъ замедленія, Государь меня отпустилъ, пожелавъ успѣха.

По окончаніи Высочайшаго пріема меня опять отвозили въ прежнее помѣщеніе, гдѣ мнѣ подали завтракъ съ виномъ и кофе, а затѣмъ въ той же каретѣ, съ тѣмъ же лакеемъ, я поѣхалъ на вокзалъ къ двухчасовому поѣзду.

Весь слѣдующій день я посвятилъ изученію четырехтомнаго дѣла департамента полиціи о кишиневскомъ погромѣ и въ то время вынесъ впечатлѣніе, что погромъ произошелъ по поводу ссоры еврейки, содержавшей карусель, съ однимъ простолюдиномъ, желавшимъ прокатиться бесплатно, что мѣстные власти и полиція растерялись и проявили бездѣятельность, и что единственнымъ лицомъ, предусмотрѣвшимъ возможность антиеврейскихъ беспорядковъ на Пасхѣ, былъ начальникъ кишиневского охраннаго отдѣленія, баронъ Левендаль, который еще въ пятницу на страстной недѣлѣ послалъ департаменту полиціи донесеніе съ указаніемъ на опасное броженіе въ городѣ и съ жалобой на то, что полиціимейстеръ и губернаторъ не обращаютъ вниманія на его предупрежденіе. Въ дѣлѣ имѣлись отпуски строгихъ телеграммъ, посланныхъ министромъ губернатору о необходимости принять мѣры къ прекращенію беспорядковъ, и, наконецъ, заключительная телеграмма, извѣщавшая губернатора о его отозваніи и о немедленной передачѣ управленія губерніей вице-губернатору.

Тамъ же я обнаружилъ интересныя указанія на убѣжденіе простого народа въ томъ, что погромъ разрѣшенъ на три дня, и усмотрѣлъ, что беспорядки прекратились очень скоро послѣ того, какъ мѣстный начальникъ кавалерійской дивизіи сталъ производить аресты громилъ.

За нѣсколько дней присутствія моего въ Петербургѣ я успѣлъ, кромѣ того, поверхностно ознакомиться съ законодательствомъ о евреяхъ, съ временными пра-

вилами 1882 года о жительствѣ ихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и съ тѣми теченіями общественнаго мнѣнія, которыя были вызваны послѣдними кишиневскими событіями и которыя, отразившись въ повременныхъ изданіяхъ, приняли два противоположныя направленія. Одно — всю вину погрома приписывало правительству и невѣжественно-преступной антиеврейской провокаторской дѣятельности отдѣльных лицъ; другое — видѣло въ еврейскихъ погромахъ неудержимую вспышку народной мести въ отвѣтъ за эксплуатацію мѣстнаго населенія племенемъ, чуждымъ и враждебнымъ Россіи, поставившимъ себѣ цѣлью ея экономическое порабощеніе. Приходилось даже читать въ специальныхъ органахъ прессы, вродѣ газеты нашумѣвшаго въ то время Крушевана, что евреи сами вызвали погромъ, такъ какъ онъ для нихъ выгоденъ.

Становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что дѣятельность моя въ Бессарабіи неразрывно связана съ такъ называемымъ еврейскимъ вопросомъ, и что мнѣ предстоитъ сразу ясно опредѣлить въ отношеніи евреевъ свой планъ дѣйствій среди разбушевавшихся страстей и разнорѣчивыхъ мнѣній.

Собственныхъ наблюденій надъ ролью евреевъ въ Россіи у меня было очень мало. Когда-то, въ Калужской губерніи, я нѣсколько разъ встрѣчалъ торговца еврея по имени Зусе Калманокъ Трейвасъ, который, разъѣзжая по ярмаркамъ съ товарами, останавливался иногда въ помѣщичьихъ усадьбахъ и производилъ очень пріятное впечатлѣніе; его всѣ любили и охотно имѣли съ нимъ дѣло. Изрѣдка въ нашемъ уѣздѣ появлялись пріѣзжіе евреи, комиссіонеры по покупкѣ хлѣба и другихъ продуктовъ; появленіе ихъ было всегда пріятно, такъ какъ сопровождалось повышеніемъ цѣнъ на продукты и аккуратнымъ расчетомъ по сдѣлкамъ. Впослѣдствіи, въ Тамбовской губерніи, я получилъ подтвержденіе того мнѣнія, что еврей-скупщики составляютъ

желательный элементъ для сельскаго производства: за исключеніемъ мѣстныхъ купцовъ-конкурентовъ, всѣ производители сельско-хозяйственныхъ продуктовъ высказывались противъ стѣсненія временнаго пребыванія евреевъ въ хлѣбныхъ центрахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Къ этимъ случайнымъ и довольно поверхностнымъ наблюденіямъ я могъ отнести, въ пользу болѣе широкаго взгляда на еврейскій вопросъ, тѣ общія начала справедливости и терпимости, которыя мнѣ были внушены полученнымъ мною общимъ образованіемъ.

Въ пассивъ евреевъ я могъ отнести только какое-то неопредѣленное чувство критики и недовѣрія, которое я испытывалъ въ то время по отношенію къ еврейскому племени; источника этого чувства я не могу точно выяснить, хотя предполагаю, что въ этомъ отношеніи могли на меня безсознательно повліять литературныя произведенія, въ которыхъ часто выставляются на видъ отрицательныя и смѣшныя стороны евреевъ.

Извѣстно мнѣ было, въ общихъ чертахъ, и обвиненіе въ стремленіи покорить міръ, которое приписывалось еврейству его врагами. Взглядъ на евреевъ съ этой точки зрѣнія, обоснованіе такого взгляда на исторіи и религіозномъ законѣ іудеевъ, — общеизвѣстны, и на нихъ я останавливаться не буду. Факты ближайшаго прошлаго — 42 трупъ и миллионный убытокъ, составившіе результатъ апрѣльскихъ событій, а также злобныя выходки извѣстной части общества и печати, имѣвшія цѣлью оправдать эти событія, производили на меня больше впечатлѣнія, нежели философскія разсужденія о роли евреевъ въ міровой исторіи и о грядущемъ ихъ торжествѣ.

Въ результатъ своихъ размышленій я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, опредѣлявшимъ мои будущія отношенія, какъ бессарабскаго губернатора, къ евреямъ, населяющимъ Бессарабію.

Я рѣшилъ, во-первыхъ, что существующіе законы, ограничивающіе права евреевъ, должны быть примѣняемы мной во всѣхъ случаяхъ, безъ послабленій и колебаній, несмотря на высказанное мнѣ въ Петербургѣ многими компетентными лицами мнѣніе о томъ, что правила 3 мая 1882 года оказались правительственной ошибкой и цѣли не достигли.*) Особенно рѣзко и прямо высказывался за расширеніе еврейскихъ правъ и противъ существующаго „безсмысленнаго“ законодательства о евреяхъ П. Н. Дурново, бывший въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но я понималъ ясно уже въ то время опасность внесенія въ управленіе губерніей своихъ вкусовъ и предубѣжденій и потому признавалъ необходимымъ строго держаться въ еврейскомъ вопросѣ законныхъ рамокъ. Затѣмъ, не менѣе крѣпко, застѣло въ моей головѣ намѣреніе не только не проявлять относительно евреевъ чувства отчужденности, предвзятаго недовѣрія, но, напротивъ, стараться всегда, послѣдовательно и твердо, стоять на той точкѣ зрѣнія, что евреи такіе же русскіе подданные, какъ и все прочее населеніе Россіи, пользующіеся въ отношеніи безопасности, наравнѣ съ другими, покровительствомъ законовъ и властей. Кишиневскій погромъ я намѣревался открыто признавать преступленіемъ, держась въ этомъ отношеніи того взгляда, который проведенъ былъ въ правительственномъ сообщеніи, послѣдовавшемъ въ маѣ мѣсяцѣ, и сторонясь отъ инсинуацій по адресу евреевъ, усердно навязываемыхъ въ то время обществу нѣкоторыми газетами.

Мнѣніе, что евреи сами виноваты въ погромѣ, что они явились стороною нападающей, вызвали сопротивление массъ и потерпѣли уронъ лишь въ силу русскаго

*) Небезынтересно замѣтить, что правила 3-го мая 1882 года, какъ я впоследствии узналъ, мотивированы были стремленіемъ оградить евреевъ въ насилій со стороны христіанскаго населенія.

молодечества и собственной трусости, съ удовольствіемъ высказывалось и въ правительственной средѣ. Но я читалъ подлинное дѣло о погромѣ и потому сознавалъ, что такое отношеніе къ нему тенденціозно.

Съ такимъ небогатымъ запасомъ мыслей и намѣреній, съ туманнымъ представленіемъ о Бессарабіи и о предстоявшихъ мнѣ въ будущемъ задачахъ, я снова отправился, передъ отъѣздомъ въ Кишиневъ, къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Разговоръ нашъ продолжался не долго. Плеве, видимо, не хотѣлъ высказываться по поводу взгляда своего на управленіе Бессарабіей, потому ли, что онъ мало былъ знакомъ съ ея особенностями, или потому, что онъ не могъ безъ раздраженія вспоминать о томъ шумѣ, который созданъ въ Россіи и, особенно, за границей по поводу кишиневской исторіи. Выслушавъ мой рассказъ о томъ, что говорилъ мнѣ Государь Императоръ, онъ попросилъ меня только, чтобы я, какъ можно скорѣе, постарался ознакомиться съ той частью Бессарабіи, которая была вторично присоединена къ Россіи въ 1878 г., подъ названіемъ Измаильскаго уѣзда, и управлялась по старымъ румынскимъ законамъ, съ тѣмъ, чтобы я представилъ записку о возможности введенія въ этомъ уѣздѣ русскаго, общеперскаго законодательства, если къ такому объединенію губерніи не встрѣтятся, по мѣстнымъ условіямъ, неодолимыхъ препятствій.

Не понравилась мнѣ въ министрѣ одна черта: когда я, между прочимъ, сказалъ ему, что, по моимъ свѣдѣніямъ, генералъ Раабенъ пробудетъ въ Кишиневѣ, въ губернаторскомъ домѣ, еще недѣли двѣ, и что мнѣ придется поневолѣ съ этимъ обстоятельствомъ примириться, чтобы дать возможность старику проститься съ городомъ и устроить свои дѣла, Плеве замѣтилъ: „Напрасно вы церемонитесь... Послѣ этого всякій посторонній заберется къ вамъ домъ, и вы будете его терпѣть!..“

Раабенъ уволенъ и ему нечего дѣлать въ казенномъ домѣ, можетъ переѣхать въ гостинницу.“

Заключительныя слова Плеве, при прощаніи, были буквально слѣдующія: „Я вамъ не даю ни совѣтовъ, ни указаній. Вы совершенно самостоятельны, но за то и отвѣтственны... Поступайте, какъ знаете, лишь бы результаты получились хорошіе. Одно скажу вамъ на прощаніе: пожалуйста, поменьше рѣчей и поменьше сентиментальнаго юдофильства.“

Я не разъ потомъ вспоминалъ объ этой заключительной фразѣ прославленнаго чтеца людскихъ сердецъ, какимъ многіе считали Плеве. Дѣйствительно, онъ показалъ въ этомъ случаѣ свою проницательность: мнѣ пришлось въ Кишиневѣ говорить не мало рѣчей, и я уѣхалъ оттуда съ прочной репутаціей юдофила...

II.

Изъ Петербурга я уѣхалъ 17-го іюня, забралъ въ Москвѣ заказанное раньше платье и другія вещи и, остановившись на два дня въ Калужской губерніи, въ нашемъ имѣніи, выѣхалъ 21-го вечеромъ, со станціи Воротынскъ, въ Кіевъ - Раздѣльную - Кишиневъ. Меня проводили на станцію семья и нѣсколько сосѣдей. Ёхалъ я совершенно одинъ и всю дорогу изучалъ Бессарабскій адресъ-календарь, высланный мнѣ правителемъ губернской канцеляріи, стараясь запомнить фамиліи служащихъ и даже имена и отчества тѣхъ изъ нихъ, съ которыми предстояло часто встрѣчаться, а также читалъ съ большимъ интересомъ, приобретенную въ Петербургѣ книгу „Бессарабія“, — изданіе мѣстнаго уроженца и публициста Крушевана. Книга эта, нѣчто вродѣ сборника, съ портретами и рисунками, значительно облегчила мнѣ первоначальное знакомство съ городомъ и губерніей.

Рано утромъ 23-го іюня я пересѣлъ на станціи Раздѣльной въ особый вагонъ, предоставленный мнѣ желѣзно-дорожнымъ начальствомъ, и сталъ подвигаться къ Днѣстру, границѣ Бессарабской губерніи, на которой мнѣ предстояло увидѣть первый, по пути, уѣздный городъ Бессарабіи — Бендеры.

Я писалъ вице-губернатору Устругову, чтобы онъ не объявлялъ о времени моего пріѣзда въ Кишиневъ, желая избѣжать парадной встрѣчи губернатора, на вокзалѣ, мѣстными властями. Такого рода встрѣчи общеприняты, хотя ни для кого не обязательны. Дурная сторона ихъ заключается въ томъ, что многіе изъ слу-

жащихъ въ городѣ ѣдутъ встрѣчать губернатора не по своей охотѣ и бранятъ его за это въ глубинѣ души, другіе не ѣдутъ, пользуясь большою самостоятельностью своего положенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно останавливаются на мысли, что ихъ воздержаніе будетъ истолковано, какъ протестъ или нежеланіе воздать должное начальнику губерніи. Всѣ слѣдятъ другъ за другомъ, уговариваются и, въ послѣднюю минуту, измѣняютъ уговору: появляются внезапныя болѣзни, или внезапная потребность съѣздить на вокзалъ проводить родныхъ, случайно ѣдущихъ съ тѣмъ же поѣздомъ, который привезъ губернатора, и, такимъ образомъ, не ѣздя на встрѣчу послѣднему, все-таки его встрѣтить. Словомъ, около вопроса объ этой встрѣчѣ всегда возникаютъ разговоры и суета, которыхъ пріятно бываетъ избѣжать. Поэтому я просилъ вице-губернатора ограничить число встрѣчающихъ меня на вокзалѣ лицъ пятью: полиціймейстеромъ, исправникомъ, правителемъ канцеляріи и двумя чиновниками особыхъ порученій, рассчитывая, сверхъ того, видѣть съ ними самого управляющаго губерніей вице-губернатора, если, какъ я выразился въ своемъ письмѣ, „Его Превосходительство пожелаетъ оказать мнѣ честь и удовольствіе, давъ мнѣ возможность познакомиться съ нимъ при самомъ вступленіи моемъ въ Кишиневъ, а черезъ его посредство и съ прочими подчиненными мнѣ должностными лицами.“ Однако, знакомство наше произошло раньше, нежели я ожидалъ. Подъѣзжая къ Бендерскому вокзалу, я увидѣлъ въ окно платформу, запруженную народомъ, разставленнымъ въ порядкѣ, съ проходомъ посрединѣ. Въ проходѣ помѣстился, въ мундирѣ, съ цѣпью на шеѣ и съ хлѣбомъ-солью на блюдѣ, городской голова съ ассистентами: полиціи было стянуто на вокзалъ великое множество, а впереди толпы, въ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, стоялъ сѣдой старикъ, Уструговъ, вошедшій ко мнѣ въ вагонъ въ сопровожденіи мѣст-

наго исправника и чиновниковъ особыхъ порученій — Лещова и Шуманскаго.

Наскоро поздоровавшись съ вошедшими и обмѣнявшись съ ними нѣсколькими словами, я вышелъ изъ вагона, направился къ городскому головѣ, отвѣтилъ кратко на его привѣтствіе и принялъ отъ него хлѣбъ-соль. Поговоривъ по нѣсколько минутъ почти со всѣми должностными лицами города и обнаруживъ нѣкоторое знакомство съ городомъ и уѣздомъ, почерпнутое во время дороги изъ чтенія крушевскаго сборника, я вошелъ на площадку своего вагона и, обернувшись лицомъ къ публикѣ, приложилъ руку къ фуражкѣ, въ знакъ благодарности за встрѣчу. Присутствующие, снявъ шляпы, начали громко кричать „ура“, причемъ особенно старались евреи, которыхъ можно было отличить по экспансивности темперамента и по тому жадному любопытству, съ которымъ они на меня смотрѣли, показывая на меня пальцами, толкая другъ друга и переговариваясь по поводу произведеннаго мною впечатлѣнія. Въ это время поѣздъ двинулся, и я вошелъ въ вагонъ, занявъ съ Уструговымъ отдѣльное купе. Полуторачасовой проѣздъ до губернскаго города я провелъ въ разговорѣ съ вице-губернаторомъ, сообщившимъ мнѣ непріятную новость о томъ, что въ Кишиневѣ можно ожидать со дня на день безпорядковъ, въ виду того, что евреи, составляющіе половину 140-тысячнаго населенія города, подъ предлогомъ раззоренія и затишья въ торговлѣ и производствѣ, не принимаютъ христіанскихъ рабочихъ, носятъ трауръ, не ходятъ на гулянья, въ результатъ чего, съ одной стороны, особенно рѣзко проявилась племенная рознь и взаимная отчужденность населенія, а съ другой — получилась масса безработнаго люда, готоваго во всякое время начать безпорядки. Мѣстныя войска, не отпущенныя въ лагери, по словамъ Устругова, роптали и въ общемъ были настроены къ евреямъ враждебно; также враж-

дебно былъ настроенъ по отношенію къ евреямъ самъ Уструговъ, предупредившій меня, что съ этой „язвой“ подѣлать ничего нельзя. Съ такимъ невеселымъ впечатлѣніемъ мы пріѣхали въ Кишиневъ.

На парѣ бѣлыхъ лошадей, въ открытой коляскѣ, мы поѣхали съ Уструговымъ сначала предмѣстьемъ города, а затѣмъ длинной Александровской улицей, главной артеріей Кишинева, отдѣлявшей нижнюю торговую и старую часть города отъ верхней, новой его части. На тротуарахъ стояли густыми рядами мужчины, женщины и дѣти. Они кланялись, махали платками, а нѣкоторые изъ нихъ даже становились на колѣни, что меня, не привыкшаго къ такимъ картинамъ, чрезвычайно поразило. Евреи, видимо, составляли большинство толпы. Мы пріѣхали прямо въ соборъ, а затѣмъ въ губернаторскій домъ, гдѣ меня любезно встрѣтилъ и пригласилъ завтракать генералъ Раабенъ. Послѣ завтрака я сдѣлалъ визитъ архіерею, викарному епископу, армянскому архіепископу, вице-губернатору, тремъ генераламъ, губернскому и уѣздному предводителямъ дворянства, предсѣдателю и прокурору суда, предсѣдателю губернской земской управы, управляющему казенной палатой и городскому головѣ, назначивъ на слѣдующій день, въ 11 час., пріемъ всѣхъ желающихъ представиться новому губернатору. Время, часовъ до 7 вечера, я провелъ въ бесѣдѣ съ моимъ предшественникомъ, а послѣ семи, переодѣвшись въ штатское платье, я вышелъ „калиткою садовой“ съ чиновникомъ особыхъ порученій Шуманскимъ, побродить по городу.

Прежде всего мы направились въ ту часть Кишинева, которая наиболѣе пострадала отъ погрома. Слѣды его были еще очень замѣтны. Во многихъ домахъ, сломанныя окна и двери были забраны тесомъ, кое-гдѣ виднѣлись поломанныя крыши и разрушенныя печныя трубы. Но главныя послѣдствія погрома, какъ я скоро увидѣлъ, надо было искать не во внѣшнихъ поврежде-

ніяхъ, а въ нарушенномъ обычномъ трудѣ, въ застоѣ промышленности и торговли, главнымъ же образомъ въ томъ настроеніи, которое поддерживало среди населенія рознь и вражду. Умиротворенію препятствовало столько же чувство горя, обиды и, можетъ быть, мести у евреевъ, сколько чувство досады у многихъ христіанъ, чувство, которое можно передать приблизительно такъ: „теперь изъ-за этихъ евреевъ приходится нести еще нравственную отвѣтственность за преступленіе.“ Большинство мѣстныхъ жителей-христіанъ не принимало участія въ погромѣ, многіе возмущались имъ, но далеко не всѣ они могли, положа руку на сердце, сказать, что никогда и ничѣмъ не способствовали поддержанію племенной розни между обѣими половинами кишиневского населенія. Указанныя мнѣ Уструговымъ, при разговорѣ въ вагонѣ, обстоятельства еще болѣе обостряли положеніе.

Обойдя наиболѣе интересныя части города, мы спустились въ нижнюю его часть, ближе къ теченію Быка, гдѣ ютилась еврейская бѣднота. На Азіатской и прилегающихъ къ ней улицахъ я увидѣлъ оригинальныя картины еврейскаго быта. Въ низенькихъ домикахъ, сквозь открытыя окна, виднѣлась вся обстановка жилищъ, спящія дѣти, приготовленіе ко сну взрослыхъ, запоздалый ужинъ, чтеніе книги вслухъ старымъ евреемъ окружавшей его семьѣ и т. п. Многіе спали на пристроенныхъ къ домамъ галлереямъ, а тѣ, кто еще не спалъ, съ любопытствомъ насъ оглядывали. Подойдя къ самой окраинѣ города, я тщетно старался увидѣть рѣку, о которой упоминается въ учебникахъ географіи; я долго не соглашался признать ее въ усмотрѣнной мной небольшой лужѣ, съ отвратительнымъ запахомъ, шириной мѣстами не болѣе аршина, безъ теченія, безъ всякой растительности вокругъ. Итакъ, первое утвержденіе, почерпнутое мной изъ чужого опыта, что „Кишиневъ стоитъ на рѣкѣ Быкѣ“,—оказалось невѣрнымъ:

ни рѣки, ни рѣчки, ни даже ручья въ Кишиневѣ нѣтъ. На другой день 24-го, въ 11 час. утра, залъ небольшого дома бессарабскаго дворянства, въ которомъ когда-то танцевалъ Пушкинъ, наполнился всевозможными мундирами. Казеннаго дома для губернатора въ городѣ не было, и онъ снималъ, за 6,000 руб. въ годъ, старый, очень симпатичный, дворянскій домъ, комнатъ въ 15, въ которомъ жилъ Императоръ Александръ II во время восточной войны. При домѣ былъ порядочный садъ и флигель, въ которомъ помѣщалась губернская канцелярія.

Въ кабинетъ мой вошелъ вице-губернаторъ и сказалъ, что меня ждутъ представляющіеся; они были разставлены полукругомъ, въ нѣсколько рядовъ, съ такимъ расчетомъ, что за каждымъ начальникомъ части, стоявшимъ въ первомъ ряду, помѣщались его сослуживцы и подчиненные.

Начавъ обходить съ лѣвой стороны, я сначала говорилъ съ представителями вѣдомствъ, которыхъ мнѣ представлялъ Уструговъ, а затѣмъ подвигался вглубь и знакомился съ ихъ сочленами; затѣмъ опять выходилъ къ центру полукруга и шелъ дальше, такимъ же порядкомъ, пока, сдѣлавъ полный кругъ, не очутился снова у двери кабинета. Ставъ у дверей, я поблагодарилъ лицъ, пожелавшихъ сдѣлать мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и прибавилъ нѣсколько фразъ, содержанія которыхъ я не запомнилъ, хотя вся небольшая рѣчь моя была тщательно обдумана раньше, записана и выучена наизусть. Въ такихъ случаяхъ важно взвѣсить каждое слово — ошибки долго не простятъ, и отъ перваго впечатлѣнія многое зависитъ. Вся церемонія продолжалась 45 минутъ. Вслѣдъ за общимъ приѣмомъ, меня посѣтили архіереи, генералы, губернскій предводитель дворянства и почти весь составъ окружнаго суда съ предсѣдателемъ его во главѣ.

Мнѣ предстояло отвѣтить 60-ю визитами; я сдѣлалъ ихъ въ четыре дня благодаря тому, что немногихъ

засталъ дома. При этомъ произошло только одно недоразумѣніе: намѣреваясь быть у товарища прокурора Кенигсона, я позвонилъ и оставилъ карточку у присяжнаго повѣреннаго Кенигшаца. Я потомъ исправилъ свою ошибку, но, какъ я узналъ въ послѣдствіи, визитъ Кенигшацу былъ мнѣ поставленъ на счетъ въ Петербургѣ, такъ какъ это лицо, помимо принадлежности къ еврейству, считалось „неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи“.

Генерала Раабена я довольно близко узналъ въ теченіе тѣхъ 10 дней, которые мы прожили вмѣстѣ въ губернаторскомъ домѣ. Его присутствіе избавило меня, на первыхъ порахъ, отъ хлопотъ по устройству домашняго хозяйства, благодаря тому, что онъ продолжалъ держать свою прислугу и вести всѣ расходы, согласившись, по моей настойчивой просьбѣ, принять половину ихъ отъ меня.

Мнѣ, прежде всего, хочется самымъ рѣшительнымъ образомъ возстать противъ обвиненія Раабена въ сознательномъ допущеніи погрома и разрушить легенду о письмѣ, будто-бы написанномъ ему по этому поводу министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Не говоря уже о томъ, что Плеве, безъ всякихъ церемоній, настоялъ передъ Государемъ на увольненіи Раабена, и что послѣдній долгое время оставался въ неизвѣстности относительно своей дальнѣйшей судьбы, представляется невѣроятнымъ, чтобы министръ неосторожно довѣрился въ данномъ случаѣ человѣку, мягкость и порядочность котораго исключала возможность рассчитывать на выполненіе имъ столь жестокаго плана. Я не хочу сказать этимъ, что считаю министра способнымъ быть инициаторомъ погрома. Напротивъ, я думаю, что Плеве былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы прибѣгать къ такого рода мѣрамъ борьбы съ евреями, при всей ненависти своей къ нимъ. Но если Плеве могъ считать кишиневскій погромъ вреднымъ для правительства по своимъ послѣдствіямъ, то Раабенъ

по самому характеру своему и свойствамъ, не могъ бы взять на себя роль исполнителя и организатора рѣзни. Таково не только мое личное мнѣніе, — я черпаю увѣренность въ невиновности моего предшественника изъ общаго убѣжденія всѣхъ его сослуживцевъ и подчиненныхъ. а также многихъ представителей мѣстной еврейской общины, мнѣніе которыхъ заслуживаетъ въ данномъ случаѣ полного вниманія.

Раабенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ губернаторовъ, которые смотрятъ на свое положеніе, какъ на почетное и обезпеченное мѣсто, полученное въ награду за прежнюю службу. Генераль-лейтенантъ, георгіевскій кавалеръ, украшенный четырьмя звѣздами, до Бѣлаго Орла включительно, онъ жилъ одинъ, безъ семьи, любилъ общество, карты, ухаживалъ за дамами и очень мало занимался дѣлами. Онъ посвящалъ утро приему просителей и докладчиковъ, предсѣдательствовалъ въ присутствіяхъ безъ подготовки и никогда не занимался послѣ обѣда. Управление губерніей было фактически имъ передано тремъ лицамъ: правителю канцеляріи — по дѣламъ, касающимся губернатора лично, вице-губернатору — по губернскому правленію, и одному изъ непременныхъ членовъ — по дѣламъ крестьянскаго управленія и суда. Эти три лица давно размежевались между собою, не мѣшая другъ другу, и всѣ трое были очень дѣльными и способными чиновниками.

Вице-губернаторъ Уструговъ соединялъ съ этими качествами много недостатковъ, благодаря которымъ онъ не пользовался ни расположеніемъ, ни довѣріемъ Раабена. Но любовь губернатора къ покою превозмогала, и Уструговъ оставался верховнымъ руководителемъ губернскаго правленія, завѣдывавшаго, между прочимъ, всѣми дѣлами, касающимися евреевъ.

Общее направленіе губернскаго правленія состояло въ стѣсненіи евреевъ, доходившемъ до извращеній закона; но иногда, по отдѣльнымъ дѣламъ допускались

имъ послабленія, заставлявшія предполагать небезкорыстный поводъ.

Раабенъ отличался своими сердечными слабостями. У полиціймейстера, необыкновенно глупаго и лѣниваго эсаула казачьихъ войскъ, вывезеннаго Раабеномъ съ Дона, жила, подъ видомъ родственницы, такъ называемая „желтая дама“, занимавшая въ городѣ полуофициальное положеніе. Ее приглашали на вечера съ губернаторомъ, въ театрѣ она сидѣла въ губернаторской ложѣ и исчезала изъ города, когда Раабенъ уѣзжалъ въ отпускъ. Кромѣ того, въ домѣ губернатора жила дѣвица лѣтъ 19, очень миленькая, обязанность которой заключалась въ веденіи домашняго хозяйства. Съ ней незадолго до моего пріѣзда произошелъ любопытный случай. Въ окно ея комнаты, ночью, сталъ ломиться пьяный офицеръ, съ трудомъ удаленный проснувшимся губернаторомъ. Командиръ посадилъ на другой день виновника тревоги на гауптвахту и, такимъ образомъ, авторитетъ губернатора въ городѣ былъ восстановленъ. Городскія дамы любили Раабена за его любезность, за его манеру ухаживать, и онъ отбоя не имѣлъ отъ приглашеній, какъ въ городѣ, такъ и въ губерніи. Поѣздки его на ревизіи обращались, благодаря этому, въ сплошной праздникъ.

Я долженъ признаться, что, за исключеніемъ выработанной манеры слушать доклады и принимать просьбы, у Раабена не было никакихъ данныхъ, чтобы оказывать на управление губерніей какое-либо вліяніе положительнаго характера. Приведу поразительный примѣръ его малой освѣдомленности въ законахъ: когда онъ былъ уволенъ отъ должности за нераспорядительность, выразившуюся, между прочимъ, въ томъ, что онъ, вызвавъ войска, передалъ свою власть начальнику дивизіи и совершенно устранился отъ всякихъ распоряженій, Раабенъ потребовалъ правителя своей канцеляріи и взволнованнымъ голосомъ сказалъ; „да покажите мнѣ, нако-

нецъ, эти правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданской власти, о которыхъ мнѣ протрубили уши“.

Эти правила онъ долженъ былъ знать, во первыхъ, какъ бывший полковой командиръ и начальникъ дивизіи, а затѣмъ, какъ гражданскій губернаторъ, пробывшій въ должности четыре года.

„Только что я началъ знакомиться съ губерніей, какъ мнѣ приходится уѣзжать изъ нея“, сказалъ мнѣ Раабенъ, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Бессарабіи. Но даже послѣ этихъ словъ я остаюсь при томъ убѣжденіи, что Раабенъ благополучно продолжалъ бы управлять Бессарабіей до сего дня, получая награды и окруженный общей любовью, если бы не случилось апрѣльскаго событія. Извѣстнаго рода порядочность въ служебныхъ отношеніяхъ, отсутствіе придирчивости и желанія всюду совать свой носъ, проявляя вездѣ свою власть, доброжелательное отношеніе ко всѣмъ и незапачканныя чужими деньгами руки—не малые качества для губернатора. Кромѣ того, Раабенъ, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ общему характеру края, въ которомъ среди богатой природы царствовала лѣнь и беззаботность. Мало развитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледѣльческое населеніе; легкомысленные, жизнерадостные, любящіе пожить помѣщики; снисходительное къ своимъ и чужимъ слабостямъ, склонное къ внѣшнему блеску и тяготѣвшее къ представителямъ власти общество; мало труда и характера, много добродушнаго хлѣбосольтства и нѣкоторая распушенность нравовъ—такова въ общихъ чертахъ Бессарабія, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку.

Устругову я сообщилъ переданное мнѣ министромъ извѣстіе о предстоящей перемѣнѣ его службы, хотя не могъ, по незнанію, удовлетворить его любопытства относительно того, куда онъ будетъ назначенъ. Колеблясь между надеждами на повышение и опасеніями

быть причисленнымъ къ министерству безъ опредѣленной должности, Уструговъ потерялъ интересъ къ Бессарабскимъ дѣламъ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ не могъ положиться на его безпристрастіе и добросовѣстность. Я съ удовольствіемъ предоставилъ ему возможность уѣхать въ Подольскую губернію, на двѣ недѣли, обрадовавшись случаю, безъ его посредства и совѣтовъ, окунуться въ надвигавшіяся на меня дѣла и заботы.

На третій день моего пріѣзда, ко мнѣ явилась депутація представителей мѣстной еврейской общины, въ количествѣ 12 человѣкъ. Въ составѣ ея были купцы, врачи, присяжные повѣренные,—все люди съ вѣсомъ и положеніемъ. Они пришли не для выполненія долга вѣжливости, что было видно по ихъ серьезнымъ и взволнованнымъ лицамъ, а для полученія отвѣта на волнующій всѣхъ вопросъ: что будетъ дальше, чего имъ ожидать и на что надѣяться? Я записалъ въ тотъ же день слова, произнесенныя мною въ отвѣтъ на пріѣздившій депутаціи, въ которомъ положеніе дѣлъ рисовалось въ самыхъ яркихъ краскахъ. Привожу ихъ въ видѣ доказательства того, какъ мало нужно было обѣщать, чтобы заслужить довѣріе мѣстныхъ евреевъ и установить съ ними добрыя отношенія. Я сказалъ почти дословно слѣдующее:

„Господа, я не вижу въ васъ представителей какой-либо общественной или сословной единицы, какого-либо общества или учрежденія. Вы въ моихъ глазахъ являетесь частью живущихъ въ Кишиневѣ русскихъ подданныхъ, связанныхъ между собой религіей, пожелавшихъ привѣтствовать новаго губернатора и поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ, а поэтому и отвѣтъ мой будетъ имѣть характеръ частный, такъ сказать, домашній. Вамъ интересно знать, какъ я буду относиться къ евреямъ, составляющимъ значительную часть населенія Кишинева. Съ удовольствіемъ и полной готовностью отвѣчу на

ваши желанія. Религіозной нетерпимости, расовой вражды, пристрастного отношенія вы не имѣете права ожидать отъ высшаго представителя правительственной власти въ губерніи. Законы наши и воля Царя, неоднократно выраженная, устанавливаютъ въ Россіи свободу вѣроисповѣданія, а господствующая въ нашемъ отечествѣ религія учить не враждѣ, а миру и любви. Прибавлю къ этому, что мнѣ лично чужда племенная и религіозная рознь, почему для меня легко будетъ, въ отношеніяхъ моихъ къ евреямъ, строго слѣдовать требованіямъ подлежащихъ законовъ, не внося въ ихъ толкованіе какой-либо посторонней, личной примѣси. Таковы общія правила, которыми я буду руководствоваться. Другихъ, повторяю, вы не могли отъ меня ожидать.

„Переходя отъ общихъ вопросовъ къ частнымъ, я хочу сказать нѣсколько словъ, касающихся того ненормальнаго положенія, въ которомъ я застаю Кишиневъ, въ смыслѣ тревожнаго, подозрительнаго, отчасти враждебнаго отношенія одной части населенія къ другой. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее для того, чтобы теченіе нашей жизни вошло въ обычное русло и чтобы мирныя, ежедневныя занятія населенія протекали безмятежно, но для достиженія этой благой цѣли мало усилій одного человѣка, мало даже усилій цѣлаго административнаго вѣдомства,—нужна сознательная помощь самого населенія. И вотъ, разъ вы пожелали предстать передъ мной въ качествѣ представителей еврейской части населенія, узнайте то, чего я ожидаю въ упомянутомъ отношеніи отъ евреевъ. Я, прежде всего, обязанъ настаивать на томъ, чтобы евреи добросовѣстно подчинялись тѣмъ ограниченіямъ ихъ личныхъ имущественныхъ правъ, которыя установлены для нихъ закономъ, не стараясь ихъ нарушать и обходить. Я въ правѣ ожидать, затѣмъ, что евреи, будучи народомъ богато одареннымъ и тѣсно сплоченнымъ и побуждая

часто, благодаря этимъ свойствамъ, мѣстное населеніе въ экономической борьбѣ, будутъ пользоваться плодами побѣды съ осторожностью и тактомъ. Молдаванское коренное населеніе, какъ и русское, добродушно и незлобиво; въ немъ нѣтъ большой подвижности, способности и стремленія къ накопленію богатствъ; будучи первыми, непосредственными производителями цѣнностей, мѣстные жители не умѣютъ ихъ сберегать и обмѣнивать,—въ этомъ вы всегда ихъ превзойдете,—такъ умѣйте же разумно пользоваться вашими преимуществами, относитесь хорошо къ населенію, среди котораго вы живете, и я увѣренъ, что столкновеній между вами никогда не произойдетъ. Въ частности, я просилъ бы васъ приложить стараніе къ тому, чтобы послѣдствія бывшихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ безпорядковъ перестали служить поводомъ къ поддержанію въ населеніи города взаимной вражды. Виновные въ апрѣльскихъ злодѣяніяхъ понесли или понесутъ должное наказаніе; потерпѣвшіе въ значительной степени получили помощь, и матеріальную, и нравственную, — пора вернуть всѣмъ спокойствіе: безпорядки — явленіе временное и переходящее, а нормальная трудовая жизнь постоянна—сдѣлайте съ своей стороны все возможное къ тому, чтобы прошедшіе тяжелые дни скорѣй передались забвенію. Затѣмъ, во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ, прошу обращаться ко мнѣ,—двери мои всегда для васъ открыты.“

Любопытно замѣтить, что не болѣе, какъ чрезъ недѣлю послѣ приѣма еврейской депутаціи, я получилъ изъ Петербурга, отъ Лопухина, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что Плеве очень желаетъ ознакомиться съ тѣмъ, что мною было сказано евреямъ. Я послалъ ему копію только-что приведеннаго здѣсь моего отвѣта.

Попросивъ членовъ депутаціи сѣсть, я поговорилъ съ ними еще съ полчаса, послѣ чего мы разстались.

Какова же была запуганность евреевъ и какъ мало нужно было имъ гарантій отъ администраціи, если они удалились, вполне довольные и почти успокоенные послѣ моихъ въ сущности не лестныхъ для нихъ словъ!

Обдумавъ свое положеніе, я пришелъ къ заключенію, что надо дебютировать въ управленіи губерніей такой мѣрой, которая была бы неожиданной, необычной и могла бы дать общественному настроенію новое направленіе. Я остановился на мысли воспользоваться высказанными мнѣ военнымъ начальствомъ сѣтованіями на нарушеніе, по требованію гражданскихъ властей, обычныхъ лѣтнихъ лагерныхъ занятій и удовлетворить желаніе военныхъ, отказавшись отъ содѣйствія войскъ. Я написалъ собственноручно начальнику гарнизона, что присутствіе войскъ въ городѣ для охраны порядка я нахожу излишнимъ, о чемъ вслѣдъ за тѣмъ сообщилъ въ Одессу командующему войсками округа.

Эффектъ получился очень большой. Объ отмѣнѣ лагернаго похода въ 1903 году сносились и спорили министры—военный и внутреннихъ дѣлъ, докладывали Государю, запрашивали телеграммами военный округъ и губернатора, возобновляли запросы по новому требованію военного министра, послѣ чего, наконецъ, военныя власти, скрѣпя сердце, уступили. Теперь, внезапно, получалась возможность войскамъ вернуться къ нормальнымъ занятіямъ, чему военное начальство было очень радо.

Въ городѣ поднялся переполохъ, такъ какъ я никому предварительно не сообщилъ о своемъ рѣшеніи. Евреи стали волноваться и присылать ко мнѣ своихъ ходатаевъ, многіе изъ служащихъ въ городѣ предостерегали меня по поводу опасности остаться безъ помощи при беспорядкахъ; въ особенности испугался полицеймейстеръ, только-что назначенный Уструговымъ на мѣсто уволеннаго эсаула. Но дѣло уже было сдѣлано, и мнѣ оставалось спокойно отвѣчать, что я вполне увѣренъ въ сохраненіи порядка и не вижу надобности

вѣчно считать Кишиневъ на положеніи вулкана, готово-го къ изверженію.

Для меня до сихъ поръ остается загадкою: то поистинѣ чудесное превращеніе, которое совершилось въ жизни и настроеніи города, въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ моего пріѣзда. Факты таковы: я пріѣхалъ, если не ошибаюсь, во вторникъ; въ среду я принималъ служащихъ, въ четвергъ — еврейскую депутацію, въ субботу кончилъ свои визиты, а въ ту же субботу вечеромъ полиціи пришлось удвоить нарядъ въ городскомъ саду, по которому, въ виду шабаша, двигалась густой толпой еврейская публика, въ нарядныхъ костюмахъ и праздничныхъ уборахъ. Слухъ о томъ, что евреи перестали носить трауръ и снова появились на гуляньяхъ, быстро распространился по городу; улицы оживились, всѣ съ любопытствомъ наблюдали другъ за другомъ, обмѣнивались замѣчаніями, вообще настроеніе стало веселое и даже радостное. Съ понедѣльника началась усиленная починка домовъ, магазиновъ и помѣщеній, пострадавшихъ отъ погрома, рабочіе встали вновь на прежнюю работу, торговля оживилась и черезъ нѣсколько дней нельзя было встрѣтить въ городѣ человѣка, который относился бы серьезно къ опасеніямъ о повтореніи беспорядковъ. Все успокоилось, и Кишиневъ зажилъ прежней жизнью.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить еще объ одномъ, довольно смѣломъ предпріятіи, которое я подготовилъ тайно и выполнилъ неожиданно, благодаря чему оно окончилось благополучно. Во время погрома неистовство громилъ не ограничилось убійствами и грабежами; они врывались въ синагоги и разбивали въ нихъ мебель и утварь. Главнымъ священнымъ предметомъ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ является ковчегъ, въ которомъ хранятся свитки священной Торы съ текстомъ, написаннымъ на пергаментѣ особыми духовными лицами. Еврейскій казенный раввинъ, а также духовные

раввины, придя ко мнѣ, объяснили, что, по еврейскому обряду, необходимо похоронить на кладбищѣ остатки этихъ святынь, поруганныхъ святотатственными руками, но предупредили меня, что эти похороны привлекутъ огромное количество вѣрующихъ. Справившись по поводу этого заявленія, я убѣдился въ томъ, что еврейская религія относится къ свисткамъ Торы примѣрно такъ, какъ православная къ причастію, т.-е. претвореннымъ въ тѣло и кровь хлѣбу и вину. Являлось несомнѣннымъ, что выполнение обряда похоронъ надо допустить; — это признавали и Уструговъ, и полиціймейстеръ, но, до моего приѣзда, все откладывали выдачу разрѣшенія, боясь безпорядковъ. Я потребовалъ отъ духовныхъ раввиновъ представленія мнѣ плана и описанія маршрута процессіи, опредѣлилъ часъ (9 утра) для ея начала, узналъ, что въ процессіи примутъ участіе до 30,000 человѣкъ, и сказалъ, что пришлю разрѣшеніе черезъ нѣсколько дней, причемъ предупредилъ, что поставлю раввина въ извѣстность только вечеромъ наканунѣ того дня, который изберу для похоронъ. Я объяснилъ, кромѣ того, раввинамъ, что весь составъ полиціи останется все время въ городѣ, для охраны базара и лавокъ, за исключеніемъ 10—20 человѣкъ, и что поэтому евреи должны организовать шествіе сами, сохраняя на улицахъ порядокъ и оберегая толпу отъ несчастныхъ случаевъ, почти неизбѣжныхъ при скопленіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ въ одномъ узкомъ мѣстѣ.

Ужасъ полиціймейстера, которому я передалъ свое разрѣшеніе для объявленія его по принадлежности лишь наканунѣ знаменательнаго дня, не поддается описанію. Онъ поблѣднѣлъ, какъ скатерть, и не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Мнѣ самому пришлось вырабатывать съ нимъ, на городскомъ планѣ, порядокъ шествія, и, къ концу занятій, полиціймейстеръ значительно успокоился.

Слѣдующее утро, съ 9 до 1 часу дня, я провель дома, недалеко отъ телефона; въ каретномъ сараѣ стоялъ для меня наготовѣ экипажъ, и я, занимаясь обычными дѣлами, былъ нѣсколько разсѣянъ и озабоченъ. Къ часу дня явился сіяющій полиціймейстеръ, докладывая, что пуолика возвращается въ городъ, что все прошло благополучно, и что порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ, если не считать нѣсколько истерическихъ криковъ у склепа, въ которомъ замуровали обрывки свитковъ.

Послѣ часу дня я отправился въ засѣданіе одного изъ губернскихъ присутствій, гдѣ узналъ новости: мнѣ сообщили, что евреи что-то затѣваютъ, такъ какъ они закрываютъ лавки. Явившіеся затѣмъ члены другихъ вѣдомствъ добавили, что лавки открыты, а евреи, въ праздничныхъ одеждахъ, группами человѣкъ по 10—20, расходятся по городу. Я сообщилъ имъ, что похоронена Тора, и вызвалъ этимъ общее удивленіе.

Съ этого дня, какъ мнѣ кажется, возникло во мнѣ, по отношенію къ кишиневскимъ евреямъ, какое-то чувство расположенія и признательности, сохраняемое мною до сего времени. Съ той же поры и я, въ ихъ глазахъ, получилъ право на довѣріе, какъ человѣкъ, который не только хочетъ, но и можетъ обезпечить имъ безопасность.

Я приобрѣлъ впослѣдствіи такую увѣренность въ безусловномъ признаніи кишиневскими евреями моего авторитета, что однажды зимой, въ Петербургѣ, на высказанный министромъ внутреннихъ дѣлъ взглядъ о разнузданности и неповиновеніи властямъ всѣхъ евреевъ, предложилъ ему, полушутя, полусерьезно, сдѣлать слѣдующій опытъ:

„Не угодно-ли, сказалъ я, сдѣлать испытаніе. Я сейчасъ пошлю въ Кишиневъ, по вашему выбору, телеграфное распоряженіе: или всѣмъ жителямъ евреямъ выйти за городъ и простоять на городскомъ выгонѣ 2 часа, или, наоборотъ, запереться по домамъ и не

выходить никуда въ теченіе того же срока. Выбирайте любое изъ двухъ, — ручаюсь, что все будетъ исполнено въ точности“.

Министръ, конечно, не согласился на предложенный мною опытъ. Но дѣло въ томъ, что за этой шуткой скрывалась серьезная сторона: я утверждаю, что евреи въ то время, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ отъ погрома, способны были исполнить даже такое бессмысленное распоряженіе.

Слухи о состоявшихся похоронахъ Торы пошли гулять по свѣту и дошли до Петербурга съ совершенно невѣроятными комментаріями. Выходило такъ, что я далъ еврейству поводъ торжествовать побѣду надъ христіанствомъ, что я самъ принималъ участіе въ процессіи и похоронномъ обрядѣ, что, по случаю еврейскаго торжества, въ городѣ не торговали, какъ въ царскіе дни, — и тому подобный вздоръ. Мнѣ все это рассказалъ полковникъ Чарнолуцкий, начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія, одинъ изъ числа немногихъ лицъ, которыхъ я предупредилъ о своемъ планѣ заблаговременно. Онъ, кажется, долженъ былъ употребить въ разговорѣ съ министромъ не мало усилій, чтобы представить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ, но и послѣ этого ему пришлось услышать отъ Плеве отзывъ, въ которомъ говорилось что-то о „безразсудномъ рискѣ“ губернатора.

Прошли первые дни моего губернаторства, уѣхалъ Раабенъ, послѣ торжественныхъ и даже сердечныхъ проводовъ, а затѣмъ и Уструговъ, переведенный въ Тифлисъ, и для меня наступили дни обычныхъ, скромныхъ занятій, среди которыхъ я постепенно узнавалъ губернію. Дѣла было очень много. Я вставалъ ежедневно въ 8-мъ часу утра, просыпаясь иногда и раньше, если въ Благородномъ собраніи, помѣщавшемся противъ моего дома, засиживались посѣтители. Въ такихъ случаяхъ музыка, игравшая по приглашенію членовъ клуба

всю ночь, выходила на улицу исполнять тушъ, провожая засидѣвшихъ щедрыхъ гостей. Тушъ этотъ, знаменуя для нихъ время отдыха, вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждалъ меня къ дѣятельности. Въ восемь съ половиной часовъ я начиналъ пріемъ просителей, съ утра собиравшихся на дворѣ.

Пріемъ просителей въ Кишиневѣ — обрядъ въ Великороссіи неизвѣстный. Пріемная моя обыкновенно наполнялась раза три-четыре въ день такъ, что мнѣ приходилось выходить къ просителямъ черезъ каждый часъ. Они говорили чуть не на десяти разныхъ языкахъ, изъ которыхъ мнѣ были знакомы не болѣе двухъ. Великороссы, малороссы, поляки, евреи, турки, греки, армяне, болгары, нѣмцы-колонисты, швейцарцы изъ села Шабо, какіе-то гагаузы и, наконецъ, въ огромномъ количествѣ, молдаване — совершенно ошеломляли меня первое время. Молдаване стояли на колѣняхъ, держа на головахъ прошенія, и потихоньку бормотали свои просьбы, глядя въ землю; евреи, и, особенно, еврейки, жестикулировали и насѣдали такъ, что приходилось отъ нихъ пятиться. Всякій, подававшій прошеніе, желалъ объясниться еще и на словахъ. Я обыкновенно давалъ каждому высказаться и затѣмъ отпускалъ его, для чего спеціально выучилъ нѣсколько молдавскихъ словъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣло представлялось мнѣ болѣе важнымъ, я тутъ-же, среди просителей находилъ переводчиковъ, и они прекрасно исполняли свою обязанность.

Такого рода пріемы — очень тяжелое дѣло. Особенно сильно утомлялись нервы отъ полной невозможности судить объ основательности жалобъ. Жалобщики, особенно евреи, настолько всегда преувеличивали дѣло, уснащали его такими невѣроятными подробностями, что положительно невозможно было имъ вполнѣ вѣрить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они требовали почти всегда немедленныхъ предварительныхъ распоряженій. Выхо-

дило обыкновенно такъ, что еще одинъ день, — и все погибнетъ: семья, имущество и прочее. Поневоля приходилось отпускать просителей до справки, а на другой день они снова являлись, полагая, что я успѣлъ все узнать и могу распорядиться. Требовалось большое терпѣніе и выдержка, чтобы разобраться въ этой кучѣ прошеній, выдѣлить спѣшныя дѣла и слѣдить за ихъ ходомъ. Но особенно выводила меня изъ спокойнаго состоянія привычка молдаванъ являться издалека, чтобы подать мнѣ лично какую-нибудь кассационную жалобу, которой я даже разсматривать не могъ, такъ какъ она просто подлежала передачѣ по почтѣ губернскому присутствію. Кончалось, обыкновенно, тѣмъ, что такой проситель, кромѣ путевыхъ расходовъ, тратилъ рублей пять на составленіе пустого прошенія. Невѣроятно легко обирать молдаванина: онъ самъ идетъ навстрѣчу поборамъ и какъ будто доволенъ, когда ему удастся вручить солидную сумму аферистамъ, караулящимъ его на всѣхъ углахъ.

Параллельно приему просителей, шелъ въ кабинетъ ірмепъ докладчиковъ и посѣтителей. Официально приемъ кончался къ 12-ти часамъ, но на самомъ дѣлѣ рѣдко выдавался день, когда я могъ спокойно позавтракать до часу дня. Въ часъ приходилъ правитель канцеляріи, и въ два часа я предсѣдательствовалъ въ одномъ изъ присутствій, въ общемъ не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю, а иногда и ежедневно. Если присутствіе кончалось рано, то я на пути домой, дѣлалъ нѣсколько визитовъ, но иногда засѣданія продолжались до 6—7 часовъ вечера, въ такихъ случаяхъ, я съ трудомъ выгадывалъ одинъ часъ на обѣдъ и прогулку по саду.

Съ 8 часовъ я садился за бумаги, заключавшіяся въ 7—8 портфеляхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Передъ сномъ я любилъ походить по городу, въ штатскомъ платьѣ, но это не всегда мнѣ удавалось, такъ

какъ иногда мои занятія продолжались до 12 часовъ ночи. Для прогулокъ своихъ я имѣлъ обыкновеніе выбирать глухія мѣста, гдѣ, по моимъ свѣдѣніямъ, происходили кражи, а иногда и грабежи. Полиція вскорѣ замѣтила этотъ обычай, и охрана города значительно улучшилась. Слѣдуетъ упомянуть, что, съ уходомъ войскъ въ лагеря, кражи и ночныя буйства сократились наполовину.

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ я потерялъ въ вѣсѣ около десяти фунтовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Уфы новый вице-губернаторъ, Блокъ, незабвенный товарищъ, вѣрный помощникъ мой и единомышленникъ, съ которымъ мы дружно жили и работали до моего отъѣзда изъ Кишинева въ Тверь. Шальная бомба террориста прекратила жизнь этого честнѣйшаго дѣятеля въ 1906 г., когда онъ былъ самарскимъ губернаторомъ. Пріѣздъ Блока меня очень ободрилъ, облегчилъ мою работу и далъ мнѣ возможность объѣхать уѣзды губерніи.

III.

Мнѣ пришлось, на первыхъ же порахъ, обратить серьезное вниманіе на мѣстную полицію, городскую и уѣздную. Вскорѣ оказалось, что составъ ея, въ отношеніи способностей и дѣловитости отдѣльныхъ полицейскихъ чиновъ, весьма удовлетворителенъ, что особенно стало замѣтно въ городѣ Кишиневѣ послѣ того, какъ руководство городской полиціей принялъ на себя приглашенный мною, бывший когда-то полиціймейстеромъ въ Ригѣ, полковникъ Рейхартъ, опытный и дѣльный исполнитель. Изъ пяти городскихъ приставовъ — двое положительно выдавались, двое были вполнѣ удовлетворительны, и только одного пришлось удалить за сличкомъ безцеремонное взяточничество.

Разъ рѣчь зашла о незаконныхъ поборахъ, приходится на этомъ вопросѣ остановиться. Какъ-то разъ я, при содѣйствіи одного изъ членовъ прокурорскаго надзора, знатока края, попробовалъ вычислить, поддающуюся примѣрному учету, часть поборовъ производимыхъ полиціей по губерніи. Вышло значительно болѣе милліона рублей въ годъ. Чтобы нѣсколько реабилитировать бессарабскую полицію въ глазахъ наивныхъ людей, которымъ когда-нибудь придется читать эти строки, я упомяну, что петербургская полиція, по самому тщательному дознанію знатока дѣла, служившаго въ градоначальствѣ, получаетъ до 6-ти милліоновъ рублей въ годъ однѣхъ подписныхъ денегъ, т. е. такихъ, которыя даются не за нарушеніе закона или злоупотребленія по службѣ, а просто за то, что существуетъ полиція и существуютъ обыватели-домовладѣльцы, ла-

вочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Побо́ры за нарушенія законовъ, въ интересахъ дающихъ, здѣсь въ расчетъ не приняты, въ виду невозможности ихъ учесть.

Итакъ, я скоро убѣдился, что взятка среди бессарабской полиціи, за малыми исключеніями, играетъ большую роль. Въ этомъ убѣдиться было не трудно, глядя на то, какъ становые пристава разъѣзжаютъ четверками, въ рессорныхъ коляскахъ, ѣздятъ въ первомъ классѣ по желѣзнымъ дорогамъ, приобрѣтаютъ дома и участки земель и проигрываютъ въ карты сотни, а иногда и тысячи рублей. Не трудно было узнать и объ источникѣ ихъ доходовъ. Въ развращеніи полиціи оказались виновными все тѣ же злополучные евреи — язва Бессарабіи.

Евреи, по временнымъ правиламъ 1882 года, не могутъ арендовать земли. Земли бессарабскихъ помѣщиковъ въ арендѣ у евреевъ — вотъ первый источникъ доходовъ полиціи. Фиктивные договоры, по которымъ помѣщичьи земли сдаются подставнымъ лицамъ, за которыми стоитъ дѣйствительный арендаторъ — еврей, подлежатъ уничтоженію судомъ, искомъ порядкомъ, причемъ истцомъ является губернская администрація. Доказать такой искъ почти невозможно, приходится обыкновенно его проигрывать и, сверхъ того, платить судебныя издержки изъ средствъ казны, которая ихъ притомъ не отпускаетъ, такъ что губернское начальство неохотно берется за такого рода дѣла и къ возбужденію ихъ полицію не поощряетъ. Съ другой стороны, незаконному арендатору все же пріятнѣе уплатить 50 к. съ десятины, нежели возиться съ властями и таскаться по судамъ. Отсюда, появленіе арендныхъ книгъ, по которымъ производятся въ два срока платежи или исправнику, который ихъ распредѣляетъ, или, если исправникъ не беретъ взятку (такихъ было у меня три), то непосредственно приставамъ.

Подесятинная плата бываетъ и ниже полтинника, но тогда полицейскіе чины засѣвають въ каждомъ имѣніи часть земли отъ себя и держатъ свой скотъ на кормахъ арендаторовъ. Когда я однажды уволилъ одного станового пристава, то ему пришлось продать до 70 штукъ своего скота въ разныхъ имѣніяхъ. Кое-кто изъ арендаторовъ при этомъ заспорилъ, и дѣло, благодаря этому, выяснилось.

Передъ отъѣздомъ изъ Кишинева, когда я былъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ, мнѣ захотѣлось провѣрить свои наблюденія по вопросу о незаконной арендѣ. Я обратился къ очень почтенному еврею Ф—у, арендовавшему, по слухамъ, нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли въ губерніи, и просилъ его откровенно сказать, платилъ ли онъ полиціи и сколько. Оказалось что онъ прежде всегда платилъ два раза въ годъ всего отъ 30—50 к. за десятину, но за послѣднее полугодіе попробовалъ не отдать.

„Какія же были послѣдствія?“ спросилъ я.

„Ничего, подулись немножко, но не притѣснили,“ отвѣтилъ онъ, прибавивъ задумчиво: „пожалуй, теперь придется заплатить и за прошедшее полугодіе.“

Вторая статья поборовъ — право временнаго пребыванія евреевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Жить въ селахъ они не могутъ, но временно пребывать, по торговымъ и другимъ дѣламъ, — имѣютъ право. Что значитъ — временно? Какіе признаки указываютъ на окончаніе дѣла? Эти вопросы разрѣшаются въ первой инстанціи мѣстной полиціей, приводящей немедленно въ исполненіе свое рѣшеніе. Потомъ можно жаловаться и доказывать свои права, доходя до правительствующаго сената, но полицейскій чинъ не отвѣчаетъ за свои дѣйствія по выдворенію евреевъ изъ села. Его дѣйствія законѣрны, онъ такъ понимаетъ законъ, и, въ дѣйствительности, вопросъ, съ точки зрѣнія законности, всегда споренъ, притомъ разрѣшеніе его зависитъ

отъ дознанія, производимаго той же полиціей. Опять является выгоднымъ заплатить полиціи и мирно окончить въ селѣ свои дѣла.

Кромѣ того, надо упомянуть, что подъ видомъ временнаго пребыванія значительное количество евреевъ живетъ въ сельскихъ мѣстностяхъ въ сущности постоянно. Такихъ, незаконно проживающихъ евреевъ, въ одномъ Хотинскомъ уѣздѣ насчитывалось въ мое время, по свѣдѣніямъ мѣстнаго предводителя дворянства, около 8,000. Знатоки края и уѣзда подтверждали не разъ, что цифра эта не преувеличена.

Бороться съ такого рода обходомъ закона евреями губернское начальство не въ силахъ. Сельскія власти часто скрываютъ эти факты отъ полиціи, низшая полиція отъ уѣздной, уѣздная отъ губернатора. Хотя выселеніе евреевъ изъ селъ производится полиціей постоянно, и дѣлъ такого рода въ производствѣ масса, но все же большинство незаконно проживающихъ евреевъ устраивается такъ, что ихъ никто не трогаетъ. Если бы я не боялся впасть въ преувеличеніе, то сравнилъ бы дѣйствія властей по отношенію къ разсыпавшимся по селамъ евреямъ — съ охотой, производимой въ мѣстности, очень богатой дичью, если бы число имѣющихъ право охоты при этомъ было ограничено, а извѣстные сорта дичи, по охотничьимъ правиламъ, были бы запретными.

Бессарабія длинной своей стороною прилегаетъ къ Австріи и Румыніи. Жители пограничной полосы имѣютъ право переходить границу безъ паспортовъ, по билетамъ станового пристава, для отысканія пропавшаго скота и по торговымъ дѣламъ. Евреи оживленно торгуютъ и, благодаря этому обстоятельству, получается третья статья дохода для полиціи. Выгоднѣе для еврея дать приставу 3 рубля, нежели выписывать 15-ти-рублевый паспортъ изъ губернаторской канцеляріи въ томъ случаѣ, если приставъ не признаетъ просителя торговцемъ.

Таковы, освященные традицией и поддерживаемыя особымъ законодательствомъ о евреяхъ, главныя статьи полицейскихъ доходовъ. О второстепенныхъ, мелкихъ поборахъ я здѣсь не упоминаю. Не говорю я и о тѣхъ взяткахъ полицейскихъ чиновниковъ, которыя взимаются не съ евреевъ, а также о случаяхъ злоупотребленій, признаваемыхъ таковыми мѣстнымъ обычнымъ правомъ.

Въ общихъ чертахъ, уже по вышеописаннымъ примѣрамъ, можно судить о составѣ бессарабской полиціи: нѣсколько человѣкъ, не берущихъ ничего, множество лицъ, ограничивающихъ поборы тѣми предѣлами, которые, по мѣстнымъ взглядамъ, считаются естественными и дозволенными, и, наконецъ, меньшинство такихъ взяточниковъ, которые всегда и всѣми признаются за порочныхъ людей: на нихъ жалуются, ихъ преслѣдуетъ прокурорскій надзоръ, и губернское начальство, отъ времени до времени, принуждено причислять ихъ къ губернскому правленію или сплавлять сосѣднимъ губернаторамъ, получая иногда взамѣнъ изгнанниковъ съ такими же свойствами.

Я сознавалъ обязанность свою, какъ начальника всей губернской полиціи, принимать мѣры для борьбы съ тѣми злоупотребленіями, которыя только-что мною описаны; но скоро я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что уничтожить незаконные поборы — задача для меня непосильная. Мнѣ удалось избавиться отъ самыхъ яркихъ взяточниковъ, — тѣхъ, которые, такъ сказать, срывали незаконные поборы на глазахъ у всѣхъ. Благодаря внимательному разслѣдованію и широкому доступу ко мнѣ просителей, случаи удовлетворенія законныхъ правъ за деньги, случаи торговли закономъ, быть можетъ, при мнѣ нѣсколько уменьшились. Но обычай вознаграждать полицію за снисходительное отношеніе къ обходу закона остался и при мнѣ во всей силѣ, и я не думаю, чтобы это зло могло быть искоренено, пока часть населенія будетъ лишена тѣхъ естественныхъ

правъ на существованіе, которыми все населеніе пользуется. Были и другіе поводы, затруднявшіе въ Бессарабіи искорененіе взятокъ. Приведу для иллюстраціи ихъ два примѣра.

Однажды я рѣшилъ зайти въ управленіе пристава одного изъ участковъ города Кишинева, чтобы ознакомиться съ его дѣлопроизводствомъ. Я прежде всего обратилъ вниманіе на помѣщеніе канцеляріи, очень просторное и даже комфортабельное, установленное столами, за которыми, несмотря на поздній часъ, занималось 6 человѣкъ. Я спросилъ каждого изъ нихъ о размѣрѣ содержанія, получаемого ими, и выяснилъ слѣдующія цифры. Старшій дѣлопроизводитель получалъ 600 рублей въ годъ, двое другихъ — по 480 рублей и три писца вмѣстѣ стоили 660 рублей. На канцелярскіе расходы выходило, по словамъ пристава, отъ 200—300 рублей ежегодно. Составлялась цифра въ 2300—2400 рублей, тогда какъ все содержаніе пристава, съ расходомъ на канцелярію, не превышало двухъ съ половиной тысячъ въ годъ. Мнѣ оставалось только посмотреть книги и движеніе дѣлъ, тщательно обойдя вопросъ о томъ, на какія средства живетъ самъ приставъ.

Другой случай касается уѣздной полиціи. Мѣсто пристава въ Новоселицахъ, на границѣ Австріи, считалось первымъ въ губерніи, такъ какъ приносило занимавшему его лицу, по общимъ отзывамъ, до 15 тысячъ рублей въ годъ. Такая цифра всѣмъ колола глаза, и я счелъ необходимымъ назначить ревизію дѣлопроизводства этого стана. При этомъ обнаружилось, между прочимъ, такое явленіе. Одному изъ новоселицкихъ евреевъ было сдано приставомъ право торговли легитимационными билетами, на основаніи которыхъ жители пограничной полосы переходили границу по своимъ торговымъ и другимъ дѣламъ. Желаящій взять такое удостовѣреніе являлся къ арендатору и получалъ отъ него талонъ, по которому въ канцеляріи пристава безъ

платно и безпрекословно выдавался билетъ, а арендаторъ, взамѣнъ такой привилегіи, содержалъ на свои средства всю канцелярію стана. Пристава я уволилъ и назначилъ на его мѣсто другого, но вскорѣ убѣдился что незаконные поборы продолжаются въ другой формѣ. Тогда я выписалъ изъ одной великорусской губерніи человѣка вполне надежнаго и убѣдилъ его взять мѣсто новоселицкаго пристава, обѣщавъ ему повышение, какъ только онъ поставитъ дѣло, какъ слѣдуетъ. Черезъ мѣсяцъ новый приставъ заявилъ просьбу объ увольнении его въ отставку, такъ какъ, при всемъ желаніи, онъ не могъ обходиться своимъ содержаніемъ. Ему не только не хватало средствъ на прожитіе, но онъ принужденъ былъ запускать дѣла, такъ какъ содержаніе канцеляріи, сокращенной имъ на половину, поглощало всѣ отпускаемые ему средства.

Я не сразу понялъ, чѣмъ именно объясняется огромное накопленіе дѣлъ во всѣхъ административно-полицейскихъ учрежденіяхъ Бессарабіи, и только опытъ нѣсколькихъ ревизій убѣдилъ меня въ томъ, что, помимо обязанностей чисто полицейскаго характера и тѣхъ задачъ, которыя постепенно вошли въ кругъ дѣйствій полиціи, съ развитіемъ дѣятельности прочихъ учреждений, на положеніе дѣлъ въ Бессарабіи имѣетъ вліяніе мелочное особое законодательство, ставящее почти каждаго еврея въ положеніе постоянного просителя и жалобщика. Полиціи, дѣйствительно, нѣтъ покоя отъ еврейскихъ дѣлъ, и мнѣ приходилось замѣчать, что ненависть полицейскихъ чиновниковъ къ еврейскому населенію питается отчасти тѣми хлопотами, нареканіями, жалобами, объясненіями, ошибками и отвѣтственностью, которыя постоянно приходится испытывать чинамъ полиціи, какъ послѣдствіе совершенно безсмысленнаго и не достигающаго цѣли законодательства о евреяхъ.

Губернскія правленія давно признаны въ центральной Россіи учрежденіями совершенно отжившими и

лишними. За исключеніемъ специальныхъ отдѣленій, — врачебнаго, межевого, строительнаго, губернское правленіе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, почти не имѣетъ дѣлъ въ губерніяхъ, не включенныхъ въ черту еврейской осѣдлости. Тамъ рѣдко можно увидѣть просителей въ зданіи правленія, и потому совѣтники, секретарь и дѣлопроизводители его имѣютъ обыкновенно массу свободнаго времени. Но въ Бессарабіи дѣло обстоило совершенно иначе. Тамъ, въ производствѣ губернскаго правленія, не считая его специальныхъ отдѣленій, сосредоточивалось въ годъ 10,000 дѣлъ, и чиновники изнемогали подъ бременемъ составленія журналовъ, особенно по еврейскимъ дѣламъ, работая постоянно не только въ присутственные часы, но и по вечерамъ. Искусство дѣлопроизводителей въ составленіи журналовъ стояло у насъ высоко, и способность ихъ доказать, что угодно, на основаніи прецедентовъ и рѣшеній сената, вызывала изумленіе. Направленіе, которое далъ въ этомъ отношеніи бессарабскому губернскому правленію Уструговъ, состояло въ измысленіи всевозможныхъ тонкостей и толкованій, съ цѣлью довести до крайнихъ предѣловъ стѣсненіе евреевъ законами, ограничающими ихъ права. Надо сознаться, что преслѣдованіе евреевъ было доведено Уструговымъ до степени художественной, и для обхода закона въ ущербъ евреямъ онъ изыскивалъ средства, во всякомъ случаѣ, не менѣе оригинальныя, чѣмъ тѣ, которыя измышляли сами евреи, съ цѣлью обойти законъ въ свою пользу. Сборникъ сенатскихъ рѣшеній пестритъ упоминаніями о Бессарабіи, и нѣтъ другой губерніи, въ которой постановленія губернскаго правленія по еврейскимъ дѣламъ подвергались бы столь частой отмѣнѣ. Но это обстоятельство не смущало Устругова. Рѣшенія сената мало имѣютъ значенія для жалобщиковъ, такъ какъ они обыкновенно появляются уже послѣ того, какъ обстоятельства измѣнились, и проситель не можетъ восполь-

зоваться результатами благоприятнаго для него исхода дѣла. Что же касается руководящаго значенія такихъ рѣшеній, для однородныхъ случаевъ, то Уструговъ въ этомъ отношеніи поступалъ просто: онъ рѣшеніями сената не руководствовался, а иногда шелъ еще дальше — оставлялъ эти рѣшенія безъ исполненія, за что, наконецъ, подвергся отвѣтственности. Въ 1906 году, я, въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, участвовалъ въ разсмотрѣніи сенатомъ вопроса о преданіи Устругова суду за систематическое уклоненіе отъ исполненія сенатскихъ рѣшеній и за представленіе, при своемъ объясненіи, завѣдомо невѣрной копіи съ одного изъ постановленій губернскаго правленія по еврейскому дѣлу. Но и въ этомъ случаѣ знаменитый крючокотворецъ и искусникъ остался безнаказаннымъ, такъ какъ, за недѣлю до разсмотрѣнія его дѣла въ сенатѣ, онъ окончилъ свое земное существованіе. Дѣло было прекращено за его смертью.

Много потребовалось энергіи и труда со стороны новаго вице-губернатора Блока, чтобы ввести дѣятельность бессарабскаго губернскаго правленія въ рамки закона. Умы дѣлопроизводителей, натасканныхъ на травлю евреевъ, не сразу могли придти въ равновѣсіе, и бѣдный И. Л. по многу разъ собственноручно передѣлывалъ проекты ихъ журналовъ, забросивъ для этого даже игру на віолончели—единственное свое развлеченіе. Часто онъ приходилъ ко мнѣ показать курьезы уструговскаго режима, на которые наталкивался при разрѣшеніи дѣлъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ мнѣ хочется здѣсь рассказать.

Съ еврейскихъ обществъ установленъ особый денежный сборъ, подъ названіемъ коробочнаго. Я полагалъ сначала, какъ и многіе другіе, впервые слышавшіе это выраженіе, что здѣсь имѣется въ виду какое-нибудь коробочное мастерство, изготовленіе коробокъ, или чего-нибудь подобнаго. Но въ дѣйствительности

коробочный сборъ есть акцизъ, уплачиваемый при убоѣ скота, рѣзаніи птицъ и продажѣ мяса, по таксѣ, утверждаемой городскими управами, подъ наблюденіемъ губернскихъ правленій. Въ Кишиневѣ, какъ почти повсюду, право взиманія коробочнаго сбора было передано, на утвержденныхъ губернскимъ правленіемъ кондиціяхъ, арендатору, вносившему въ общественную „коробку“ опредѣленную на торгахъ сумму (помнится, около 75,000 руб. въ годъ) и собиравшему затѣмъ въ свою пользу деньги съ каждаго фунта мяса и жира по таксѣ. При этомъ въ кондиціяхъ акцизъ съ мяса и жира, или сала, былъ исчисленъ отдѣльно, и на этомъ раздѣленіи основывалась хитроумная комбинація. Арендаторъ заставлялъ мясниковъ отрѣзать жиръ отъ мяса, чтобы вѣшать его отдѣльно, и такимъ образомъ обезцѣнивалъ продуктъ, который покупателями браковался, Мясники, чтобы избѣжать порчи товара, шли на большія уступки, и такса нарушалась въ пользу арендатора. Когда послѣдній переходилъ въ своихъ требованіяхъ границы благоразумія, то потерпѣвшіе обращались въ губернское правленіе съ жалобой на нарушеніе арендаторомъ кондицій. Тогда во всемъ блескѣ выступали способности Устругова. Заготавлился журналъ, въ которомъ съ необыкновенной убѣдительностью доказывалось, что арендаторъ не правъ, что онъ нарушилъ и кондиціи, и таксу, и здравый смыслъ, и законъ. Журналъ подписывался и утверждался. Но какъ-то такъ всегда случалось, что арендаторъ своевременно узнавалъ о грозившей ему опасности, и, въ результатѣ его настойчивыхъ просьбъ, составлялся новый журналъ, по которому жалоба мясниковъ признавалась, по мотивамъ, имѣвшимся у Устругова въ запасѣ, совершенно неосновательной, о чемъ имъ объявлялось, съ подпиской, черезъ полицію. Такъ, въ теченіе аренднаго срока, губернскимъ правленіемъ издавалось нѣсколько противорѣчащихъ другъ другу толкованій договора, и,

въ концѣ концовъ, мясники всегда оставались въ рукахъ арендатора, а послѣдній не выходилъ изъ рукъ начальства.

Такой случай интересенъ, конечно, только какъ характеристика извѣстнаго лица и оказываемаго имъ вліянія на ходъ дѣлъ. Съ пріѣздомъ Блока, и даже до него, когда губернскимъ правленіемъ завѣдывали совѣтники, въ порядочности которыхъ я не имѣлъ основанія сомнѣваться, подобные кунштюки не допускались.

Гораздо большій интересъ, для сужденія объ особенностяхъ управленія Бессарабіей, представляютъ такіе пріемы, которые примѣнялись открыто, вошли въ сознаніе управлявшихъ и управляемыхъ, не вызывая протеста ни съ чьей стороны. Нѣсколько такихъ случаевъ я здѣсь приведу.

При переосвидѣтельствованіи новобранцевъ, въ губернскомъ воинскомъ присутствіи наблюдается всегда такой порядокъ: послѣ того, какъ всѣ призываемые осмотрѣны и подписаны постановленія, рѣшающія ихъ судьбу, всѣ они, уже одѣтые, приглашаются въ залъ для выслушанія рѣшенія. Затѣмъ всѣ подлежащія переосвидѣтельствованію новобранцы расходятся по домамъ, а тѣ изъ ихъ числа, которые приняты на службу, обязаны явиться къ опредѣленному дню на сборные пункты въ уѣздахъ, гдѣ они переходятъ въ распоряженіе воинскаго начальника. Предсѣдательствуя въ кишиневскомъ присутствіи, я совершенно случайно обратилъ вниманіе на то, что часть принятыхъ на службу молодыхъ людей, по окончаніи засѣданія, уходитъ въ выходныя двери, а часть возвращается въ сосѣднюю комнату, куда вслѣдъ за тѣмъ входятъ нѣсколько полицейскихъ нижнихъ чиновъ. На вопросъ мой, почему всѣ новобранцы ушли, дѣлопроизводитель мнѣ отвѣтилъ: „остались одни только евреи.“ Будучи утомленъ и отчасти разсѣянъ, я не сталъ продолжать разспросовъ и пошелъ домой, но по пути обратился къ той же мысли и сталъ думать о томъ, что въ сущности

отвѣта на свой вопросъ я не получилъ, и вслѣдствіе этого, на другой день, спросилъ одного изъ членовъ присутствія о причинахъ заинтересовавшаго меня явленія. Отъ него я узналъ, что только новобранцы христіане распускаются по домамъ, послѣ пріема на службу, а евреевъ отводятъ въ мѣста заключенія при полиціи и затѣмъ, когда наступитъ время, отправляютъ по этапу на сборные пункты, гдѣ ихъ снова сажаютъ и, наконецъ, уже сдаютъ военному начальству. „Почему это дѣлается?“—спросилъ я. „Имѣемъ ли мы на это право?“ „О, несомнѣнно,“ отвѣтилъ мой собесѣдникъ, „я засталъ уже такой порядокъ при моемъ вступленіи въ должность; не помню, когда послѣдовало такое распоряженіе, но несомнѣнно оно должно быть.“

На другой день, упомянутый членъ присутствія снова явился ко мнѣ и объявилъ, что онъ самымъ тщательнымъ образомъ навелъ справки по заинтересовавшему меня дѣлу, и что, какъ оказалось, въ отношеніи новобранцевъ-евреевъ допускается присутствіемъ ничѣмъ неоправдываемый произволъ. Никакого права, никакого законнаго распоряженія на лишеніе свободы новобранцевъ-евреевъ у насъ не было, а былъ четыре года тому назадъ случай побѣга принятаго на службу еврея за границу, послѣ чего Уструговъ, въ отсутствіе губернатора, установилъ удобныя, по его мнѣнію, гарантіи отъ повторенія побѣговъ. Здѣсь надо упомянуть, что за уклоненіе новобранца отъ воинской повинности начальство не отвѣчаетъ, караулить его оно не обязано, а лишать его свободы не имѣетъ права. Со времени освидѣтельствованія до сбора на пунктахъ проходятъ недѣли, и все это время всѣ принятые евреи сидятъ подъ арестомъ или путешествуютъ по этапу съ преступниками — образъ дѣйствій совершенно неслыханный.

Пришлось проявить „сентиментальное юдофильство“ и отмѣнить распоряженіе. Въ слѣдующемъ за-

сѣданіи евреямъ объявили, что они могутъ итти домой, но они заспорили, указывая на полицейскихъ и твердо намѣреваясь садиться подъ арестъ. Я ушелъ изъ присутствія, предоставивъ дѣло производителю объясниться по этому поводу съ полиціймейстеромъ по телефону. Полиціймейстеръ потомъ мнѣ говорилъ, что онъ тоже былъ удивленъ новому и для него способу обращенія съ новобранцами, но полагалъ, что на это есть „особое распоряженіе“.

При посѣщеніи тюрьмы обнаружилось однородное явленіе, касавшееся на этотъ разъ не евреевъ. Когда я обходилъ камеры, ко мнѣ съ мольбами кинулось нѣсколько человѣкъ, заявляя, что они сидятъ въ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ сверхъ срока. Обстоятельство это по справкѣ подтвердилось. На мой вопросъ, почему эти арестованные не выпущены, начальникъ тюрьмы, приложивъ руку къ фуражкѣ, произнесъ непонятныя мнѣ слова: „это порочные иностранцы, ваше сіятельство“. Опять я промолчалъ по неопытности, но придя домой и справившись, какъ слѣдуетъ, выяснилъ, что министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право удалять изъ Россіи, по представленіямъ губернскаго начальства, иностранцевъ, опороченныхъ по суду. По принятому обычаю, о всѣхъ осужденныхъ къ заключенію въ тюрьмахъ иностранцахъ дѣлается подобное представленіе, и они, въ ожиданіи распоряженія министра, продолжаютъ содержаться въ заключеніи послѣ срока. На вопросъ мой, какія опасенія вызвало бы освобожденіе заключенныхъ въ законный срокъ, мнѣ отвѣтили, что они, пожалуй, скроются за границу, и тогда распоряженіе министра о высылкѣ ихъ за границу нельзя будетъ исполнить. Такое разсужденіе представилось мнѣ или слишкомъ тонкимъ, или просто нелѣпымъ, и я склонился въ пользу второго мнѣнія. Порочныхъ иностранцевъ мы отпустили.

Есть еще одно специальное бессарабское преступленіе, съ которымъ можно ознакомиться изъ много-

численныхъ протоколовъ полиціи, привлекающей обывателей за „амбулянтную жизнь и игру на гитарѣ“. Но здѣсь граница области чистаго комизма, а потому я перейду къ болѣе серьезному предмету.

Я хочу привести здѣсь выдающійся примѣръ длящейся эксплуатаціи сельскаго населенія Бессарабіи въ интересахъ должностныхъ лицъ, съ цѣлью показать, какъ терпѣливо, безропотно и темно было современное мнѣ бессарабское крестьянство. Разсказъ мой поневолѣ будетъ сухъ и скученъ, но для характеристики того времени, которое я описываю, и въ особенности для стоящаго на очереди вопроса о земской реформѣ, онъ нѣкоторое значеніе имѣетъ.

Существуетъ, въ числѣ такъ называемыхъ земскихъ повинностей, старинная подводная повинность, отправляемая исключительно сельскими обывателями бывшаго податного состоянія, т.-е., говоря проще, крестьянами. Должностныя лица опредѣленныхъ категорій имѣютъ право, на основаніи открытаго листа или билета, требовать въ деревняхъ лошадей за узаконенные прогоны. Такого рода билеты должны выдаваться земскими управами бесплатно только судебнымъ слѣдователямъ, чинамъ уѣздной полиціи и жандармамъ, ѣдущимъ по дѣламъ службы.

Неудобство такого передвиженія и очевидная несправедливость возложенія сказанной повинности на однихъ крестьянъ давно уже признана почти всѣми земствами, и въ большинствѣ уѣздовъ Россіи подводная повинность исполняется за счетъ общеземскихъ средствъ. Земства или выдаютъ упомянутымъ выше должностнымъ лицамъ прогонныя деньги, или уплачиваютъ за нихъ крестьянамъ прогоны, или, наконецъ, содержатъ на мѣстахъ стоечныхъ лошадей. Но въ Бессарабіи утвердился такой порядокъ, при которомъ, во-первыхъ, крестьяне одни несутъ всѣ расходы по поѣздкамъ должностныхъ лицъ; во-вторыхъ, ѣздятъ

на ихъ лошадяхъ бесплатно всѣ почти безъ исключенія должностныя лица и, наконецъ, въ-третьихъ, поѣздки ихъ обставлены самымъ изысканнымъ комфортомъ.

Въ каждой волости волостной сходъ сдаетъ содержаніе лошадей предпринимателю, обыкновенно еврею, уплачивая ему изъ волостныхъ средствъ большія суммы. Предприниматель, въ собственныхъ рессорныхъ экипажахъ, возитъ по уѣзду всѣхъ, кому управа выдать билетъ на право проѣзда, а выдаетъ она эти билеты очень щедро. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, правомъ брать обывательскихъ лошадей пользуются предводители дворянства, управа, всѣ земскіе служащіе, земскіе начальники (послѣдніе вдвойнѣ незаконно, такъ какъ они получаютъ отъ казны разѣздныя деньги). Пользуются также этими лошадьми семейства служащихъ, прислуга ихъ и даже знакомые. Часто служащіе разныхъ уѣздовъ предоставляютъ другъ другу право пользоваться бесплатнымъ проѣздомъ, и я зналъ случаи, когда въ Кишиневъ изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ пріѣзжали такимъ образомъ уѣздные чиновники. Благодаря такой, совершенно незаконной, постановкѣ дѣла, каждой волости приходится содержать отъ 20 до 40 и даже до 60 лошадей, уплачивая съ каждой семьи отъ 1 руб. 75 коп. до 2 руб. 50 коп. въ годъ. Общая сумма, по пяти уѣздамъ губерніи, по сдѣланному мной подсчету, составляла на этотъ предметъ около 360 тысячъ въ годъ, и всѣ эти деньги ложились на крестьянъ, безъ всякаго участія остальныхъ плательщиковъ земскихъ сборовъ.

Когда я впервые посѣтилъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ губерніи и затѣмъ поѣхалъ дальше по уѣзду, заѣзжая въ волостныя правленія, со мной отправилось человекъ 10 мѣстныхъ дѣятелей. Каждой парѣ лицъ подавали коляску, запряженную четверкой, и тогда-то я впервые узналъ о тѣхъ порядкахъ, которые я только-

что описалъ. На выраженное мной недоумѣніе я получилъ отвѣтъ, что крестьянамъ безразлично, кто и сколькоими лошадьми будетъ пользоваться, такъ какъ контрактъ съ почтосодержателемъ ими уже заключенъ, а арендатора жалѣтъ нечего: лошади у него есть, и отъ того, что онѣ будутъ стоять, хозяину пользы не будетъ. Когда же я распорядился уплатой прогоновъ за свою четверку, всѣ пришли въ изумленіе, въ томъ числѣ и [почтосодержатель, котораго мой чиновникъ особыхъ порученій насилу принудилъ взять съ меня прогонныя деньги.

Я не успѣлъ, за время своего губернаторства, уничтожить описанное злоупотребленіе. Я собралъ всѣ матеріалы, затребовалъ по указанному предмету необходимыя свѣдѣнія и предоставилъ уѣзднымъ земствамъ самимъ разрѣшить возбужденный вопросъ о несправедливомъ отягощеніи сельскаго населенія столь архаической повинностью. Недавно я съ удовольствіемъ узналъ, что всѣ упомянутыя земства измѣнили порядокъ поставки подводъ, принявъ всѣ расходы въ указанномъ отношеніи на обще-земскій счетъ.

Чтобы покончить съ такими особенностями Бессарабіи, которыя придаютъ ей своеобразный отпечатокъ въ отношеніяхъ, установившихся между общественными классами, я приведу еще одинъ примѣръ. Тамъ я впервые ознакомился со случаями присвоенія нѣкоторыми помѣщиками особыхъ правъ по взиманію пошлинъ съ продуктовъ, ввозимыхъ въ поселенія, основавшіяся на ихъ земляхъ. Домовладѣльцы-арендаторы, и вообще всѣ жители такихъ поселеній, обязаны были уплачивать въ пользу помѣщика, собственника земли, пошудный сборъ съ хлѣба, вина и другихъ продуктовъ разныхъ наименованій. Сборъ этотъ взимался особымъ сторожемъ при содѣйствіи, въ случаяхъ недоразумѣній, общей полиціи, а также мѣстнаго волостного и сельскаго начальства. Такъ велось дѣло издавна, но ка-

кимъ-то путемъ вопросъ о правѣ помѣщиковъ взимать эти сборы поступилъ на разрѣшеніе судебныхъ мѣстъ, до правительствующаго сената включительно, который окончательно рѣшилъ дѣло противъ помѣщика, разъяснивъ, что продукты первой необходимости не могутъ быть облагаемы никакими пошлинами въ порядкѣ частнаго договора или основаннаго на давности обычая. Спокойное взиманіе пошлинъ отнынѣ было нарушено, протесты и отказы платить стали появляться повсемѣстно, и большинство помѣщиковъ было принуждено отказаться отъ своихъ таможенныхъ доходовъ. Нѣкоторые, упорные, не сдались и продолжали настаивать на своемъ фиктивномъ правѣ. Самый изобрѣтательный изъ нихъ, унгенскій помѣщикъ Б., продолжалъ взимать сборъ со своихъ арендаторовъ уже въ мое время, опираясь на содѣйствіе полицейскихъ властей, которымъ онъ импонировалъ, благодаря знакомству съ моимъ предшественникомъ и близости къ проживавшему въ домѣ генерала Раабена, въ качествѣ друга, какому-то неудачному музыканту и удачному карточному игроку П-у, происхождение котораго и прошлое никому не были извѣстны, хотя онъ вездѣ въ Кишиневѣ былъ желаннымъ гостемъ. Этотъ П-ъ выѣзжалъ въ Унгени по вызову своего пріятеля, и лично руководилъ дѣйствіями полиціи по укрощенію строптивыхъ жителей поселка, разлакомившихся надеждами на значеніе судебныхъ рѣшеній. Имъ было показано, кому надо вѣрить и кого слушаться, въ силу чего сборы въ Унгенахъ продолжали поступать въ кассу помѣщика даже послѣ ухода Раабена. Вся тонкость этого дѣла состояла въ томъ, что надо было получить сборъ, не выдавая квитанціи, по которой плательщикъ могъ предъявить право на обратное полученіе денегъ, и вотъ тутъ-то и требовалось содѣйствіе властей. До меня дошли свѣдѣнія объ этихъ оригинальныхъ отношеніяхъ путемъ поданной мнѣ и провѣренной мной жалобы, въ

которой одинъ изъ домовладѣльцевъ поселка объяснилъ слѣдующее: подѣзжая къ селенію съ возомъ муки, онъ приготовилъ требуемыя деньги и просилъ сторожа принять ихъ подъ квитанцію; сторожъ выдать квитанцію отказался, а подводу задержалъ. Тогда обыватель отправился въ помѣщеніе волостного правленія и подалъ деньги при заявленіи объ ихъ назначеніи. Старшина денегъ не принялъ, предложивъ внести ихъ сторожу.

У добивавшагося квитанціи или свидѣтеля плательщика мелькнула вдругъ преступная мысль — оставить деньги на столѣ волостного правленія. Онъ такъ и сдѣлалъ, бросившись потомъ бѣжать со всѣхъ ногъ, не смотря на крики и протесты старшины. Вотъ тогда-то и наступилъ самый любопытный и знаменательный моментъ во всей этой исторіи. Въ волостномъ правленіи былъ составленъ протоколъ о неисполненіи злоуполучнымъ обывателемъ законныхъ требованій начальства: протоколъ былъ переданъ мѣстному волостному суду, а копія приговора суда, наложившаго на виновнаго солидный штрафъ, была мнѣ послѣднимъ представлена.

Узнавъ отъ мѣстнаго исправника всѣ подробности дѣла и всю исторію упомянутыхъ пошлинъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ [убѣдился въ полнѣйшей готовности полиціи прекратить свое содѣйствіе незаконнымъ поборамъ помѣщика. Исправникъ заявилъ, что они всѣ тяготея претензіями Б., и что даже низшія полицейскія власти будутъ счастливы, если увѣрятъ, что они могутъ безнаказанно уклоняться отъ хлопотливыхъ обязанностей по выполненію этой особой таможенной службы. Безнаказанность была гарантирована, и поборы, дѣйствительно, прекратились, что, по словамъ помѣщика Б., его окончательно разорило. Б., увѣрявшій, что онъ получалъ въ годъ болѣе 10 тысячъ рублей за право ввоза продуктовъ въ Унгени, ѣздилъ ко мнѣ по этому

дѣлу не разъ, пока, наконецъ, не рѣшилъ примириться съ потерей своихъ доходовъ. Но, какъ кажется, онъ не простилъ мнѣ вмѣшательства въ его дѣла, хотя я долженъ здѣсь упомянуть, что, въ общемъ, бессарабскіе помѣщики всегда прощали мнѣ попытки, направляемыя противъ нѣкоторыхъ выгодныхъ для нихъ, но устарѣвшихъ мѣстныхъ обычаевъ, и относились ко мнѣ прекрасно. Съ большинствомъ изъ нихъ у меня установились самыя добрыя отношенія, и вообще Бессарабію я очень люблю и охотно вспоминаю о проведенномъ въ ней времени.

IV.

Мнѣ пришлось испытать въ Кишиневѣ не мало новыхъ впечатлѣній, связанныхъ съ бывшимъ въ апрѣлѣ погромомъ, или явившихся результатомъ ожиданія новыхъ беспорядковъ на той же почвѣ.

Иностранная пресса, въ особенности англійская и американская, продолжала на всѣ лады обсуждать кишиневскій погромъ. Тогда, какъ и теперь, еврейству приписывали большое вліяніе на западно-европейскую и американскую печать. Но врядъ ли одними только еврейскими стараніями объясняется тотъ интересъ, который проявили въ то время къ Кишиневу и англійскій парламентъ, и американскіе государственные люди. Сильное безпокойство, вызванное въ Петербургѣ лѣтомъ 1903 года извѣстіемъ объ ожидаемомъ запросѣ въ англійской палатѣ по поводу отношенія русскаго правительства къ погрому, и тѣ дипломатическія сношенія, которыя пришлось имѣть съ Америкой, чтобы избавить Государя отъ полученія грандіознаго адреса американцевъ съ просьбой оградить евреевъ отъ избиеній, — указываютъ на то, что заграницей широкіе круги населенія и даже правительства великихъ державъ находили невозможнымъ мириться съ устарѣвшими формами расправы съ ненавистнымъ племенемъ, проявленнымъ въ Кишиневѣ, а также съ тѣмъ отношеніемъ къ погрому, которое отражалось въ русской противоеврейской печати, и которое считалось какъ бы обязательнымъ для состоявшихъ на государственной службѣ лицъ. Въ то же время впервые почувствовалось недоброжелательное отношеніе Двора къ евреямъ. До того времени

репутаціей непреклоннаго врага еврейства пользовался лишь великій князь Сергѣй Александровичъ, московскій генераль- губернаторъ. Но съ 1903 года стало для всѣхъ очевиднымъ, что и Государь, если не дѣйствіемъ, то по сердцу и убѣжденію, врагъ еврейства. Попытки вызвать Государя на какое-нибудь проявленіе осужденія погромовъ, или хотя бы на выраженіе жалости къ пострадавшимъ, дарованіемъ имъ изъ собственныхъ средствъ денежной помощи, потерпѣли полную неудачу. Между тѣмъ авторительное слово или дѣйствіе Императора въ этомъ направленіи неизмѣримо облегчили бы задачу поддержанія порядка въ губерніяхъ черты осѣдлости, уничтоживъ прочно засѣвшее у многихъ и утвердившееся послѣ погрома убѣжденіе, что такого рода расправа населенія съ его исконными врагами — дѣло полезное съ государственной точки зрѣнія и угодное Царю.

Такъ или иначе, но положеніе бессарабскаго губернатора въ 1903 году являлось исключительнымъ, такъ какъ слова „кишиневскій погромъ“ не сходили со страницъ газетъ, постоянно звучали за границей и повторялись вездѣ, то въ формѣ напominанія, то въ формѣ предупрежденій и опасеній.

Однажды ко мнѣ, въ пріемный часъ, явился англичанинъ, говорившій недурно по-французски, но, конечно, не произнесшій ни одного русскаго слова. Онъ отрекомендовался пріѣзжимъ въ Одессу туристомъ и подалъ рекомендательное письмо одесскаго великобританскаго консула. Несмотря на недомолвки и осторожную рѣчь гостя, скоро стало ясно, что онъ горитъ желаніемъ все-сторонне ознакомиться съ положеніемъ евреевъ въ Кишиневѣ и, въ частности, съ результатомъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о бывшихъ беспорядкахъ. Я направилъ англичанина къ нашему прокурору, далъ ему адреса нѣкоторыхъ кишиневскихъ евреевъ и обѣщалъ предупредить полиціймейстера о томъ, чтобы пріѣз-

жему не чинили препятствій, если онъ захочетъ ходить по еврейскимъ кварталамъ собирать свѣдѣнія. Но особенный восторгъ вызвало въ англичанинѣ предложеніе ѣхать со мной немедленно въ тюрьму, куда я въ этотъ день собирался. Онъ, во-первыхъ, удивился тому, что въ тюрьмѣ содержатся громалы (а ихъ было тамъ до 300 человекъ), затѣмъ онъ, очевидно, не допускалъ мысли о томъ, чтобы по апрѣльскому дѣлу велось правильное слѣдствіе (въ этомъ сомнѣніи его на другой день разубѣдилъ прокуроръ суда), и, наконецъ, надежда видѣть громилъ въ тюрьмѣ, говорить съ ними, видѣть русскую тюрьму — приводила его въ восторгъ. Мы поѣхали въ тюремный замокъ и стали обходить камеры. Я обратился къ большой артели арестантовъ и сказалъ имъ, что они такъ прославились своимъ подвигомъ, что англичане прислали своего чиновника подивиться на нихъ. Мой спутникъ сталъ задавать арестантамъ, черезъ меня, рядъ вопросовъ о поводахъ, вызвавшихъ погромъ, о томъ, что побудило ихъ избивать евреевъ, что имъ сдѣлали евреи худого и т. п. Передаваемые мною отвѣты арестантовъ вызывали удивленіе англичанина, такъ какъ отвѣчающіе, во-первыхъ, обнаружили какую-то комическую незлобивость и веселость, перекидывались шутками и добродушно сознавались, что они согрѣшили немножко, но что въ убійствѣ они, „сохрани Богъ“, неповинны; увѣряли, что евреи — прекрасный народъ, что живутъ они съ ними въ мирѣ, что всякое бываетъ, иногда и православный хуже жида. Добавляли, однако, что жида очень обидѣлись на погромъ и теперь донимаютъ ихъ лжесвидѣтельствомъ, приписывая многимъ изъ нихъ преступленія, которыхъ они не совершали. Я отошелъ къ окну переговорить о чемъ-то съ начальникомъ тюрьмы и, кончивъ разговоръ съ нимъ, изумился: мой спутникъ, подойдя вплотную къ арестантамъ, оживленно ихъ спрашивалъ о чемъ-то по-русски, кивалъ головой и какъ будто захлебывался отъ жаднаго

удовлетворенія своего любопытства. Я отошелъ еще дальше, предоставивъ англичанину говорить съ арестантами на свободѣ. Онъ догналъ меня уже во второй камерѣ.

Дня черезъ два англичанинъ прѣхалъ прощаться; онъ былъ въ восторгѣ отъ арестантовъ, отъ прокурора, отъ меня, отъ евреевъ и вообще отъ всего, что видѣлъ. Говорилъ мнѣ, что въ Англіи имѣютъ о положеніи дѣлъ въ Бессарабіи превратное понятіе; что онъ убѣдился въ правильности отправленія правосудія въ Россіи, въ лояльности административныхъ властей, въ безпристрастіи и высокому качеству прокуратуры, что порядокъ въ городѣ оказывается образцовый, и что всѣ свѣдѣнія о разореніи города и маразмѣ, въ которую впала торговля, ложны. Говорилъ онъ еще многое, чего я не запомнилъ.

Мѣсяца черезъ два я получилъ отъ одесскаго консула печатную брошюру: докладъ о состояніи города Кишинева послѣ погрома, представленный министромъ иностранныхъ дѣлъ обѣимъ палатамъ по приказанію его королевскаго величества. Докладъ заключался удостовѣреніемъ, что въ Кишиневѣ все обстоитъ благополучно.

Описанный случай представляетъ собой прекрасный примѣръ необходимости для губернатора быть самостоятельнымъ, избѣгая по возможности обращенія къ петербургскому начальству. Можно себѣ представить, въ какую комедію обратилось бы изслѣдованіе англійскаго дипломата, если бы оно было регулировано петербургскими инструкціями. Одно можно съ увѣренностью утверждать: благопріятнаго доклада о положеніи дѣлъ, очень цѣннаго для русскаго правительства, тогда бы, навѣрное, не послѣдовало.

Америка подарила меня настоящимъ курьезомъ. Передъ Рождествомъ 1903 года, по обыкновенію, усилились слухи о предстоящихъ беспорядкахъ. Какъ-то,

во время праздниковъ, ко мнѣ пришелъ пожилой полный господинъ, назвавшійся сотрудникомъ нью-іорскихъ газетъ, командированнымъ на рождественскій погромъ, и объяснилъ, что онъ живетъ въ Кишиневѣ дней пять и начинаетъ замѣчать, что его прѣздъ, повидимому, напрасенъ. Подтвердивъ, что беспорядковъ онъ не дождется, я замѣтилъ на его лицѣ знаки какъ-будто разочарованія. Онъ задумался и, наконецъ, спросилъ: уполномочиваю ли я его заявить въ газетѣ, что онъ уѣхалъ лишь послѣ категорическаго утвержденія моего о бесполезности его пребыванія. Я далъ просимое уполномочіе, и корреспондентъ уѣхалъ,

Рождество, дѣйствительно, прошло спокойно, и только нѣкоторая мнительность заставила меня держаться наготовѣ первые три дня, съ цѣлью не опоздать въ случаѣ возникновенія какихъ-нибудь беспорядковъ. Къ тому же Рождество было холодное, всякаго рода гулянья, танцы и скопленіе подгородныхъ жителей въ Кишиневѣ не были особенно часты. Но къ слѣдующей Пасхѣ, весной 1904 года, настроеніе значительно измѣнилось, и появились признаки, указывавшіе на то, что бациллы страха — съ одной стороны — и ненависти — съ другой, еще живы въ городѣ и способны къ размноженію.

Первыми ласточками весенняго возрожденія забытыхъ опасеній и утихнувшей вражды явились для Кишинева два лица — Пронинъ и Крушеванъ, сыгравшіе очень значительную роль въ погромномъ движеніи 1903 и 1905 гг. Оба они нѣсколько притихли послѣ кишиневской рѣзни 1903 г. Крушеванъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ издавать какую-то патріотическую газету, оставивъ своего „Бессарабца“ на рукахъ довѣреннаго лица, а Пронину пришлось, оставаясь въ Кишиневѣ, не мало поволноваться въ ожиданіи возможности превратиться изъ свидѣтеля въ обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи и во время суда надъ

погромщиками. Нѣсколько разъ Пронинъ былъ на волоскѣ отъ скамьи подсудимыхъ, что, конечно, обуздывало его дѣятельность и заставляло по временамъ приходить ко мнѣ развивать идею мирной борьбы съ еврействомъ. Но приблизительно съ февраля 1904 года, послѣ начала японской войны, оба патріота подняли головы. Крушеванъ получилъ для газеты новую тему — о помощи, оказываемой японцамъ евреями, а Пронинъ сталъ переводить эту тему на общепонятный народный языкъ. Опять начались донесенія полиціи о ночныхъ засѣданіяхъ въ задней комнатѣ одного изъ рыночныхъ трактировъ; снова запестрѣли, на базарахъ и въ чайныхъ, извѣстные листки, объяснявшіе народу предательство и тяжкіе грѣхи жидовъ. Засуетились и евреи, чувствуя опасность.

О Крушеванѣ пусть говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ кто-нибудь другой. Я не хочу здѣсь высказываться о человѣкѣ, котораго никогда не видѣлъ и о которомъ слышалъ столько разнообразныхъ отзывовъ, что нравственная фізіономія его не представляется мнѣ ясной. Къ тому же мнѣ передавали, что онъ питаетъ по отношенію ко мнѣ непримиримую злобу, доходящую до того, что онъ мнѣ приписываетъ совершенно невѣроятные поступки и старается объяснить мое „юдофильство“ весьма некрасивыми побужденіями. Я позволю себѣ поэтому пройти мимо этой своеобразной молдаванской знаменитости. Могу сказать о немъ, однако, что литературныя произведенія его и публицистическія статьи, попавшіяся мнѣ на глаза, обнаруживаютъ нѣкоторый талантъ и любовь ихъ автора къ своему родному краю,

Пронинъ былъ мнѣ много понятнѣе, такъ какъ представлялъ собою знакомый типъ великорусскаго подрядчика, мѣщанина-кулака, вышедшаго въ купцы, нажившагося отъ трудовъ неправедныхъ и, главнымъ образомъ, отъ притѣсненія своихъ рабочихъ, съ кото-

рыми онъ постоянно судился по поводу расчетовъ. Бойкій выходецъ изъ Орла, Пронинъ быстро нажилъ въ Кишиневѣ, на счетъ молдаванской темноты и бессарабской нерасчетливости. Онъ приобрѣлъ и земли, и домъ, и капиталъ. Дальнѣйшему росту его богатства положили, однако, предѣлы евреи, сбившіе цѣны подрядовъ на городскія работы до того предѣла, за которымъ великороссу негдѣ какъ слѣдуетъ размахнуться. Пронинъ сократилъ свои дѣла и началъ заниматься „общественною“ дѣятельностью: онъ сталъ директоромъ кишиневскаго тюремнаго комитета, взялъ на себя представительство какихъ-то персидскихъ интересовъ въ Кишиневѣ, надѣлъ фракъ, персидскій орденъ и даже принялся писать стихи — подражанія Кольцову, которые злополучный „Бессарабецъ“, неоплатный должникъ Крушевана, принужденъ былъ печатать подъ страхомъ пронинскихъ исполнительныхъ листовъ.

Для меня, впрочемъ, важна была другая сторона этой „многоугольной“ фигуры. Мнѣ пришлось поневолѣ заглядывать въ тѣ темные углы личности Пронина, въ которыхъ гнѣздились его инстинкты демагога низкой пробы. Пронинъ любилъ иногда разыгрывать роль покровителя и руководителя бѣдняковъ-рабочихъ и не останавливался даже передъ необходимостью тратить деньги съ цѣлью имѣть вліяніе въ рабочей средѣ. Выступая въ двойной роли — защитника православнаго люда отъ евреевъ, съ одной стороны, и русскаго чело-вѣка — щита самодержавія, съ другой, — Пронинъ имѣлъ какія-то связи и съ Петербургомъ и съ мѣстнымъ охраннымъ отдѣленіемъ. Встрѣтивъ во мнѣ чело-вѣка, предубѣжденнаго противъ его прошлой дѣятельности, и тяготясь выказываемымъ мною пренебреженіемъ къ его заискиваніямъ, Пронинъ не разъ пытался намекать мнѣ на нѣкоторую близость свою къ министру внутреннихъ дѣлъ, рассказывая о своихъ разговорахъ съ Плеве, о томъ, какъ министръ принималъ его наединѣ

и подолгу съ нимъ разговаривалъ. Пронинъ рассказывалъ, между прочимъ, что, при окончаніи одной изъ такихъ бесѣдъ, онъ сказалъ министру: „Ваше высокопревосходительство, въ Россіи есть только два истинно-русскихъ, преданныхъ Царю и родинѣ человѣка, — вы и я“, — послѣ чего министръ будто бы улыбнулся и крѣпко пожалъ ему руку.

Великимъ постомъ я сталъ получать донесенія о томъ, что Пронинъ усердно агитируетъ среди рабочаго люда Кишинева, пользуясь статьями Крушевана, распространяя ихъ и комментируя, что онъ выписываетъ, съ цѣлью анти-еврейской пропаганды, подходящія для этой цѣли газеты, и, навѣщая тюрьмы, старается видѣться съ заключенными погромщиками, подготавливая ихъ къ отвѣтамъ на судѣ. Мнѣ удалось устранить Пронина изъ числа директоровъ тюремнаго комитета, послѣ чего онъ, къ счастью, пересталъ мнѣ надоедать своими посѣщеніями.

Вскорѣ по городу стали распространяться слухи о попыткахъ евреевъ добыть для ритуальныхъ цѣлей христіанскую кровь. Первый случай, подавшій поводъ къ такимъ слухамъ, произошелъ въ сараѣ еврея-угольщика, къ которому былъ посланъ за углемъ христіанскій мальчикъ. Еврей взялъ въ руки ножъ, а мальчикъ, испугавшись, убѣжалъ. Немедленно начались разговоры о неудавшейся попыткѣ ритуальнаго убійства. Пронинъ ѣздилъ къ полицейскимъ властямъ, устроилъ такъ, что родители мальчика подали заявленіе полиціи, но дѣло кончилось пустяками, такъ какъ бывшіе въ сараѣ свидѣтели-христіане объяснили, что ножъ былъ взятъ для того, чтобы отрѣзать веревку съ непочатаго угольнаго мѣшка. Присутствіе въ сараѣ постороннихъ лицъ, очевидно, исключало возможность намѣренія совершить убійство. Но вслѣдъ за тѣмъ, на окраинѣ города, пропала дѣвочка трехъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея исчезновенія, полиція застала передъ домомъ

родителей дѣвочки толпу народа. Уже раздавались громко голоса, обвинявшіе евреевъ въ похищеніи ребенка, начались крики и угрозы, возбужденіе росло, и мать пропавшей дѣвочки настойчиво требовала обыска и расправы съ похитителями. Къ счастью, въ это время привели дѣвочку какіе-то родственники, у которыхъ она провела нѣсколько часовъ. Любопытная сторона описаннаго происшествія заключается въ томъ, что мать дѣвочки, повидимому, не обрадовалась ея возвращенію. Она такъ настойчиво, опредѣленно и увѣренно обвиняла передъ народомъ евреевъ въ похищеніи ребенка, что при появленіи дочери испытала что-то похожее на разочарованіе. Грубо схвативъ дѣвочку за руку, она впихнула ее въ домъ и всѣмъ поведеніемъ своимъ обнаруживала не столько радость, сколько досаду.

Наконецъ, послѣдній случай, возбудившій много толковъ въ городѣ, произошелъ передъ самой Пасхой, кажется, въ среду на Страстной недѣлѣ. Молодая дѣвушка христіанка, жившая въ качествѣ прислуги у одного еврея, служившаго въ аптекѣ, была привезена въ больницу съ ожогами всего тѣла. Вскорѣ больная умерла, почти не приходя въ сознаніе. Женихъ покойной сталъ угрожать аптекарю, называя его виновникомъ смерти невѣсты. Немедленно въ дѣло вмѣшался Пронинъ и сталъ производить свое дознаніе, переѣзжая отъ семьи умершей къ жениху, отъ больницы къ полицейскому управленію. Вечеромъ въ клубѣ онъ уже рассказывалъ, какъ развратный еврей, обливъ керосиномъ добродѣтельную христіанку, сжегъ ее за сопротивленіе его ухаживаніямъ. На этотъ разъ угрозы жениха, крики родителей и агитація Пронина возбудили населеніе до послѣдней степени. Сгорѣвшая дѣвушка стала героиней города, полиція доносила, что сдержать негодующее православное простонародье она не въ силахъ, ждали немедленныхъ безпорядковъ. Пришлось

воспользоваться правами губернатора по положенію объ охранѣ и выслать Пронина административнымъ порядкомъ изъ Кишинева на все праздничное время.

Эффектъ этой высылки получился прекрасный, и я не думаю, чтобы положеніе объ охранѣ было когда-либо въ Россіи удачнѣе примѣнено. Ни Пронинъ, ни полиціймейстеръ не хотѣли вѣрить тому, что мое рѣшеніе серьезно. Но я самъ написалъ постановление о высылкѣ и вручилъ его полиціймейстеру для немедленнаго исполненія. Пронинъ легъ въ постель, потребовалъ къ себѣ врача, жаловался, угрожалъ, но тѣмъ не менѣе выѣхалъ изъ города послѣ того, какъ я отдалъ распоряженіе перевести его въ арестный домъ при полиціи.

Дознаніе о происшедшемъ случаѣ было произведено тщательно и опубликовано со всѣми подробностями. Оказалось, что аптекаръ весь день провелъ внѣ дома и занимался отпускомъ лѣкарствъ въ то время, какъ его прислуга, ставя самоваръ, полила горѣвшіе угли керосиномъ изъ бутылки; керосинъ вспыхнулъ, огонь по струѣ перешелъ въ сосудъ, бутылъ лопнула, и дѣвушка, понятно, обгорѣла.хлопотъ съ этимъ дѣломъ было не мало, и вообще пасхальные дни 1904 г. я провелъ далеко не покойно. Главной причиной обострившагося возбужденія были наши военныя неудачи, въ связи со слухами о помощи, оказываемой евреями нашему противнику.

Всякій разъ, когда обстоятельства заставляли меня предпринимать что-либо серьезное, въ интересахъ еврейской безопасности, въ городѣ замѣчались признаки нѣкотораго недовольства, какъ бы нѣкоторой обиды; формулировать это неясное чувство, отражавшееся и на полиціи, и на военныхъ, и въ народѣ, и даже въ образованной части общества, можно такой фразой: „Однако, губернаторъ только и заботится, что о жидкахъ“, или же такой: „Конечно, порядокъ — дѣло хорошее, но не забрали бы жида слишкомъ большой

силы“. Съ этимъ настроеніемъ приходилось считаться не только потому, что спеціализація на роли „охранника евреевъ“ для губернатора во многихъ отношеніяхъ неудобна, но и потому, что тѣ силы, на которыя я могъ рассчитывать для охраненія порядка въ городѣ, не слѣдовало ослаблять, давая проникать въ ихъ среду чувству досады по отношенію къ той части населенія, которая могла во всякое время сдѣлаться объектомъ нападенія. Словомъ, приходилось заботиться о томъ, чтобы не только губернаторъ, но и полиція, и войско не являлись въ глазахъ населенія, и въ собственныхъ своихъ глазахъ, какой-то, спеціально къ евреямъ приставленной, стражей.

Рядъ мѣръ, принятыхъ передъ Пасхой, съ цѣлью ослабленія вліянія на населеніе Бессарабіи погромной литературы, выясненіе неосновательности пущенныхъ въ обращеніе компрометирующихъ евреевъ слуховъ и, наконецъ, выставка Пронина могли вызвать, а, быть можетъ, отчасти и вызвали, среди христіанскаго населенія Кишинева то, отчасти завистливое, отчасти недоумѣвающее чувство, о которомъ я только что упомянулъ. Подробные доклады полиціймейстера и установленное по моимъ настояніямъ свободное обсужденіе имъ принимаемыхъ нами мѣръ, убѣдили меня, что и въ средѣ городской полиціи проявляется нѣкоторая досада на евреевъ за слишкомъ внимательное отношеніе начальства къ ихъ судьбѣ. Инцидентъ съ докторомъ Коганомъ, который я сейчасъ изложу, положилъ конецъ всякаго рода лишнимъ толкамъ, приведя интересы обѣихъ частей городского населенія въ равновѣсіе.

Въ Кишиневѣ сохраняло въ то время силу давнишнее обязательное постановление, по которому запрещалось жителямъ города устраивать, въ частныхъ домахъ, общественныя собранія, безъ разрѣшенія полиціи. Между тѣмъ, одинъ изъ врачей кишиневской еврейской больницы, д-ръ Коганъ, побывавъ въ Одессѣ въ одномъ

изъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ, получить полномочія быть представителемъ этого общества въ Кишиневѣ. По уставу, утвержденному градоначальникомъ, собранія общества происходили въ Одессѣ такъ называемымъ явочнымъ порядкомъ, съ предупрежденіемъ полиціи, но безъ предварительнаго ея разрѣшенія. Возвратившись въ Кишиневъ, Коганъ задумалъ ознакомиться съ результатами занятій одесскаго общаго собранія мѣстную еврейскую интеллигенцію, для чего и собралъ въ домѣ одного еврея челоѣкъ 40—50 слушателей, намѣреваясь прочесть имъ свой докладъ. Но наша полиція не дремала, и не успѣлъ докладчикъ разложить свои уставы и проекты, какъ вошелъ приставъ, составилъ протоколъ, всѣхъ переписалъ, а проекты отобралъ. Дѣло происходило во время нашей Пасхи, которую мы проводили въ роли еврейскихъ тѣлохранителей, и вдругъ оказывается, что евреи сами устраиваютъ въ это время незаконныя сборища.

Негодование полиціймейстера было велико, приставъ торжествовалъ, всѣ ждали, какъ отнесется къ нарушенію высшее начальство.

Разсмотрѣвъ уставъ и разспросивъ лично докладчика и хозяина дома, я призвалъ на совѣтъ прокурора, такого же пришельца въ Кишиневѣ, какимъ былъ я самъ, и также юдофила въ глазахъ юдофобовъ. Разсмотрѣвъ документы и убѣдившись въ невинной цѣли собранія, мы взглянули на дѣло со стороны, такъ сказать, его мѣстнаго освѣщенія и, въ результатѣ совѣщанія, наше юдофильство, а вмѣстѣ съ нимъ и чувство справедливости, уступили мѣсто соображеніямъ практическаго характера. Къ великой радости полиціймейстера, я оштрафовалъ хозяина дома на 100 рублей, а д-ра Когана водворилъ на двѣ недѣли въ арестный домъ при полиціи.

Не скажу, чтобы мнѣ пріятно было вспоминать о томъ времени, которое Коганъ провелъ въ заключеніи.

Сказать по правдѣ, я каждый вечеръ былъ не въ духѣ, вспоминая о томъ, что, въ сущности говоря, совершилъ несправедливость, а каждое утро я ждалъ наплыва ходатайствъ отъ родныхъ и знакомыхъ заключеннаго. Однако, двѣ недѣли прошли, и ходатаи не являлись. Но если услуга, оказанная другому, никогда не остается, по словамъ опытныхъ людей, безнаказанной, то и сдѣланная несправедливость не должна остаться для виновника ея безъ вознагражденія. Я испыталъ справедливость этого парадокса черезъ нѣсколько дней.

Мнѣ доложили о приходѣ депутаціи отъ еврейскаго „общества пособія бѣднымъ г. Кишинева“, того самаго общества, интересы котораго были отчасти нарушены внезапнымъ полицейскимъ протоколомъ. Я просилъ просителей войти и увидѣлъ нѣсколько почтенныхъ евреевъ, поднесшихъ мнѣ званіе почетнаго члена общества и дипломъ, заключенный въ красивую папку изъ черной кожи съ серебромъ. Папку держалъ въ рукахъ секретарь общества — д-ръ Коганъ, и онъ же прочелъ мнѣ вслухъ содержаніе диплома.

Конечно, этотъ случай проявленія „еврейской мстительности“ я не рѣшусь выдавать за правило. Но, какъ доказательство еврейскаго такта и остроумія, — онъ, пожалуй, годится.

Теперь я хочу упомянуть о томъ, какъ иногда еврейское населеніе Кишинева оригинально помогало администраціи въ охранѣ порядка.

Во время рождественскихъ праздниковъ 1903 г. былъ такой случай: рано утромъ 26 декабря ко мнѣ явился полиціймейстеръ съ недоумѣвающимъ лицомъ и спросилъ, выѣзжалъ ли я куда-нибудь ночью. Выслушавъ заявленіе мое о томъ, что я ночью спокойно спалъ, полковникъ Рейхартъ рассказалъ мнѣ о причинѣ своего недоумѣнія. Изъ разныхъ частей города поступили заявленія, что по улицамъ, передъ утромъ, разѣзжалъ губернаторскій экипажъ, и сидѣвшій въ немъ господинъ,

въ штатскомъ платьѣ, повидимому самъ губернаторъ, провѣрялъ полицейскіе посты и справлялся, все ли спокойно. Коляска его и гнѣдые лошади были похожи на мой выѣздъ, а лицо ревизора въ темнотѣ трудно было узнать. Оказалось, что мы имѣли дѣло съ еврейской хитростью. Евреи не вполне довѣряли нашей бдительности и, на всякій случай, нагоняли страхъ на полицію ночной ревизіей правильного соблюденія постовой службы.

На пасхальной недѣлѣ имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе. Два еврея сидѣли на заваленкѣ дома. Проходившіе мимо русскіе мастеровые, или рабочіе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, стали приставать къ сидѣвшимъ. Тѣ молчали. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ ударилъ еврея по щекамъ; тотъ мотнулъ головой и не тронулся съ мѣста. Послѣдовалъ второй ударъ; еврей опять стерпѣлъ. Рабочимъ надоѣло пассивное сопротивление евреевъ, и они пошли своей дорогой. Тогда евреи встали, пошли издали за обидчикомъ, догнали его у полицейскаго поста и тогда только подняли крикъ. На-лицо оказались всѣ необходимые элементы для суда: потерпѣвшій, обидчикъ, свидѣтель и полицейскій протоколъ. Дѣло кончилось у судьи обвиненіемъ мастераго, котораго потерпѣвшій сейчасъ же простилъ и, такимъ образомъ, одинъ изъ обычныхъ поводовъ возникновенія общей драки окончился благополучно. Замѣчу, что такое поведеніе обиженнаго можетъ быть объяснено исключительно укрѣпленіемъ довѣрія евреевъ къ полиціи, которая была, къ описанному времени, приведена полковникомъ Рейхартомъ въ относительный порядокъ.

Мнѣ часто приходилось слышать объ организаціяхъ еврейской самообороны и о той опасности, которую представляетъ для государственнаго порядка вооруженное и дисциплинированное еврейское населеніе. Кишиневская администрація, въ мое время, внимательно слѣ-

дила за попытками евреевъ, большею частью молодыхъ, организовать своего рода дружины, которыя представляли собою, по общему мнѣнію, ту опасность, что, будучи вооружены, онѣ могли быть одинаково пригодны какъ для обороны, такъ и для нападенія. Но я долженъ сказать, что страхъ по поводу вооруженія евреевъ и значеніе, придаваемое еврейскимъ дружинамъ, оказались, по крайней мѣрѣ въ Кишиневѣ, въ мое время, значительно преувеличенными. Бывали случаи собраній за городомъ еврейскихъ подростковъ, слышны были иногда ихъ выстрѣлы въ цѣль, но разслѣдованіе полиціи и жандармовъ всегда обнаруживало, что въ такого рода собраніяхъ масса населенія участія не принимала, и что мы имѣли въ такихъ случаяхъ дѣло съ затѣями и организаціями полудѣтскими, близко граничащими съ шалостью.

Въ кишиневскомъ еврействѣ замѣчался несомнѣнный расколъ между старшимъ поколѣніемъ, настроеннымъ не революціонно, мечтавшимъ только о хлѣбѣ насущномъ, и молодежью, увлеченной идеей активнаго участія въ революціи. Вообще кишиневскій Израиль не былъ воинствующимъ, и у меня сложилось убѣжденіе, что, среди нашихъ евреевъ, склонность къ спокойному, буржуазному существованію, равнодушіе къ идейной сторонѣ всякаго рода политики, пожалуй сильнѣе, чѣмъ у прочихъ, населяющихъ Россію, народностей. По крайней мѣрѣ, въ Кишиневѣ революціонеры-евреи, въ бѣдныхъ слояхъ населенія, представляли собой почти сплошь зеленую молодежь. Женатый юноша, если къ тому же онъ обзаводился имуществомъ на нѣсколько десятковъ рублей, быстро переходилъ въ защитники порядка, и вся его энергія направлялась на добываніе средствъ для семьи.

Я находилъ, поэтому, что кишиневская полиція, слишкомъ напуганная общераспространеннымъ мнѣніемъ о преобладающей роли еврейства въ русскомъ револю-

ціонномъ движеніи, придавала силѣ и організації мѣстныхъ евреевъ преувеличенное значеніе и боролась отчасти съ вѣтранными мельницами. Приведу одинъ примѣръ въ подтвержденіе даннаго мнѣнія.

Начальнику мѣстнаго охранныя отдѣленія удалось какъ-то узнать о сдѣланномъ одному изъ кишиневскихъ заводовъ секретномъ заказѣ совершенно новаго, изобрѣтеннаго заказчикомъ, евреемъ, оружія. Заказано было нѣсколько сотъ экземпляровъ металлическихъ шаровъ, по три фунта вѣсомъ, устѣянныхъ на поверхности остріями, вродѣ подковныхъ шиповъ. Каждый шаръ былъ снабженъ желѣзной петлей, въ которую можно было продѣть веревку. Разслѣдованіе, закончившееся арестомъ заказчика и конфискаціей снарядовъ, велось артистически, дѣлу было придано серьезное значеніе.

Когда всѣ нити этого секретнѣйшаго замысла оказались въ рукахъ полиціи, то выяснилось, что мы, дѣйствительно, имѣли дѣло съ планомъ еврейской самообороны. Какой-то злополучный еврей задумалъ выступить на защиту своихъ единовѣрцевъ, въ случаѣ повторенія погрома, снабдивъ ихъ новымъ оружіемъ: онъ предполагалъ, что евреи, запершись въ домахъ и выдерживая осаду нападавшихъ, будутъ успѣшно защищаться, бросая въ своихъ противниковъ чугунные шары съ остріями, привязанные къ длинной бичевкѣ. Поразивъ одного врага, осажденный могъ бы вытягивать свой метательный снарядъ обратно и повторять метаніе безконечное число разъ.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ, во время моей службы, входить одному въ толпу волнующагося народа, и я всегда испытывалъ при этомъ нѣкоторый подъемъ духа, обычно вызываемый сознаніемъ опасности. Но въ толпу еврейскихъ мятежниковъ (того времени, которое я описываю) я пошелъ бы безъ всякаго волненія. Мнѣ они казались почему-то игрушеч-

ными революціонерами, съ мячиками вмѣсто бомбъ, съ бутафорскимъ вооруженіемъ и съ дѣтскимъ азартомъ, разсѣять который не представляло бы ни труда, ни опасности. Напоминаю, для оправданія моего тогдашняго отношенія къ роли евреевъ въ революціонномъ движеніи, что я имѣлъ при этомъ въ виду только Бессарабію, и что даже черезъ два года, въ періодъ усиленія революціи, бессарабскіе евреи не создали въ предѣлахъ губерніи какой-либо особенно замѣтной революціонной організації.

Я упомянулъ выше, но только вскользь, о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытывали, вѣроятно, многіе губернаторы „черты осѣдлости“ отъ укоренившагося среди многихъ служащихъ по административному вѣдомству убѣжденія въ томъ, что случаи массовыхъ насилій надъ евреями слѣдуетъ непременно разсматривать, какъ естественное явленіе, какъ признакъ невыносимаго еврейскаго гнета, какъ примѣръ борьбы здороваго народнаго организма съ внѣдрившейся въ него заразой. Я не могъ, въ то время, объяснить себѣ вполне точно причины такого односторонняго отношенія къ безпорядкамъ со стороны лицъ, призванныхъ охранять порядокъ, и склоненъ былъ допустить, что мнѣ, какъ новому въ Бессарабіи челоуѣку, еще не видна въ полномъ объемѣ неприглядная и вредная роль еврейства. Поэтому я не считалъ возможнымъ вести среди своихъ подчиненныхъ „юдофильской пропаганды“. Я не оспаривалъ никогда ихъ мнѣнія о дурномъ вліяніи евреевъ на населеніе, о вредѣ, приносимомъ евреями, о ненависти, испытываемой по отношенію къ нимъ прочими народностями, но лишь старался внушить служащимъ сознаніе необходимости исполнять служебный долгъ, въ смыслѣ охраны внѣшняго порядка и общей безопасности. „Мы охраняемъ не евреевъ, а порядокъ“, — таковъ былъ лозунгъ, данный мной бессарабской полиціи. Однако, при распоряженіяхъ, даваемыхъ мной

кишиневскому полиціймейстеру, и при совмѣстной съ нимъ выработкѣ мѣръ къ охранѣ города во время наступленія опасныхъ признаковъ, я не разъ чувствовалъ, что между нашимъ обоюднымъ пониманіемъ своихъ обязанностей стоитъ какая-то таинственная преграда, что въ головѣ моего подчиненнаго носится мысль, о которой нельзя упоминать, но которая мѣшаетъ ему всецѣло отдаться выполнению своихъ полиціймейстерскихъ обязанностей. Чувствовалась какая-то натянутость въ разговорѣ, мѣшавшая полному взаимному довѣрію. Наконецъ, передъ самой Пасхой 1904 года мнѣ удалось, совершенно случайно, поставить полиціймейстера „на точку зрѣнія“, какъ говорятъ нѣкоторые чиновники. Я получилъ ночью длинную шифрованную телеграмму отъ Плеве, который, кажется, въ первый разъ, рѣшилъ вмѣшаться въ мою дѣятельность и проявилъ въ изложеніи телеграммы нестерпимую для меня манеру настоятельныхъ требованій и угрозъ. Онъ сообщалъ о признакахъ готовящагося въ Кишиневѣ новаго погрома (мнѣ это было извѣстно лучше, нежели ему), требовалъ принятія рѣшительныхъ мѣръ и предупреждалъ, что малѣйшее проявленіе антиеврейскихъ безпорядковъ въ губерніи будетъ отнесено къ недостатку моей предусмотрительности и къ отсутствію цѣлесообразности моихъ распоряженій. Надо прибавить, что я изложилъ содержаніе телеграммы на память, не совсѣмъ вѣрно; она была составлена въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, и я немедленно сѣлъ писать и зашифровывать отвѣтъ. Не успѣлъ я телеграфировать министру о томъ, что мѣры къ охраненію порядка принимаются мною въ силу служебнаго долга, а не въ виду возможной личной отвѣтственности, какъ вошелъ съ докладомъ полиціймейстеръ. Во время нашего разговора мнѣ пришла въ голову счастливая мысль показать полковнику Рейхарту расшифрованную телеграмму Плеве. Никогда не забуду перемѣны, происшедшей послѣ этого въ

лицѣ, манерахъ и во всемъ поведеніи полиціймейстера. Какая-то перегородка, заслонявшая его умственный взоръ, вдругъ упала. Онъ оживился, повеселѣлъ, сталъ бодръ и ясенъ, какъ человекъ, знающій отнынѣ, по какой изъ двухъ дорогъ ему надо итти. Докладъ закончился его словами: „будьте спокойны, ваше сіятельство, безпорядковъ въ Кишиневѣ не будетъ“.

V.

Въ то время, когда я былъ бессарабскимъ губернаторомъ, въ Кишиневѣ стояли слѣдующія войска: два полка пѣхотной дивизіи, артиллерійская бригада и одинъ кавалерійскій полкъ.

Старшимъ изъ мѣстныхъ генераловъ былъ начальникъ кавалерійской дивизіи Б—ъ, человѣкъ свѣтскаго воспитанія, съ хорошими средствами, очень пріятный въ личныхъ сношеніяхъ. Жена и дочери генерала отличались любезностью, простотой и гостепріимствомъ. Ихъ очень цѣнили въ Кишиневѣ, и домъ генерала Б—а былъ, какъ говорится, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. Я высоко ставилъ тактъ и дѣловитость, которые генералъ Б—ъ проявлялъ въ отношеніяхъ своихъ съ гражданскими властями, и всегда безпокоился и страдалъ, когда, за его отсутствіемъ, обязанности начальника гарнизона переходили къ командующему пѣхотной дивизіей С—у. Этотъ генералъ велъ себя совсѣмъ иначе. Въ манерѣ себя держать онъ нѣсколько форсировалъ ноту „бурбонства“ или „солдафонства“, смотрѣлъ на себя, какъ на солдатскую косточку, интересовался исключительно военными, имѣвшими передъ „шпаками“, т.-е. штатскими, преимущество военной славы и ясно очерченного круга дѣйствій. За этимъ кругомъ С—ъ ничего не хотѣлъ видѣть, и сношенія съ нимъ по службѣ были не легки. Третій генералъ, командовавшій пѣхотной бригадой, былъ какой-то маниакъ, — злого, завистливаго характера, занимавшійся преимущественно сплетнями. Изумленію его знакомыхъ не было предѣла, когда онъ былъ отправленъ на войну, и увѣренность

кишиневцевъ въ успѣхѣ русскаго оружія тогда впервые поколебалась.

Четвертый генералъ былъ старый артиллеристъ, очень милый, проводившій свои досуги въ игрѣ на скрипкѣ. Съ нимъ мнѣ не приходилось имѣть служебныхъ сношеній.

До нашихъ генераловъ, кромѣ Б—а, съ которымъ пріятно было поддерживать знакомство, мнѣ не было бы ровно никакого дѣла, если бы не существовало „правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданской власти“. Правила эти, составленные въ то отдаленное время, когда случаи усмиренія безпорядковъ военной силой имѣли иной характеръ, оказались мало пригодными для тѣхъ случаевъ, когда, во-первыхъ, помощь войска надлежало получить очень быстро, въ теченіе получаса, и, во-вторыхъ, когда дѣйствія войскъ должны были происходить въ различныхъ частяхъ города сразу. По дѣйствующимъ правиламъ, губернаторъ, въ случаѣ вызова войска, пишетъ начальнику гарнизона требованіе, въ которомъ излагаетъ цѣль вызова, указываетъ мѣсто, куда надо войску явиться, даже опредѣляетъ примѣрно количество потребныхъ военныхъ силъ. Затѣмъ, представитель гражданской власти продолжаетъ руководить дѣйствіями военной: онъ предлагаетъ задачу для исполненія, указываетъ, кого надо арестовать и т. д., и только послѣ предложенія его дѣйствовать оружіемъ, распоряженіе войсками, на время этого дѣйствія, переходитъ къ начальнику военной части.

Результаты буквального примѣненія упомянутыхъ правилъ сказались повсемѣстно во время погромнаго періода. Вызванные военныя части почти всегда являлись поздно, выстраивались на мѣстахъ, гдѣ происходили безпорядки, и большей частью безучастно смотрѣли на развертывавшіяся передъ ними картины разгрома имущества, грабежа и насилія, перекидываясь

шутками и остротами въ тѣхъ обычныхъ случаяхъ, когда погромъ бывалъ направленъ противъ евреевъ. Случаи военныхъ карательныхъ экспедицій, грабежи и убійства, производимыя военными подъ видомъ водворенія порядка, тогда еще не имѣли мѣста. О нихъ я здѣсь говорить не буду. Я хочу лишь сказать, что тѣ правила, которыми я долженъ былъ руководствоваться, давали полную возможность войскамъ бездѣйствовать во время безпорядковъ, не подвергаясь при этомъ никакой отвѣтственности.

Такъ и случилось въ Кишиневѣ въ 1903 г. Было время, отъ двухъ часовъ дня до трехъ съ половиной, когда одна рота, въ рукахъ дѣльнаго человѣка, могла локализовать, остановить и потушить погромный пожаръ близъ Чуфлинской площади. Въмѣсто этого, явившійся позднѣе и занявшій полъ города, весь кишиневскій гарнизонъ два дня подтверждалъ своимъ бездѣйствіемъ справедливость легенды о разрѣшенномъ Царемъ трехдневномъ грабежѣ, пока генералъ Б-ъ не рѣшилъ, что надо спасать и городъ, и честь войска. Послѣ его приказанія приступить къ арестамъ, погромъ прекратился, какъ кажется, въ теченіе двухъ часовъ.

Теперь станетъ понятнымъ, что я не могъ, въ интересахъ общей безопасности, поддерживать съ военными властями исключительно официальныхъ отношеній, на почвѣ дѣйствующихъ правилъ. Я долженъ былъ, мудростью змѣя и кротостью голубя, добиваться ихъ милостиваго отношенія ко ввѣренному мнѣ для охраны населенію и постараться установить свои, бесарабскія, правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ.

Цѣль эта была достигнута мною при содѣйствіи генерала-джентльмена, гр. Мусина-Пушкина, командовавшего въ то время войсками Одесскаго округа, а введенный мною порядокъ я поддерживалъ: съ Б-ъ откровенностью, убѣжденіемъ и просьбами, съ С-ъ —

хитростью, а съ третьимъ генераломъ Г-мъ настойчивостью, доходившей иногда до угрозъ.

Графу Мусину-Пушкину я подаль составленную мною записку, въ которой изложилъ подтвержденные примѣрами недостатки правилъ о призывѣ войскъ. Я предлагалъ, между прочимъ, пополнить эти правила статьей, согласно которой каждый начальникъ части, послѣ вызова ея гражданскою властью, обязывался самостоятельно приступить къ распорядительнымъ дѣйствіямъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ усматривалъ безпорядки, грозящіе опасностью для жизни и имущества обывателей. Графъ очень хорошо и внимательно отнесся ко мнѣ и моимъ предположеніямъ, но предупредилъ, что военное министерство, конечно, будетъ противиться такому порядку, при которомъ отвѣтственность за отсутствіе распорядительности можетъ быть перенесена съ гражданской власти на военную.

Это обстоятельство не помѣшало Мусину-Пушкину оказать мнѣ драгоцѣнное содѣйствіе: онъ общалъ разрѣшить начальнику кишиневского гарнизона войти со мной въ сношенія относительно ускореннаго порядка вызова войскъ, въ случаѣ надобности. Въ дѣйствительности, онъ сдѣлалъ даже больше, замѣнивъ разрѣшеніе авторитетной рекомендаціей оказывать мнѣ дѣйствительное содѣйствіе, идя навстрѣчу моимъ намѣреніямъ до предѣловъ, допускаемыхъ уставомъ гарнизонной службы.

Мы съ генераломъ В-мъ установили слѣдующія правила: на каждый мѣсяцъ была опредѣлена очередь суточного дежурства одной роты и одного эскадрона. Свѣдѣнія о мѣстѣ казарменнаго расположенія дежурныхъ частей были сообщены полиціймейстеру и приставамъ. На каждый мѣсяцъ давался пароль, который могъ быть сообщенъ начальнику дежурной части, лично или по телефону, любымъ изъ полицейскихъ чиновъ, которому я, подъ своей отвѣтственностью, давалъ право обращаться за содѣйствіемъ войска. Командиръ части,

по сообщеніи ему пароля, выступалъ черезъ десять минутъ въ назначенное мѣсто, не дожидаясь приказа военного начальства, которому я одновременно посылалъ для свѣдѣнія официальное требованіе. Таковъ былъ порядокъ частичной мобилизации. Для общаго выступления войскъ, заранѣе былъ приготовленъ планъ, распредѣленія города по участкамъ и, согласно этому плану, всѣ наличныя части впередъ знали свои мѣста и находились въ связи между собою при помощи телефонной сѣти. Оставалось преодолѣть еще одно затрудненіе. Генералъ Б—ъ иногда уѣзжалъ въ Одессу, и тогда приходилось имѣть дѣло съ С—мъ. Этотъ генералъ былъ юдофобомъ по преимуществу, уступая въ ненависти къ евреямъ только генералу Г—у, и не хотѣлъ смотрѣть на всѣ описанныя выше мѣры предосторожности иначе, какъ на позорное для арміи порученіе оборонять жидовъ. Однажды мнѣ пришлось пригласить С—а на совѣщаніе, въ которомъ участвовали вице-губернаторъ, полиціймейстеръ и мѣстный исправникъ; требовалось, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, переименовать планъ диспозиціи военныхъ частей. Угрюмо и нехотя подчинившись необходимости заняться выработкой новаго плана, записаннаго состоявшимъ при немъ офицеромъ, С—ъ, наконецъ, всталъ и, прощаясь со мной, произнесъ слѣдующія слова: „что вы, князь, беспокоитесь, довѣрьтесь намъ, — въ лучшемъ видѣ жидовъ растрясемъ.“

Пришлось поневолѣ отнестись къ этимъ словамъ, какъ къ остроумной шуткѣ. Но и этого мало. Я принужденъ былъ нерѣдко прибѣгать къ хитростямъ, сообщая С—у о томъ, что революціонеры собираются итти съ краснымъ флагомъ или что среди евреевъ замѣчается броженіе, и ожидаютъ съ ихъ стороны активныя революціонныя дѣйствія. Въ этихъ случаяхъ онъ охотно шелъ на уступки и отдавалъ необходимыя распоряженія для охраны порядка при разныхъ торжествахъ, вродѣ встрѣчи иконъ и т. п. процессіяхъ.

Въ тѣхъ, къ счастью, рѣдкихъ случаяхъ, когда командованіе переходило къ Г—у, я надѣялся больше на счастье и собственныя силы, твердо рѣшивъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, обращаться къ нему лишь въ случаяхъ крайности.

Общій выводъ, къ которому я пришелъ по отношенію къ военнымъ властямъ, въ концѣ моей административной дѣятельности въ Кишиневѣ, былъ тотъ, что, въ интересахъ охраненія порядка, наилучшій исходъ — вовсе не обращаться къ содѣйствию войскъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о евреяхъ. И, дѣйствительно, настроеніе офицеровъ кишиневского гарнизона по отношенію къ евреямъ не подавало надежды на то, что они окажутъ мнѣ дѣйствительное содѣйствіе при возникновеніи анти-еврейскихъ беспорядковъ.

Два примѣра, которые я сейчасъ приведу, будутъ служить иллюстраціей того образа дѣйствій, который примѣнялся мѣстными офицерами къ еврейскому населенію.

Поручикъ К., мѣстный уроженецъ, служилъ въ мое время въ Л. драгунскомъ полку. Красивая наружность молодого офицера, казалось, предназначалась для побѣдъ надъ женскими сердцами, а богатырское сложеніе заставляло предполагать въ немъ любителя всякихъ земныхъ благъ — рыцаря стола и бутылки. Но на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ иное.

К. поселился въ двухъ маленькихъ комнаткахъ скромнаго мѣщанскаго дома и одну изъ этихъ комнатъ обратилъ въ нѣчто похожее на часовню. Огромный образъ Богородицы, съ неугасимой лампадой, евангеліе и крестъ украшали пріютъ, въ которомъ поручикъ усердно молился, готовясь къ подвигамъ, напоминавшимъ тѣ времена, когда рыцари посвящали себя борьбѣ съ невѣрными во славу Божию, для торжества христіанства. Рано утромъ, еще до свѣта, К. сѣдлалъ лошадей и, вмѣстѣ съ денщикомъ, выѣзжалъ за городъ

скую заставу на бой съ евреями, выходившими, вопреки обязательному постановленію городской думы, закупать хлѣбъ съ крестьянскихъ возовъ, тянувшихся изъ сель къ рыночной площади, гдѣ была сосредоточена хлѣбная торговля подъ наблюденіемъ городской инспекціи. Смѣло бросаясь на незаконныхъ скупщиковъ и нанося имъ неожиданные удары, неустрашимый паладинъ всегда торжествовалъ побѣду, разгонялъ испуганныхъ евреевъ и провожалъ воза на рынокъ. Но иногда онъ запаздывалъ къ заключенію запрещенныхъ сдѣлокъ: воза пшеницы оказывались уже купленными и увезенными евреями въ свои дворы. К. и въ этихъ случаяхъ не примирялся съ проявленіемъ еврейской эксплуатаціи; онъ пускался въ погоню за увезеннымъ хлѣбомъ, находилъ домъ покупателя, вламывался въ ворота и отбиралъ купленное, щедро распредѣляя удары и брань между покупателемъ и продавцомъ, котораго заставлялъ брать свой товаръ обратно и везти его на рынокъ.

Религіозная нетерпимость этого идейнаго офицера заставляла его иногда предпринимать еще болѣе замѣчательные подвиги. Однажды, стоя въ строю передъ соборомъ, по случаю какого-то торжественнаго дня, К. увидѣлъ двухъ любопытствующихъ евреевъ, вошедшихъ на церковную паперть и, повидимому, намѣревавшихся проникнуть въ соборъ. Онъ немедленно спѣшилъ, бросился къ притвору и нѣсколькими пинками спустилъ съ соборной паперти дерзкихъ иновѣрцевъ, которые кинулись бѣжать со всѣхъ ногъ. Всѣ евреи знали К. и всѣ его боялись, такъ какъ онъ, по ихъ словамъ, „швыдко бузовалъ по мордамъ.“

Благодаря моей несчастной славѣ доступнаго „гитэ-губернатора“, какъ называли меня евреи, жалобы на поручика К. посыпались ко мнѣ десятками. Я не давалъ имъ официальнаго хода, такъ какъ былъ уже умудренъ опытомъ по части сношеній съ военнымъ вѣдомствомъ. Но я переговорилъ съ командиромъ полка

частнымъ образомъ, и тотъ прислалъ ко мнѣ К. для объясненій. Поручикъ оказался добрѣйшимъ человекомъ, милымъ малымъ, давшимъ мнѣ возможность въ значительной степени умѣрить его пылъ. Онъ вникалъ въ мои соображенія и во многомъ со мною соглашался; я счелъ нужнымъ отдать ему визитъ, и тогда увидѣлъ тотъ образъ, предъ которымъ онъ вдохновлялся на борьбу съ потомками „хриstopродавцевъ“, получавшими отъ руки богомольнаго поручика расплату за давній грѣхъ своихъ предковъ.

Фамилія втораго офицера, о которомъ я хотѣлъ здѣсь рассказать, мной позабыта. Онъ былъ тоже поручикъ, но пѣхотнаго полка, и также пользовался извѣстностью въ качествѣ ненавистника евреевъ. Однако, достойно замѣчанія то обстоятельство, что кипучаго кавалериста К., „бузовавшаго“ жидовъ безъ всякаго стѣсненія, по праву христіанина и защитника бѣднаго люда, евреи не столько ненавидѣли, сколько опасались, а болѣе корректнаго, спокойнаго и холоднаго пѣхотинца, рѣдко выступавшаго въ роли мордобойца, они совершенно не могли выносить. Та передѣлка, въ которую, какъ ниже будетъ описано, попалъ пѣхотный поручикъ, немыслима была бы въ отношеніи К., несмотря на его постоянное рукоприкладство къ еврейскимъ физіономіямъ.

Поручикъ Х. вошелъ однажды въ еврейскій магазинъ, помѣщавшійся на главной улицѣ Кишинева, и безстрастнымъ голосомъ произнесъ: „перчатки“. „Сію минуту“, отвѣтилъ прикащикъ, продолжая отпускать товаръ какому-то посѣтителю, пришедшему раньше. „Перчатки!“, — повторилъ Х., возвысивъ голосъ, но не теряя еще хладнокровія. Прикащикъ позволилъ себѣ замѣтить, что онъ удовлетворяетъ покупателей по очереди. Немедленно послѣдовалъ ударъ офицерской руки по щекѣ прикащика, который съ крикомъ выбѣжалъ изъ магазина. Замѣчаніе хозяина лавки, что драться

нельзя, было тутъ же опровергнуто дѣйствіемъ, и хозяинъ, получивъ свою порцію оплеухи, выбѣжалъ также вонъ; за нимъ удалились изъ лавки всѣ покупатели. Вскорѣ на улицу вышелъ и офицеръ, видя, что перчатокъ ему купить не у кого. Присоединившись къ одному изъ своихъ товарищей по полку, Х. пошелъ по широкому тротуару улицы, не ожидая никакихъ послѣдствій отъ описаннаго происшествія. Всякому другому, дѣйствительно, эта исторія прошла бы даромъ, но, какъ я сказалъ, евреи ненавидѣли Х. Вскорѣ, около него, спереди, сзади, съ боковъ, образовалась довольно густая толпа еврейской молодежи, прикащиковъ сосѣднихъ лавокъ, которые стали задѣвать его за платье, слегка прикасаться къ нему локтями, наступать ему на ноги. Оглянувшись, оба офицера замѣтили, что толпа растетъ, и повернули съ тротуара на улицу; кольцо вокругъ нихъ дѣлалось все гуще и тѣснѣй, раздавались свистки, насмѣшки, угрозы. Офицеры вынули шашки и стали медленно подвигаться къ противоположному тротуару. Уже съ головы одного изъ нихъ упала фуражка, а на шашку другого накинута петлю, когда, наконецъ, прибѣжали полицейскіе и, съ помощью нѣкоторыхъ лицъ изъ числа публики, ввели блѣдныхъ и растерявшихся офицеровъ въ кондитерскую и стали производить аресты. Арестовали на удачу человѣкъ двадцать.

Я узналъ о происшедшемъ немедленно. Всѣ старанія мои были направлены къ тому, чтобы распорядиться и закончить это дѣло до пріѣзда ко мнѣ командующаго въ то время гарнизономъ С., такъ какъ я чувствовалъ, что ко мнѣ будутъ предъявлены такіе требованія, которыхъ исполнить я не соглашусь. Я не смогъ бы удержаться отъ осужденія выходки поручика, и, вѣроятно, разговоръ нашъ кончился бы разрывомъ, за который лавочники расплатились бы не позднѣе слѣдующаго дня.

Немедленно пригласивъ къ себѣ обоихъ офицеровъ, я повезъ ихъ въ арестный домъ, куда только-что доставили арестованныхъ евреевъ. Я предложилъ обиженнымъ назвать мнѣ оскорбителей, на что, послѣ долгаго раздумья, послѣдовало съ ихъ стороны указаніе пяти лицъ. Эти пятеро были подвергнуты аресту въ административномъ порядкѣ за незаконное собраніе въ публичномъ мѣстѣ, офицерамъ было предложено удовлетвориться этой мѣрой, на что они съ радостью согласились; побитымъ въ лавкѣ я рекомендовалъ обратиться съ жалобой въ судъ, на что ихъ согласія не послѣдовало, и военныя власти настолько крѣпко замолчали о всемъ происшедшемъ, что никто изъ нихъ ни разу при мнѣ не упомянулъ о непріятномъ случаѣ оскорбленія представителей русской арміи въ публичномъ мѣстѣ.

Въ бытность генерала Раабена губернаторомъ, господа офицеры переѣзжали въ грязную погоду черезъ улицу верхомъ на городскихъ; это были невинныя шутки; такъ сказать, взаимныя одолженія между военными. При мнѣ такихъ случаевъ не было, но за то я не могъ похвастаться любовью ко мнѣ въ военной средѣ.

О солдатахъ кишиневскаго гарнизона мнѣ почти нечего разсказать, кромѣ того, что, по возвращеніи войскъ изъ лагерей въ городъ, ночныя кражи, уличныя драки и безобразія въ ночныхъ притонахъ всегда замѣтно увеличивались.

VI.

Я хорошо зналъ быть, характеръ, традиціи и особенности дворянства великорусскихъ губерній, въ частности губерній московскаго района. Всего ближе, по условіямъ моей прошлой жизни, мнѣ было знакомо дворянство земельное, сохранившее свои старыя родовыя имѣнія, ведущее сельское хозяйство на своихъ земляхъ. Въ Ярославской, Костромской, Тульской, Смоленской, Орловской и Калужской губерніяхъ, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, можно было еще нерѣдко найти огромныя усадьбы, со слѣдами прошлаго величія, съ вѣковыми парками, искусственными запрудами, иногда даже съ персиковыми оранжереями, съ цѣнной мебелью, рѣдкой бронзой, семейными портретами и библіотеками въ просторныхъ комнатахъ, состарѣвшихся, но еще годныхъ для жилья домовъ. Замѣтно было, что прежняя барская жизнь въ такихъ усадьбахъ клонится къ упадку, что старыя дома и старыя затѣи, въ большинствѣ случаевъ, не будутъ возобновлены въ прежнемъ видѣ, но духъ стариннаго барства еще жилъ въ сохранившейся обстановкѣ, и, при созерцаніи всей этой старины, получалось извѣстнаго рода эстетическое наслажденіе.

Еще ближе мнѣ были извѣстны усадьбы средней руки, въ которыхъ велось незатѣйливое, приспособленное къ окружающимъ условіямъ, хозяйство, безъ агрономовъ и управляющихъ, при помощи старосты или прикащика, руководимаго живущимъ въ имѣніи владѣльцемъ. Въ большей части такихъ усадебъ не было ни роскоши, ни затѣи. Нѣсколько собакъ для осенней

охоты, тройка доморожденныхъ лошадей и какой-нибудь любимый жеребенокъ, на котораго возлагались всегда преувеличенныя и, по большей части, обманчивыя надежды,—составляли роскошь помѣщика, получавшаго отъ своего хозяйства скромныя, но вѣрные доходы,—тѣ рубли, которые, по русской пословицѣ, тонки, но долги. Дѣйствительно, большихъ доходовъ, быстро обогащенія отъ такихъ помѣщичьихъ хозяйствъ нельзя было ожидать. Однако, среди жалобъ на неурожай, на дороговизну труда, на недобросовѣстность сосѣднихъ крестьянъ, владѣльцы небольшихъ имѣній жили скромно, но сыто и, хотя иногда украшали своими именами страницы банковскихъ публикацій, тѣмъ не менѣе въ сущности даже богатѣли, въ виду медленно, но постоянно возрастающей цѣны земли.

Такихъ надежныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ я зналъ много, особенно въ губерніяхъ нечерноземныхъ, и долженъ сказать, что они представляли собой явленіе въ обществѣ благотворное. Отношеніе ихъ съ крестьянами, несмотря на происходившія иногда сосѣдскія недоразумѣнія, были большею частью недурны. Кулачество, эксплуатація крестьянъ,—съ ихъ стороны были явленіемъ рѣдкимъ. Напротивъ, въ ихъ отношеніяхъ съ рабочимъ крестьянствомъ наблюдалось извѣстнаго рода единеніе, выработанное продолжительной совместной дѣятельностью. Въ этомъ уступчивомъ и благодушномъ отношеніи къ бывшимъ крѣпостнымъ своимъ отцовъ и сказывалась извѣстнаго рода особенность, выгодно выдѣлявшая мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ изъ ряда частныхъ владѣльцевъ другихъ сословій, кулаковъ-мѣщанъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ, которые были гораздо прижимистѣе и безпощаднѣе къ нашей братіи, чѣмъ дворяне. Въ послѣднихъ положительно сказывалось (хотя иногда слабо и безсознательно) нѣкоторое сочувствіе крестьянству, отчасти идейнаго характера, вытекавшее изъ любви ихъ къ землѣ, къ

земледѣльческому труду и къ тѣмъ, кто живетъ этимъ трудомъ. Культурное значеніе дворянско-помѣщичьихъ хозяйствъ сѣверно-центральной Россіи, гдѣ среди крестьянскаго населенія нѣтъ земельного голода и вынужденной дорогой аренды, не можетъ быть, по моему мнѣнію, отвергнуто.

Простота жизни, отсутствіе классовой замкнутости и сословной гордости, въ смыслѣ чванства, трудовая деревенская жизнь, пониманіе народныхъ нуждъ и снисходительное отношеніе къ тому напору на помѣщичье хозяйство со стороны сосѣдей крестьянъ, который всегда раздражаетъ владѣльцевъ-новичковъ, — вотъ тѣ положительныя стороны помѣщиковъ средней руки, съ которыми я ознакомился преимущественно въ Калужской губерніи.

Совсѣмъ другую картину я увидѣлъ въ Бессарабіи. Въ бессарабскихъ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ можно было встрѣтить большую роскошь, но въ нихъ не было той старинной величавости, которая въ нашихъ мѣстахъ ведется отъ временъ Екатерины и Александра I. Усадьбы Бессарабіи иногда освѣщены электричествомъ, но въ нихъ не найдется масляныхъ лампъ стиля „Empire“ и тѣхъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ и люстръ, по которымъ въ центральной Россіи узнается дворянскій домъ. Книжные шкафы бессарабскихъ помѣщиковъ полны новѣйшими романами, но въ нихъ отсутствуютъ французскіе энциклопедисты 18-го вѣка, въ кожаныхъ переплеткахъ, съ золотымъ обрѣзомъ. Не видно въ ихъ домахъ и прежней мебели, работы доморощенныхъ столяровъ, все сдѣлано модно, по новому, часто мѣняется. Можетъ быть, многое тамъ и удобнѣе, чѣмъ у насъ, но все же ихъ деревенскіе дома — прекрасно меблированныя комнаты, а не русскія старо-дворянскія гнѣзда.

Не замѣтилъ я у бессарабскихъ помѣщиковъ и той любви къ имѣнію, которая у насъ обыкновенно не за-

виситъ отъ красоты и доходности его. Мы смотримъ на свои имѣнія, какъ на неодушевленные личности, и любимъ ихъ за нихъ самихъ, а не за то, что они намъ приносятъ. Въ Бессарабіи имѣніе — земельный пай, приносящій хорошій доходъ и легко переходящій изъ рукъ въ руки, — рыночная цѣнность, обращающаяся среди предприимчивыхъ лицъ, благодаря быстрымъ скачкамъ въ повышеніи стоимости земли. Имѣнія, пріобрѣтенныя въ 70-хъ годахъ по 25—35 руб., переходили при мнѣ въ пятая руки по 250—350 руб. за десятину. Высокіе урожаи дорогихъ хлѣбовъ, близость портовъ и границы довели въ Бессарабіи арендныя цѣны на землю до высокихъ цифръ. Удобреніе въ мое время примѣнялось тамъ рѣдко. Веденіе хозяйства собственнымъ инвентаремъ встрѣчалось не часто, развѣ только въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи. Обыкновенно, бессарабскій помѣщикъ оставлялъ себѣ виноградники и небольшой кусокъ земли, а остальное имѣніе сдавалъ въ аренду; большею частью еврею, передававшему мелкіе участки крестьянамъ, отъ которыхъ самъ помѣщикъ былъ далекъ, живя по городамъ и заграницей. Показная роскошь, пользованіе благами городской жизни, стремленіе больше получить и еще больше истратить, — таковы были бросающіяся въ глаза черты бессарабскихъ помѣщиковъ, лишившія дворянское землевладѣніе Бессарабіи преемственности и прочности. Большія земельныя состоянія дворянъ тамъ быстро таяли и переходили изъ рукъ въ руки. Такъ, напримѣръ, въ мое время еще жива была память о бессарабскомъ помѣщикѣ Бальшѣ, земельномъ магнатѣ и благотворителѣ, но ни одного имѣнія Бальши я уже не засталъ. Зато сыновья его бывшаго управляющаго владѣли миллионными средствами, которыя, въ свою очередь, на моихъ глазахъ, безпощадно растрчивались его внуками. Не могу отказать себѣ въ желаніи рассказать здѣсь исторію пяти лѣтъ жизни одного бессарабскаго помѣщика,

большого моего пріятеля. Этотъ разсказъ послужить иллюстраціей ко всему вышесказанному и дастъ возможность увидѣть типическаго бессарабскаго землевладѣльца.

Въ 60-хъ прошлаго столѣтія одинъ небогатый землевладѣлецъ, Оргѣвскаго уѣз. Х., обратился къ сосѣднему богатому помѣщику В. съ просьбой ссудить его небольшой суммой денегъ. Тотъ отказалъ, не довѣряя кредитоспособности просителя. Черезъ 30 лѣтъ, бывшій богачъ не имѣлъ почти никакого состоянія, а Х., умирая, оставилъ сыну три тысячи десятинъ незаложенной земли и солидный денежный капиталъ. Сынъ Х. кончилъ курсъ въ университетѣ и женился противъ воли отца, еще при его жизни, на одной особѣ, обладавшей прекраснымъ голосомъ и музыкальнымъ талантомъ. Молодые уѣхали въ Италію, получая отъ обиженнаго отца только 100 рублей въ мѣсяцъ — бывшій студенческій паекъ, и поступили на сцену, распѣвая въ итальянскихъ театрахъ, жена — въ качествѣ примадонны драматическаго сопрано, а мужъ, быстро выучившійся пѣть, — въ качествѣ баритона. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ ихъ оригинальной, полной приключеній жизни, пока смерть отца не призвала чету пѣвцовъ обратно въ Бессарабію, гдѣ мужъ сталъ служить по выборамъ и заниматься хозяйствомъ на бессарабскій манеръ. Въ небольшой отцовскій домъ, помѣщавшійся среди села, была привезена изъ Италіи мебель съ инкрустаціями, были выписаны музыкальные инструменты, билліардъ, дорогая посуда. Земскій домъ въ уѣздномъ городѣ былъ отдѣланъ вновь на счетъ новаго общественнаго дѣятеля. кареты, кровныя лошади были къ услугамъ гостей, съѣзжавшихся къ Х. въ неограниченномъ числѣ. Гости ѣли, пили, ночевали и веселились, а хозяинъ, любившій въ сущности простую, тихую жизнь и интересовавшійся искусствомъ и службой, обратился въ гастронома по-неволѣ. Когда онъ пригласилъ меня къ себѣ въ де-

ревню, я поставилъ условіемъ простоту пріема, особенно стола, такъ какъ я не выносилъ обильныхъ бессарабскихъ яствъ. Х. до сихъ поръ увѣряетъ, что у него были приняты мѣры, чтобы угодить моимъ простымъ вкусамъ, но я опишу здѣсь подробно, какъ мы провели у него день. Я пріѣхалъ съ женой и однимъ родственникомъ, не бывавшимъ никогда въ Бессарабіи, на станцію желѣзной дороги, гдѣ насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ въ двухъ четырехмѣстныхъ экипажахъ. Проѣхавъ верстъ 20, мы въ 3 ч. дня сѣли за столъ, уставленный бутылками и закусками всевозможныхъ видовъ. Утоливъ голодъ, мы лѣниво принялись за продолженіе обѣда, состоявшаго изъ четырехъ сытныхъ блюдъ, безъ супа. Просидѣвъ за столомъ часа полтора, я съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности пойти гулять, но оказалось, что мы имѣли дѣло еще только съ бессарабской закуской, и что бессарабскій обѣдъ не начинался. Подали два супа и еще семь огромныхъ, разнообразныхъ, сытныхъ блюдъ.

Я былъ настолько близокъ съ хозяиномъ дома, что позволилъ себѣ выразить свою злобу на него молчаливымъ протестомъ, котораго онъ до сихъ поръ забыть не можетъ: я не прикоснулся къ подаваемымъ блюдамъ, видя въ неожиданномъ продолженіи обѣда обманъ и покушеніе на мое здоровье. Другой, пріѣхавшій со мной гость, калужскій помѣщикъ, реагировалъ иначе на бессарабское гостепріемство: онъ заснулъ въ серединѣ обѣда, и лаксй долго не рѣшался его толкнуть, подавая ему какое-то по-бессарабски пятое, а по нашему — девятое блюдо. Мы встали отъ стола около 7 час. вечера; въ 11 часовъ предстоялъ ужинъ.

Я потомъ узналъ, что для этого дня было выписано изъ Одессы провизіи на 800 рублей. Молодой, умный, талантливый и добрый Х. быстро нашелъ путь для траты отцовскаго состоянія. Задумавъ провести зиму въ Кишеневѣ, онъ сталъ подыскивать жилище. Ему предлагали прекрасный готовый домъ за 70 тысячъ,

но онъ предпочелъ купить за 60 тысячъ другой, никуда негодный. Сломавъ его до основанія, онъ выстроилъ, на томъ же мѣстѣ, небольшой дворецъ за 120,000 руб., завелъ свою электрическую станцію, меблировалъ комнаты заново. Проживъ одну зиму въ Кишеневѣ, продавъ одно имѣніе и заложивъ другое, онъ переѣхалъ на слѣдующую зиму въ Румынію, бросивъ свой домъ, содержаніе котораго съ 1/2 на затраченный капиталъ составляло около 18,000 руб. въ годъ. Теперь, когда я пишу эти строки, Х. опять живетъ въ Италіи, поручивъ веденіе своихъ дѣлъ въ Бессарабіи одному изъ своихъ родственниковъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что Х. не игралъ въ карты, мало ѣлъ и почти не пилъ. Его любимое развлеченіе — хорошая музыка и разговоръ по душѣ съ близкимъ знакомымъ. Единственная его трата, на удовлетвореніе своихъ собственныхъ причудъ, — были срочныя телеграммы, которыми онъ сносился со всѣми, взамѣнъ писемъ, и независимо отъ срочности тѣхъ сообщеній, которыя онъ желалъ сдѣлать. Такія телеграммы, словъ въ 100, съ обычнымъ обращеніемъ и заключеніемъ, съ длинными вводными предложениями, я получалъ отъ него не разъ просто по случаю того, что ему хотѣлось поговорить со мной по телеграфу.

Нѣсколько особнякомъ среди бессарабскаго дворянства стояла огромная семья Крупенскихъ, имѣвшая, 52 голоса, считая женскія довѣренности. Въ мое время, старшій членъ этой семьи, М. Н. Крупенскій, занималъ должность губернскаго предводителя дворянства, двое Крупенскихъ служили уѣздными предводителями, остальные были губернскими и уѣздными гласными, почетными мировыми судьями и т. п. Семья эта, очень сплоченно дѣйствовавшая въ общественныхъ собраніяхъ, играла при выборахъ огромную роль и отчасти давила на прочихъ общественныхъ дѣятелей Бессарабіи, за что не всѣ любили Крупенскихъ, считая ихъ гордецами,

аристократами и обвиняя ихъ въ нѣкоторой семейной исключительности.

Будучи людьми богатыми, имѣя связи въ Петербургѣ, Крупенскіе вносили въ мѣстную среду духъ, почерпнутый въ привилегированныхъ заведеніяхъ, въ гвардейскихъ полкахъ, въ рядахъ придворнаго чиновничества и дипломатическаго вѣдомства. Но они не были людьми узко партійными, имѣли извѣстную свободу мнѣній и, на примѣръ, къ правительству временъ Плеве относились безъ подобострастія и даже съ нѣкоторой критикой. Въ вопросахъ о расширеніи мѣстнаго самоуправленія, во взглядахъ на еврейское законодательство они являлись отчасти либералами. Въ особенности гуманенъ и мягокъ характеромъ былъ губернский предводитель дворянства Михаилъ Николаевичъ, милѣйшій и благороднѣйшій человекъ. Про него ходили слухи въ Петербургѣ, что онъ юдофилъ, покровительствуетъ евреямъ и зависитъ отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи. Безусловную порядочность его я доказывалъ, какъ только могъ, и Крупенскій, наконецъ, получилъ, къ Пасхѣ 1904 года, давно ожидаемое имъ званіе камергера Высочайшаго Двора, доставившее ему, въ то время уже безнадежно больному, большое удовольствіе. Въ общемъ, за немногими исключеніями, роль, которую играла въ Бессарабіи семья Крупенскихъ, не была отрицательной. Однако, впоследствии, послѣ роспуска первой Государственной Думы, Крупенскіе, имѣвшие свое состояніе въ землѣ, сильно подались въ сторону правительства и, увлекшись огражденіемъ своихъ семейно-сословныхъ интересовъ, утратили значеніе безпристрастныхъ общественныхъ дѣятелей. Эту перемену я объясняю себѣ боязнью аграрной реформы, устрашающее вліяніе которой отразилось въ то время на большинствѣ помѣщиковъ.

М. Н. Крупенскій задумалъ увѣковѣчить память о своемъ предводительствѣ постройкой въ Кишиневѣ

дворянского пансіона-пріюта. Не жалѣя трудовъ и времени, онъ ѣздилъ въ Петербургъ, добивался Высочайшихъ аудіенцій и сумѣлъ выхлопотать отъ казны средства на постройку зданія, смѣта котораго была составлена тысячъ въ триста. Бессарабское дворянство рѣшило принять на себя расходы по содержанію пріюта, въ увѣренности, что предпринимаетъ выгодное и важное для интересовъ сословія дѣло. М. Н. Крупенскій, не дождавшись окончательнаго согласія министра финансовъ на отпускъ казенныхъ денегъ, понадѣявшись на слова Государя и не собравъ ни гроша изъ средствъ мѣстнаго дворянства, приступилъ къ постройкѣ пріюта по грандіозному плану. Великолѣпный дворецъ, съ роскошными квартирами, свѣтлый, просторный, съ собственной электрической станціей, былъ почти готовъ, когда, наконецъ, удалось вырвать казенную ассигновку. Крупенскій былъ долженъ кругомъ подрядчикамъ и поставщикамъ, которыхъ удовлетворилъ авансами, выдавая имъ свои векселя. Пріютъ былъ построенъ на славу, недорого и добросовѣстно. Наступила пора подумать о томъ, кѣмъ заполнить это учрежденіе, и тогда выступила во всемъ блескѣ бессарабская безпечность: пансіонеровъ для пріюта не оказалось, да дворянскому сбору было бы и не подъ силу ихъ содержать. Въ результатѣ—зданіе стоитъ пустымъ до сего времени (зимы 1906/7 года).

Земство въ Бессарабіи было по преимуществу представлено помѣщичьимъ классомъ, и крестьяне не играли въ немъ замѣтной роли. Предсѣдатель губернской земской управы баронъ Стюартъ, участникъ извѣстныхъ земскихъ сѣздовъ, магистръ ботаники и зоологіи, былъ чело­вѣкъ просвѣщеннаго образа мыслей. Онъ понималъ необходимость итти въ сторону демократизаціи земства, но земское собраніе не всегда оказывало ему въ этомъ направленіи поддержку, и потому на дѣятельности бессарабскихъ земскихъ учрежденій лежалъ тотъ

же, свойственный Бессарабіи, отпечатокъ внѣшняго великолѣпія и отсутствія мелкой, послѣдовательной, кропотливой работы въ интересахъ сельскихъ массъ. Губернскую земскую управу можно было, пожалуй, упрекнуть въ излишнемъ увлеченіи великолѣпными соору­женіями: она построила въ мое время зданіе земскаго музея, превысивъ при этомъ первоначальную 40-тысячную смѣту вдвое или втрое. Въ семи верстахъ отъ Кишинева, въ 1902—1904 годахъ, строился новый городокъ — земская лѣчебница для душевно-больныхъ, стоившая громаднхъ денегъ. Это было любимое дѣтище барона Стюарта, и, дѣйствительно, врядъ ли въ Россіи найдется лѣчебница, подобная Костюженской. Однако, уже при мнѣ, когда еще не всѣ зданія были оборудованы, начались критика и жалобы на дороговизну больницы и на затрудненіе содержать ее средствами земскаго сбора. Вообще, во многихъ предпріятіяхъ бессарабскаго земства замѣтна была та непродуманность, которой отличались всѣ бессарабцы. Сначала отрѣзали, а потомъ мѣрили, и, послѣ примѣрки, всегда оказывалось, что отрѣзано слишкомъ много. Но все же общій духъ современнаго мнѣ бессарабскаго земства былъ просвѣтительно-прогрессивный, и рядъ предсѣдателей губернской земской управы — предшественниковъ барона Стюарта—оставилъ въ земскомъ дѣлѣ хорошій слѣдъ. Таковъ былъ старикъ Котруца — типъ земскаго дѣятеля первыхъ временъ, и Кристи, отецъ бывшаго московскаго губернатора, нынѣ сенатора, Григорія Ивановича.

Уѣздныя земства — бендерское, сорокское, бѣлецкое, хотинское и оргѣвское — заслуживали полнаго одобренія по составу предсѣдателей управъ, и нѣкоторые изъ нихъ много поработали для развитія плодотворной дѣятельности мѣстныхъ общественныхъ учреждений. Мими, Алейниковъ, Шишко, Лисовскій не уронили бы никогда ни земскаго дѣла, ни „земской идеи“.

Несчастливымъ исключеніемъ въ губерніи было одно только аккерманское земство, совершенно испорченное семьей Пуришкевичей, пользовавшейся въ губерніи, и вполне заслуженно, плохой репутаціей, но имѣвшей вліяніе въ уѣздѣ, благодаря своему богатству и удивительной пронырливости и неразборчивости въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Родоначальникомъ этой семьи, составившимъ ей имя и состояние, былъ знаменитый въ свое время бывший священникъ кладбищенской церкви, впоследствии членъ кишиневской консисторіи, составившій себѣ среди бессарабскаго духовенства громкую репутацію, отецъ протоіерей Пуришкевичъ, выслужившій для своего сына, посредствомъ Владимірскаго креста, дворянское званіе. Пуришкевичъ-сынъ занималъ нѣкоторое время должность непремѣннаго члена бессарабскаго губернскаго присутствія, но, незадолго до моего пріѣзда, принужденъ былъ оставить службу. Пуришкевичъ-внукъ былъ одно время предсѣдателемъ аккерманской земской управы, въ чемъ можно было убѣдиться, созерцая портретъ его, повѣшенный въ залъ земскаго дома. Когда я, посѣтивъ Аккерманъ, спросилъ о заслугахъ, вызвавшихъ столь почетное отличіе этого земскаго дѣятеля, мнѣ отвѣтили, что одинъ изъ земскихъ служащихъ аккерманской управы, по какому-то случаю, побилъ предсѣдателя. Чтобы утѣшить Пуришкевичей и реабилитировать побитаго, земское собраніе постановило повѣсить его портретъ въ залѣ засѣданія.

Когда я служилъ въ Бессарабіи, молодой Пуришкевичъ былъ въ Петербургѣ и занималъ должность чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Теперь онъ извѣстенъ, какъ членъ русскаго собранія, составляющій одно изъ украшеній союза истинно-русскихъ людей. Всякій, кто зналъ исторію его семьи, могъ бы безошибочно предсказать, что онъ найдетъ въ этомъ союзѣ подходящее для Пуришкевичей поле дѣятельности.

Хотя бессарабское земство, въ мое время, носило въ общемъ либеральный отпечатокъ, но дѣятельность его была совершенно чужда противоправительственной агитации. Жандармскому управленію почти нечего было дѣлать въ земской средѣ, и даже среди служащихъ въ земствѣ по вольному найму, такъ называемые неблагонадежные элементы встрѣчались лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Всѣ управы и всѣ ихъ служащіе признавали губернаторскія права и принимали ихъ въ полномъ объемѣ, установленномъ новымъ земскимъ положеніемъ. Никакой натянутости въ служебныхъ отношеніяхъ, никакой оппозиціи губернатору они не допускали ни при Раабенѣ, ни при мнѣ. Тѣмъ не менѣе, при выборахъ 1906 г., послѣ роспуска Государственной Думы, всѣ почти „либеральные“ земцы были зачислены мѣстной администраціей въ списокъ нежелательныхъ, и затѣмъ забаллотированы, благодаря сплоченности Крупенскихъ и общему повороту землевладѣльцевъ въ сторону реакціи.

Началось въ Бессарабіи сокращеніе и даже уничтоженіе такихъ отраслей земскаго управленія, которыя явились результатомъ стремленій прогрессивныхъ земскихъ элементовъ и которыя уже начинали оказывать замѣтное вліяніе въ жизни мѣстнаго населенія. Отъ губернской управы было отнято порученіе объединить дѣятельность уѣздныхъ земствъ въ вопросахъ народнаго образованія; упразднены были санитарныя и агрономическія организаціи губернскаго земства, закрыто было и его оцѣночное отдѣленіе, собравшее цѣнный матеріалъ, которому нынѣ предстояло, въ не обработанномъ видѣ, загромождать земскій архивъ. Баронъ Стуртъ не выдержалъ зрѣлища ломки тѣхъ начинаній, къ которымъ онъ прилагалъ твой трудъ, и въ ноябрѣ 1906 года подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности предсѣдателя бессарабской губернской земской управы.

Личный составъ кишиневскаго суда въ 1903—1904 гг. не представлялъ никакихъ особенностей по сравненію съ прочими, знакомыми мнѣ, окружными судами Россіи. Предсѣдатель суда, Клоповъ, былъ очень милый, прекрасно ко мнѣ относившійся человѣкъ, и я очень жалѣлъ, когда его перевели въ Ригу незадолго до моего переѣзда въ Тверь.

Клоповъ отличался, между прочимъ, тѣмъ, что очень не любилъ евреевъ и, при всемъ своемъ судейскомъ безпристрастіи, сознавался, что ему трудно смотрѣть на еврейскія судебныя дѣла непредубѣжденными глазами. Его нелюбовь къ евреямъ въ полной мѣрѣ раздѣляли два товарища предсѣдателя и, по крайней мѣрѣ, три члена суда, такъ что кишиневская „сидячая магистратура“ была по преимуществу юдофобская. Меня очень интересовало такое отношеніе нашихъ судебныхъ дѣятелей къ евреямъ, и я не разъ старался выяснитъ его причины. Всѣ перечисленные мною судьи единогласно утверждали, что ни одно судебное дѣло, какъ уголовное, такъ и гражданское, не можетъ правильно вестись, если въ немъ замѣшаны еврейскіе интересы. Въ гражданскихъ дѣлахъ такого рода угнетали судей фиктивные сдѣлки и договоры, безденежные и дутые векселя и расписки, сокрытіе имущества и, въ особенности, скрытое за формальными документами, но явное въ убѣжденіи суда, ростовщичество евреевъ. Уголовныя дѣла, по словамъ судей, давали поводъ евреямъ наводнять судъ лжесвидѣтелями, противопоставляя ихъ другъ другу въ неограниченномъ количествѣ и совершенно заглушая каждый голосъ свидѣтеля христіанина десятками голосовъ свидѣтелей, присягнувшихъ іудейскому закону. Кое-что въ описанномъ родѣ я наблюдалъ и самъ какъ во время слушанія процесса о кишиневскомъ погромѣ, такъ и въ другихъ случаяхъ. Дѣйствительно, евреи обыкновенно хотятъ доказать больше, чѣмъ было, страшно волнуются,

горячатся и преувеличиваютъ свои, часто мало достовѣрныя, свидѣтельскія показанія. Но все же мнѣ казалось, что кишиневскій судъ, въ составѣ извѣстныхъ всѣмъ трехъ своихъ членовъ, напрасно вводилъ въ свои рѣшенія такую мотивировку: „хотя свидѣтели такіе-то и показали... но такъ какъ они евреи, то судъ не можетъ придать ихъ показаніямъ значенія, опровергающаго свидѣтеля противной стороны, Ивана Ивановича“. А такого рода примѣры въ практикѣ кишиневскаго суда иногда встрѣчались.

Съ осени 1903 г. началось грандіозное дѣло объ апрѣльскомъ погромѣ, подъ предсѣдательствомъ В. В. Давыдова, старшаго предсѣдателя одесской судебной палаты. Владимиръ Васильевичъ Давыдовъ, тамбовскій помѣщикъ, служилъ когда-то въ Москвѣ мировымъ судьей; у насъ съ нимъ были общіе родственники и знакомые. Мы обрадовались ему, какъ родному. Вскорѣ мнѣ удалось уговорить В. В. переѣхать въ губернаторскій домъ, гдѣ онъ и прожилъ вмѣстѣ съ нами, въ общей служности мѣсяца 2—3, пока, съ перерывами, тянулось погромное дѣло. Онъ внесъ въ нашъ домъ знакомый русскій дворянско-помѣщичій духъ, украшенный традиціями стараго судебного дѣателя и веселостью остроумнаго и живого собесѣдника. Я до сихъ поръ чувствую живѣйшую признательность къ Давыдову за проведенное имъ въ нашемъ домѣ время.

Къ процессу о погромѣ въ Петербургѣ готовились еще съ лѣта. Въ концѣ іюня въ Одессу и Кишиневъ пріѣзжалъ директоръ департамента министерства юстиціи, Чаплинъ, съ цѣлью опредѣлить, гдѣ и въ какомъ порядкѣ должно слушаться это громкое дѣло. Я, со смѣлостью новичка, заявилъ ему, что нѣтъ основанія опасаться безпорядковъ въ Кишиневѣ, и что поводовъ къ закрытію дверей суда для публики я въ данномъ случаѣ не усматриваю. Чаплинъ отнесся къ моимъ словамъ осторожно, что было съ его стороны вполне

основательно, такъ какъ я тогда только что вступилъ въ должность, но впослѣдствіи, когда я осмотрѣлся и написалъ въ Петербургъ, что порядокъ въ городѣ процессомъ нарушенъ не будетъ, рѣшено было слушать дѣло въ Кишиневѣ. При этомъ, однако, послѣдовало распоряженіе министра юстиціи закрыть двери суда для публики и печати, и совершенно напрасно, такъ какъ таинственность эта вызвала массу толковъ по Россіи, и толковъ весьма неблагоприятныхъ для нашего правительства, тогда какъ за границей отчетъ о засѣданіяхъ, передаваемый ежедневно адвокатами, черезъ посильныхъ евреевъ, въ Унгени, на румынскую почту, печатался подробно и послѣдовательно. Такимъ образомъ, и тайна не соблюдалась, и успокоенія не было достигнуто.

Замѣтивъ полную неосновательность распоряженія министерства юстиціи и горячо поддерживаемый въ этомъ отношеніи Давыдовымъ, я, въ январѣ 1904 г., при посѣщеніи министра юстиціи Муравьева, заявилъ ему о томъ, что, въ интересахъ водворенія спокойствія въ обществѣ и съ цѣлью прекращенія неблагоприятныхъ для правительства толковъ, было бы желательно открыть для публики двери суда и разрѣшить печатать въ газетахъ отчеты судебныхъ засѣданій. Муравьевъ вышелъ изъ себя и завопилъ, что онъ закрылъ засѣданія суда для публики изъ-за министра внутреннихъ дѣлъ и никакъ не ожидалъ, что губернаторъ будетъ оспаривать мнѣніе своего министра.

На мой отвѣтъ, что я ни къ одному изъ министерствъ не принадлежу, а высказываю мнѣніе свое, какъ мѣстный представитель правительственной власти и обще-правительственныхъ интересовъ, Муравьевъ, не безъ ехидства, замѣтилъ: „сочту своимъ долгомъ передать министру внутреннихъ дѣлъ ваше мнѣніе по поводу гласности процесса, и тѣмъ охотнѣе, что министерство юстиціи очень не желало, въ данномъ случаѣ, закрытыхъ дверей“.

Не знаю, какъ и о чемъ сносились по этому поводу министры, но погромное дѣло, продолжавшееся еще годъ, разсматривалось до конца при закрытыхъ дверяхъ.

Съ разрѣшенія Давыдова, я имѣлъ мѣсто въ судѣ, за креслами палаты. Въ случаѣ протеста по поводу моего присутствія, мы хотѣли сослаться на мое право, какъ почетнаго мирового судьи, присутствовать при засѣданіяхъ. Однажды, когда за судьями набралось довольно много постороннихъ лицъ, жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ, чиновъ прокурорскаго надзора и т. п., дѣйствительно послѣдовалъ протестъ со стороны адвокатовъ, поддерживавшихъ интересы потерпѣвшихъ евреевъ. Карабчевскій, Грузенбергъ, Кальмановичъ, Зарудный, Соколовъ, раздосадованные стѣсненіемъ гласности суда, заявили объ удаленіи всѣхъ постороннихъ лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами. Но вслѣдъ затѣмъ, кто-то изъ нихъ, кажется, Зарудный, отъ имени товарищей, заявилъ, что противъ присутствія губернатора, князя Урусова, они не протестуютъ. Юдофильство на этотъ разъ мнѣ пригodiлось.

Процессъ было интересно слушать только въ началѣ, когда допрашивали главныхъ свидѣтелей. Особенно интересенъ былъ допросъ Пронина, котораго гражданскіе истцы поворачивали по очереди на горячихъ угольяхъ, прилагая всѣ старанія для того, чтобы обратить его изъ свидѣтеля въ подсудимаго. Пронина уличали въ составленіи зажигательныхъ воззваній, въ распространеніи опасныхъ для евреевъ ложныхъ слуховъ. Удостоверились въ томъ, что ему принадлежали статьи въ „Знамени“, доказывавшія, что евреи сами учинили погромъ; старались узнать, кто ему эти статьи исправлялъ; заставили его признаться, что онъ ѣздилъ къ Іоанну Кронштадскому и заполучилъ отъ него известное „второе посланіе“ противъ евреевъ. Читали пронинскіе стихи, заставляли его давать отвѣты, дока-

завшіе невѣжество свидѣтеля, и выпускали его отдохнуть только послѣ появленія на его лицѣ признаковъ приближающейся апоплексіи.

На первыхъ полу-свидѣтелей полу-подсудимыхъ обращены были и холодный сарказмъ Карабчевскаго, и нервная запальчивость Заруднаго, и изящная логика Грузенберга, и безпощадные, какъ удары тяжкаго молота, выводы Кальмановича. Затѣмъ, когда первоначальный жаръ гражданскихъ истцовъ былъ растроченъ въ пустынѣ судебной залы, начались показанія свидѣтелей-евреевъ, послѣ которыхъ стало очевиднымъ, что для опредѣленія степени виновности сидѣвшихъ за рѣшеткой подсудимыхъ нужно было бы обладать даромъ ясновидѣнія. Свидѣтели, сидѣвшіе во время погрома въ подвалахъ, видѣли то, что происходило за двѣ улицы отъ нихъ, свидѣтели убійствъ показывали на разныхъ обвиняемыхъ, всѣ отвѣчали не на вопросы суда, а на собственныя мысли — словомъ началась какая-то свидѣтельская вакханалія, путавшая несчастныхъ судей и мало интересовавшая гражданскихъ истцовъ. Послѣдніе, съ самаго начала процесса, не прилагали никакихъ стараній къ уличенію подсудимыхъ, проводя настойчиво мысль, что главные виновники погрома, вдохновители его, — въ Петербургѣ, а организаторы — въ рядахъ только-что допрошенныхъ свидѣтелей. Убѣжденіе это привилось въ широкихъ кругахъ русскаго общества и принималось въ заграничной печати, какъ несомнѣнная истина.

Дѣйствительный поводъ кишиневскаго погрома остался невыясненнымъ до сихъ поръ. По тому волненію и жгучему интересу, которые были вызваны апрѣльскими беспорядками 1903 г. въ Россіи и заграницей и которые не были ослаблены послѣдующими избіеніями евреевъ, имѣвшими мѣсто послѣ октябрь-

скаго манифеста 1905 г. въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ, и затѣмъ, въ 1906 г., въ Гомелѣ, Бѣлостокѣ и Сѣдлецѣ, можно думать, что этотъ первый, послѣ долгаго перерыва, еврейскій погромъ не будетъ забытъ и займетъ когда-нибудь изслѣдователя русской исторіи первыхъ лѣтъ XX-го вѣка.

Я сознаю поэтому необходимость упомянуть здѣсь о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя остались въ моемъ умѣ по поводу возможной роли различнаго рода вліяній въ подготовкѣ тѣхъ беспорядковъ, которые въ пасхальные дни 1903 г. отняли у кишиневскихъ евреевъ 42 жизни и причинили имъ, по крайней мѣрѣ, миллионный убытокъ. Но при всемъ стараніи отдать себѣ ясный отчетъ по поводу упомянутаго происшествія и несмотря на желаніе изложить свои впечатлѣнія безпристрастно и подробно, я могу намѣтить только слабыя и мало опредѣленныя черты тѣхъ предшествовавшихъ погрому явленій, которыя имѣли мѣсто въ моемъ отсутствіи и которыхъ я не могъ всесторонне обслѣдовать.

Прежде всего я долженъ категорически заявить, что въ секретномъ дѣлѣ департамента полиціи, которое я внимательно изучилъ передъ пріѣздомъ въ Бессарабію, не было ни одного намека, дававшего поводъ предположить, что министерство внутреннихъ дѣлъ считало желательнымъ допустить не только избіеніе евреевъ, но даже какую бы то ни было анти-еврейскую демонстрацію, хотя бы въ формѣ безопасной для жизни и имущества жителей города. Иначе и быть не могло, такъ какъ во главѣ департамента стоялъ въ то время А. А. Лопухинъ, бывшій прокуроръ московскаго и петербургскаго судовъ и харьковской судебной палаты, приглашенный министромъ Плеве для упорядоченія полиціи по широкому плану, выработанному Лопухинымъ въ общихъ чертахъ и представленному имъ министру при своемъ вступленіи въ должность. Плеве любилъ указывать (въ тѣхъ случаяхъ, когда его обви-

няли въ реакціонерствѣ) на новаго директора департамента, съ цѣлью показать, что онъ ищетъ людей съ широкими взглядами и безупречнымъ именемъ. Дѣйствительно, Лопухинъ пользовался прекрасной репутаціей въ судебномъ вѣдомствѣ, и отъ него ждали многого. Онъ явился жертвою политики министра, постоянно откладывавшаго созидательную работу, и былъ затянутъ поневолѣ въ кругъ дѣятельности Плеве, впервые примѣнившего формулу: „сначала успокоеніе, а потомъ реформы“. Тѣмъ не менѣе, вліяніе Лопухина не разъ смягчало и вводило въ законныя рамки желѣзную волю и диктаторскія замашки министра, который, считая директора департамента либераломъ, все же продолжалъ его уважать и нерѣдко ему уступалъ. Близость моя къ Лопухину, основанная на родственныхъ и тѣсно дружескихъ отношеніяхъ, даетъ мнѣ возможность утверждать, что подозрѣніе относительно участія, въ описываемое мною время, подчиненнаго ему департамента въ устройствѣ погромовъ — совершенно недопустимо.

Съ большимъ сомнѣніемъ я отношусь и къ извѣстію о письмѣ, будто бы написанномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ бессарабскому губернатору и оглашенномъ въ англійскихъ газетахъ. Въ письмѣ этомъ, въ осторожныхъ, но прозрачныхъ намекахъ рекомендовалось губернатору снисходительное отношеніе къ активной борьбѣ христіанскаго населенія съ его врагами и притѣснителями — евреями. Я только одинъ разъ, и то очень давно, прочелъ это апокрифическое письмо и потому передаю его содержаніе неувѣренно и, во всякомъ случаѣ, только приблизительно. Но въ поддѣльности его я глубоко убѣжденъ. Плеве не былъ способенъ на столь неосторожный поступокъ и ни въ какомъ случаѣ не рискнулъ бы оставить доказательства своихъ провокаторскихъ плановъ въ рукахъ губернатора, котораго онъ почти не зналъ и которому мало довѣ-

рялъ, даже если бы онъ хотѣлъ встать на путь погромной политики, а такое рѣшеніе съ его стороны представляется мнѣ въ высшей степени сомнительнымъ. Но, оставляя въ сторонѣ это послѣднее соображеніе, являющееся результатомъ моего личнаго взгляда, необходимо принять во вниманіе, что Раабенъ не былъ подходящимъ повѣреннымъ для такого рода проектовъ. Онъ былъ человекомъ очень приличнымъ, ничего не искалъ, начальству не подслуживался и, кромѣ того, относился къ евреямъ съ большой терпимостью. Онъ самъ, лишившись мѣста, пострадалъ отъ погрома, долго не могъ поступить обратно на службу, несмотря на благосклонное отношеніе къ нему Государя, и получилъ возможность отчасти себя реабилитировать лишь послѣ смерти Плеве. Такъ не поступаютъ съ довѣренными исполнителями щекотливыхъ порученій.

Не былъ ли въ такомъ случаѣ погромъ неожиданной и неудержимой вспышкой давно накопившейся злобы, оплатой за давнія обиды, проявленіемъ стихійной силы народа, расправой угнетаемой евреями толпы надъ своимъ исконнымъ врагомъ? Столь же рѣшительно отвѣчаю, что такое объясненіе кишиневскаго погрома односторонне, неправильно и совершенно искусственно.

Нельзя отрицать, что въ губерніяхъ, включенныхъ въ черту еврейской оскѣдлости, объектомъ грабежей и насилій скорѣе всего могутъ оказаться евреи. Главной причиной въ этомъ отношеніи являются спеціальныя законы, способствующіе развитію взгляда на евреевъ, какъ на безправныхъ гражданъ и какъ на опасный для государства элементъ. Можно, пожалуй, допустить, что нѣкоторыя расовыя особенности и религіозная исключительность противопоставляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ еврейство прочимъ народностямъ, причемъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что значеніе обособленности еврейскаго племени обыкновенно преувеличивается его

врагами. Существуют и жалобы на еврейскую эксплуатацию, хотя онѣ раздаются гораздо чаще изъ рядовъ людей, наблюдающихъ эту эксплуатацию, нежели изъ рядовъ эксплуатируемаго населенія. Но всѣ перечисленные причины еще не достаточны для возникновенія погрома; нуженъ ближайшій поводъ для взрыва страстей толпы, а такого повода, который послужилъ бы началомъ кишиневскаго погрома, открыть не удалось, и всѣ свѣдѣнія, распространявшіяся когда-то о ссорѣ, происшедшей между евреями и православными на Чуфлинской площади, оказались ложными. Съ другой стороны, въ Кишиневѣ въ 1903 года имѣли мѣсто другого рода явленія, сопутствовавшія погрому, о которыхъ нельзя не упомянуть.

Большое значеніе, въ смыслѣ подготовки погромнаго настроенія, сыграла въ то время періодическая печать, преимущественно мѣстная крушевцовская газета и присылаемые для распространенія въ Кишиневѣ петербургскія изданія однороднаго направленія. Номера этихъ газетъ были наполнены обвиненіями противъ евреевъ, а также сообщеніями фактовъ и разсужденій, разжигающихъ страсти. Авторитетъ Крушевцова въ глазахъ его читателей до извѣстной степени поддерживался явнымъ покровительствомъ, оказываемымъ ему въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, результатомъ чего было безсиліе мѣстной администраціи умѣрить его юдофобскій пылъ. Преслѣдованія противъ него управленіемъ возбуждались вяло, а къ жалобамъ его на мѣстную цензуру тамъ прислушивались охотно, и мнѣ самому пришлось услышать отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, сенатора Звѣрева, мнѣніе, что направленіе и дѣятельность Крушевцова имѣютъ здоровую основу, и что прекращеніе его изданія, съ правительственной точки зрѣнія, нежелательно.

Затѣмъ мѣстный обыватель не могъ не замѣтить отраженія благосклонныхъ правительственныхъ взгля-

довъ на поведеніи и программѣ тѣхъ лицъ, которыя облекали свою дѣятельность, хотя бы совершенно частную, въ патріотическія формы, стараясь вездѣ проявлять свой „русскій“ духъ. Уродливыя проявленія этого духа, создаваемаго въ послѣдствіи знаменитыя организации „истинно-русскихъ людей“, общеизвѣстны, а принадлежность къ составу этихъ патріотовъ многихъ лицъ съ темнымъ прошлымъ, съ незавидной репутаціей и съ испачканной совѣстью — замѣчены, вѣроятно, большинствомъ непредубѣжденныхъ людей. Ненависть къ евреямъ — одинъ изъ главныхъ членовъ ихъ символа вѣры. Таковъ былъ въ Кишиневѣ Пронинъ съ компаніей, и эти люди открыто заявляли себя опорой русскаго правительства и пионерами русскіхъ интересовъ въ инородческой странѣ. Что такого рода люди пользовались извѣстнымъ покровительствомъ правительства, видѣвшимъ въ нихъ также „здоровую основу“, патріотическій оплотъ самодержавія и русской народности, — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Нельзя было сомнѣваться и въ томъ, что въ этой компаніи можно было встрѣтить сколько угодно экземпляровъ, готовыхъ и побить, и пограбить евреевъ во имя православной церкви, въ защиту православнаго народа и во славу самодержавнаго русскаго Царя. Связь этихъ „русскихъ людей“ съ полиціей, въ особенности тайной, существовала уже въ то время, которое я описываю.

Полиція въ Кишиневѣ, какъ, вѣроятно, и въ другихъ городахъ, съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ, чувствовала духъ, идущій изъ центра и пріобрѣтавшій на мѣстѣ реальныя формы, а потому считала, что недоброжелательное отношеніе къ евреямъ является своего рода правительственнымъ лозунгомъ, что притѣсненіе евреевъ можно производить не „за страхъ“, только, но и за „совѣтъ“. Наряду съ этимъ выросло, окрѣпло и широко распространилось въ темныхъ массахъ убѣжденіе о безнаказанности враждебныхъ дѣй-

ствий, направленных противъ евреевъ. Дошло до того, что въ народѣ появилась легенда о разрѣшенномъ Царемъ трехдневномъ еврейскомъ погромѣ, и въ Кишиневѣ, рано утромъ, на третій день безпорядковъ, у Скулянской рогатки, была остановлена полицейскимъ приставомъ толпа крестьянъ, пришедшихъ издалека, съ дѣловымъ видомъ и полнымъ сознаниемъ исполняемаго долга, „бить жидовъ по царскому приказу“.

Я отмѣчаю очень настойчиво эту характерную черту кишиневского погрома. Преобладавшимъ мотивомъ въ дѣйствіяхъ погромщиковъ были не ненависть, не месть, а выполнение такихъ дѣйствій, которыя, по мнѣнію однихъ, содѣйствовали цѣлямъ и видамъ правительства, по мнѣнію другихъ—были даже разрѣшены и, наконецъ, по объясненію мудрости народной — являлись выполнениемъ царскаго приказа.

Такимъ образомъ, нельзя, по моему мнѣнію, снять съ центрального правительства нравственной отвѣтственности за происшедшіе въ Кишиневѣ избіенія и грабежи. Я считаю наше правительство виновнымъ въ покровительствѣ, оказываемомъ имъ узко-націоналистической идеѣ; въ недальновидной и грубой по приѣмамъ политикѣ его по отношенію къ окраинамъ и инородцамъ; въ томъ, что эта политика поддерживала и возбуждала среди отдѣльныхъ народностей взаимное недовѣріе и ненависть и въ томъ, наконецъ, что власть, потакая боевому лжепатріотизму, косвенно поощряла тѣ дикія его проявленія, которыя, какъ доказалъ извѣстный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого, изданный въ восьмидесятыхъ годахъ, моментально исчезаютъ, какъ только правительство открыто заявить, что погромъ на почвѣ національной розни есть преступленіе, за допущеніе котораго отвѣтитъ мѣстная администрація. Обвиненіе въ попустительствѣ правительства погромамъ я считаю, такимъ образомъ, доказаннымъ.

Но можно ли, по крайней мѣрѣ, считать русское правительство вполне свободнымъ отъ подозрѣнія въ непосредственномъ участіи въ погромныхъ дѣйствіяхъ, черезъ своихъ агентовъ, хотя бы тайныхъ, и можно ли утверждать, что непосредственный поводъ погрома былъ естественный и случайный, а не былъ выполненъ „по приказу“?

Пока я служилъ въ Кишиневѣ, и еще долгое время спустя, я не допускалъ мысли о томъ, чтобы въ правящихъ кругахъ погромная политика имѣла дѣятельныхъ приверженцевъ и тайныхъ вдохновителей. Событія 1905—1906 гг., ревизія Савича въ Гомелѣ, сенатора Турау въ Кіевѣ, дѣятельность союза русскихъ людей и высокое покровительство, ему оказываемое, отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ на запросъ Государственной Думы по поводу тайной типографіи, рапортъ Макарова о погромной дѣятельности жандармскихъ офицеровъ Коммисарова и Будаговскаго и т. п.,— все это содѣйствовало измѣненію моего первоначальнаго мнѣнія, и то непонятное и недосказанное въ кишиневскомъ погромѣ, что прежде вызывало во мнѣ недоумѣніе, я сталъ относить къ дѣйствію нѣкоторыхъ тайныхъ пружинъ, управляемыхъ высоко стоящими лицами.

Возможно, что начальникъ кишиневского охраннаго отдѣленія Левендаль, которому стоустая молва приписывала непосредственное устройство апрѣльскаго погрома, игралъ двойную роль: подготовивъ погромъ одной рукой, онъ другой написалъ въ департаментъ полиціи тотъ рапортъ, предупреждающій о возможности безпорядковъ, который я видѣлъ въ дѣлѣ департамента.

Такое предположеніе тѣмъ допустимѣе, что Левендаль былъ жандармскій офицеръ, подчиненный, съ одной стороны, департаменту полиціи, а съ другой, — командующему отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, должность котораго исполнялъ въ то время извѣстный

генераль Валь, бывший с.-петербургскій градоначальникъ, пользовавшійся незавидной репутаціей, способный на все, чтобы выслужиться, и ненавидящій евреевъ, отъ которыхъ онъ пострадалъ въ Вильнѣ, когда былъ тамъ губернаторомъ.

Левендаль также не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія. Подозрительны и любопытны для данного вопроса были въ немъ двѣ черты: во-первыхъ, близость къ Пронину и, во-вторыхъ, начеть казенныхъ денегъ, который былъ произведенъ на него по оставленіи имъ должности и въ которомъ онъ не смогъ оправдаться. Тѣмъ не менѣе, его карьера не пострадала, онъ получилъ хорошее мѣсто въ управленіи кievскаго генераль-губернатора Клейгельса, принадлежащаго къ тому же типу придворныхъ военно-полицейскихъ сановниковъ, какъ и генераль Валь, и такъ же, какъ и послѣдній, бывшего ранѣе градоначальникомъ въ Петербургѣ.

Возможно, наконецъ, искать опору и вдохновение погромной политики въ сферахъ еще болѣе высокихъ. Записки Крапоткина (стр. 399) даютъ въ этомъ отношеніи опредѣленное и весьма вѣроятное объясненіе.

Я не хотѣлъ бы выдавать своихъ предположеній за несомнѣнный фактъ. Я указалъ лишь на тотъ путь, которымъ юдофобство министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, высказываемое имъ, можетъ быть, только какъ убѣжденіе, могло перейти у его товарища Валя, подчинявшагося еще иному, внѣ-министерскому руководству, въ намекъ на желательность произвести опытъ примѣненія погромной политики, и какъ потомъ этотъ намекъ, скатываясь по іерархическимъ ступенямъ жандармскаго корпуса, дошелъ до Левендаля въ видѣ желанія высшаго начальства, до Пронина и Крушевана — въ видѣ призыва къ патріотическому подвигу и до молдаванина-погромщика — въ видѣ царскаго приказа.

Судебное дѣло о погромѣ продолжалось очень долго, и я не дослужилъ въ Кишиневѣ до его окончанія. Насколько я помню, количество оправданныхъ подсудимыхъ приблизительно совпадало съ количествомъ обвиненныхъ. Мѣры наказанія были примѣнены, за рѣдкимъ исключеніемъ, довольно мягкія. Гражданскіе иски потерпѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ, остались неудовлетворенными по невозможности доказать размѣра убытковъ, причиненныхъ тѣмъ или другимъ обвиняемымъ.

Однако, судебное разбирательство значительно успокоило еврейское населеніе губерніи, давъ ему извѣстнаго рода нравственное удовлетвореніе. Нареканій на судъ со стороны евреевъ не было слышно.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ характеристикѣ кишиневскаго прокурорскаго надзора, я хочу упомянуть, что съ кишиневскими судебными дѣятелями я жилъ и разстался прекрасно. Отношенія наши не омрачились ни разу, если не считать одного забавнаго случая, который я приведу, какъ веселое воспоминаніе о выказанномъ мною невольнo не уваженіи къ судебному вѣдомству.

У меня часто обѣдали запросто два-три гостя, причемъ обѣдъ былъ всегда очень простой, на что никто не бывалъ въ претензіи. Но однажды я задумалъ дать болѣе парадный обѣдъ для пріѣзжихъ членовъ палаты и для мѣстнаго суда. Желая избѣжать обычныхъ, всѣмъ давно надоѣвшихъ, блюдъ — осетрины и индѣйки, безъ которыхъ ни одинъ торжественный обѣдъ въ Кишиневѣ не обходился, я воспользовался полученнымъ изъ Тамбова, рѣдкимъ по качеству, окорокомъ ветчины и включилъ его въ число семи блюдъ предполагаемаго обѣда, къ большому удовольствію Давыдова, уроженца той же губерніи, въ которой „живутъ потомки Курдюковой и производятъ поросятъ“.*)

*) Стих. Шумахера.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно и, казалось, во всѣхъ отношеніяхъ удачно. На другой день, въ совѣщательной комнатѣ суда шелъ разговоръ о вчерашнемъ губернаторскомъ приѣмѣ, причемъ одинъ изъ мѣстныхъ членовъ суда заявилъ, что губернаторъ, подавъ окорокъ ветчины, выразилъ этимъ презрѣніе къ судебному вѣдомству. Давыдовъ изумился и сталъ доказывать, что окорокъ былъ превосходный. „Конечно, превосходный“, возразилъ критикъ, — „я три куска съѣлъ, но все-таки нельзя за параднымъ обѣдомъ свинину подавать.“

Строгий охранитель достоинства суда остался одинъ при своемъ мнѣніи, остальные подняли его на смѣхъ, а Давыдовъ въ тотъ же день разсказалъ мнѣ это происшествіе.

Составъ прокурорскаго надзора въ Бессарабіи былъ очень приличный. Во главѣ его стоялъ прокуроръ суда В. Н. Горемыкинъ, по образованію лицеистъ, племянникъ И. Л. Горемыкина, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи премьера, во времена первой Государственной Думы. Съ В. Н. Горемыкинымъ я сошелся очень близко, и мы дѣйствовали съ нимъ всегда дружно, часто сходясь для переговоровъ по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ губернаторъ и прокуроръ имѣютъ какое-либо соприкосновеніе. Не знаю, обмѣнялись ли мы съ нимъ за время совмѣстной службы тремя бумагами, но зато рѣдко проходили три дня безъ того, чтобы мы не обсуждали вдвоемъ какого-нибудь служебнаго вопроса, нерѣдко даже мало касавшагося прокурорскаго надзора. Горемыкинъ раньше моего узналъ Бессарабію, имѣлъ постоянныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ уѣздахъ, отъ своихъ товарищей и судебныхъ слѣдователей, и давалъ мнѣ этимъ путемъ возможность дѣлать провѣрку полицейскихъ донесеній и слѣдить до нѣкоторой степени за поведеніемъ подчиненныхъ мнѣ уѣздныхъ чиновъ.

Неблагодарно поступаютъ тѣ губернаторы, которые, по какой-то странной административной модѣ, становятся принципиально въ отдаленно-холодныхъ отношеніяхъ съ судомъ. Среди представителей различныхъ вѣдомствъ, разсѣянныхъ по уѣздамъ губерніи, самыми просвѣщенными, порядочными и близкими къ жизни обыкновенно являются судьи, товарищи прокуроровъ и слѣдователи; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря періодическому передвиженію по службѣ, они не заростають уѣздной плѣсенью и не погружаются съ головой въ тину мелкихъ интересовъ, обращающихъ нерѣдко умныхъ и талантливыхъ людей въ курьезные уѣздные типы. Поэтому я всегда старался установить съ уѣздными дѣятелями судебного вѣдомства довѣрительно-дѣловые отношенія, любилъ, когда они заѣзжали ко мнѣ при посѣщеніи губернскаго города, и всегда внимательно относился къ ихъ мнѣніямъ и къ тому освѣщенію, которое они давали интересовавшимъ меня событіямъ уѣздной жизни.

Я имѣлъ въ мѣстномъ прокурорѣ очень цѣннаго совѣтника по всѣмъ вопросамъ, касавшимся евреевъ, благодаря тому, что онъ относился къ нимъ совершенно объективно, безъ страха и предубѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно понималъ тактическую ошибочность проявленія открытаго юдофильства. Онъ, собственно говоря, и не былъ юдофиломъ, а просто былъ умнымъ и образованнымъ человекомъ, лишеннымъ чувства ненависти и нетерпимости по отношенію ко всѣмъ не русскимъ народностямъ. Но, какъ извѣстно, у насъ эти именно свойства и создаютъ репутацію юдофиловъ. В. Н. Горемыкинъ не избѣжалъ непріятныхъ послѣдствій своего безпристрастнаго и строго законнаго отношенія къ евреямъ, и я имѣлъ не разъ удовольствіе встрѣчать его имя, вмѣстѣ со своимъ, на страницахъ специальныхъ русскихъ изданій, помѣщавшихъ насъ въ рядахъ „жидовскихъ батекъ“ и „шаббесгоевъ“.

Предварительное слѣдствіе по дѣлу о погромѣ и составленный Горемыкинымъ обвинительный актъ имѣли послѣдствіемъ рядъ обвиненій и жалобъ на пристрастіе прокурора къ евреямъ. Не только специальная патріотическая пресса мелкаго разбора, но и „Новое Время“ выражали негодованіе по поводу того, что по погромному дѣлу не привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго ни одинъ еврей. Горемыкину по этому поводу пришлось даже писать по начальству объясненіе, которое, конечно, составить было не трудно. Дѣйствительно, во время погрома, было убито 42 еврея и разграблено исключительно еврейское имущество. Со стороны христіанъ погибъ отъ шальной пули, неизвѣстно кѣмъ пущенной, только одинъ мальчикъ. Самооборона евреевъ выразилась, какъ было выяснено слѣдствіемъ, только въ томъ, что они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собирались толпой и вооружались палками, не причинившими никому вреда и не помѣшавшими успѣху дѣйствій погромщиковъ. Ни одной жалобы на насиліе со стороны евреевъ ни въ полицію, ни къ прокурору не поступало, и все же нашъ прокуроръ не остался свободнымъ отъ упрека въ пристрастномъ и одностороннемъ веденіи предварительнаго слѣдствія.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Бессарабіи Горемыкинъ сталъ тяготиться несправедливымъ отношеніемъ къ нему мѣстной администраціи, постоянными, хотя и неудачными, придирками и жалобами по поводу его дѣйствій и, впослѣдствіи, перешелъ въ Тифлисъ на должность товарища прокурора судебной палаты.

VII.

Съ бессарабскимъ духовенствомъ я имѣлъ мало соприкосновенія. Епископъ Іаковъ, стоявшій въ 1903 г. во главѣ кишиневской епархіи, уроженецъ калужской губерніи, былъ заурядный чиновникъ духовнаго вѣдомства, не имѣвшій, какъ мнѣ казалось, свойствъ, необходимыхъ пастырю душъ и проповѣднику евангельскаго ученія. Трудно было найти интересную тему для собесѣдованія съ нимъ, и наши разговоры, при взаимныхъ визитахъ, шли обыкновенно очень туго. Вспоминаю только два-три предмета, постоянно занимавшіе умъ преосвященнаго; это были, во-первыхъ, жалобы на жаркій климатъ Бессарабіи и на обиходъ мѣстныхъ православныхъ монастырей, дозволявшій монахамъ питаться по греческому уставу, т.е. вкушать мясную пищу. Въ результатѣ монастырскій столъ, при посѣщеніи владыки-архіерея, уставлялся жареными поросятами, индѣйками и гусями, что безконечно угнетало православную душу строгаго постника, не видѣвшаго на родинѣ подобнаго извращенія монастырской жизни. Затѣмъ, почему-то владыку всегда занималъ одинъ финансовый вопросъ, за разрѣшеніемъ котораго онъ неоднократно ко мнѣ обращался. Онъ недоумѣвалъ по поводу установленнаго закономъ порядка выдачи ежемесячнаго жалованья всѣмъ состоящимъ на государственной службѣ лицамъ, по двадцатымъ числамъ cadaго мѣсяца. „Какъ же такъ“, спрашивалъ Іаковъ, „а если чиновникъ до перваго числа уйдетъ со службы, или, положимъ, умретъ, какъ тутъ быть казнѣ? Съ кого она получитъ излишне выданныя деньги? Боль-

шая путаница въ счетахъ отъ этого и явный убытокъ. Думаю, что въ другихъ странахъ такъ не дѣлается“.

Болѣе сложныя отношенія возникли у меня съ архіепископомъ Нерсесомъ, главой армянскаго духовенства, по поводу измышленія Плеве, рѣшившаго отобрать всѣ имущества и капиталы армяно-грегоріанской церкви и подчинить ихъ казенному управленію. Послѣдовавшее по означенному поводу Высочайшее повелѣніе пришлось приводить въ исполненіе губернаторамъ, что представляло большія трудности, такъ какъ армянскій католикосъ запретилъ епархіальнымъ начальникамъ подчиняться требованіямъ гражданскихъ властей относительно сдачи имущества и денегъ. Съ другой стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ торопило губернаторовъ и прислало подробную инструкцію о порядкѣ приѣма и сдачи, заканчивавшуюся предложеніемъ исполнить Высочайшее повелѣніе во что бы то ни стало, не останавливаясь передъ крайними мѣрами. Министерство рекомендовало, между прочимъ, выбрать для приѣма армянскихъ имуществъ и капиталовъ такихъ лицъ, изъ состава мѣстныхъ служащихъ, которыя были бы совершенно не причастны къ армянскому населенію, по родственнымъ и другимъ связямъ.

Порученіе было нелегкое и непріятное. Однако, пришлось приступить къ его выполненію, для чего я, тщательно ощупавъ почву и обдумавъ предварительно планъ дѣйствій, нашелъ необходимымъ прибѣгнуть къ средству, уже испытанному и почти всегда вѣрному, — а именно, не только не принимать во вниманіе инструкцій министерства, но поступить какъ разъ обратно. Я пригласилъ къ себѣ армянина, женатаго на армянкѣ и пользовавшагося большимъ вліяніемъ среди мѣстнаго духовенства, А., занимавшаго видную должность среди мѣстной администраціи, и просилъ его быть моимъ посредникомъ, принявъ, отъ имени русскаго правительства, всѣ церковныя имущества, подлежащія сдачѣ.

Для полученія его согласія потребовалось только отнестись къ вопросу объ исполненіи Высочайшаго повелѣнія съ практической точки зрѣнія, не настаивая на справедливости и законности этой мѣры и обнаруживъ заботу не только объ исполненіи служебнаго долга, но и по поводу тѣхъ непріятныхъ для армянскаго духовенства послѣдствій, которыя явились бы печальнымъ для нихъ и для меня результатомъ упорнаго и дѣйствительнаго сопротивленія. Выраженія доброй воли, открытаго подчиненія я и не требовалъ, но настаивалъ лишь на томъ, чтобы армянское духовенство дало мнѣ возможность, противъ его воли, отобрать все, что было нужно.

Комедія, которую мы затѣмъ разыграли, началась съ того, что я, черезъ нѣсколько дней, отправился къ архіепископу Нерсесу и выразилъ удивленіе по поводу того, что онъ не ѣдетъ въ Одессу для совѣщанія съ врачами относительно какой-то застарѣлой его болѣзни. Ушелъ я отъ него лишь тогда, когда онъ опредѣлилъ день своего отъѣзда, причемъ о монастырскихъ имуществвахъ мы не упоминали.

Послѣ отъѣзда архіепископа, А—ъ, вмѣстѣ съ чиновникомъ моей канцеляріи, началъ обходить армянскія церковныя установленія, гдѣ случайно всегда заставалъ казначея у открытой кассы. На предъявленное требованіе сдать кассу и документы, казначей отвѣчалъ отказомъ и отходилъ въ сторону. Тогда мои уполномоченные брали денежную книгу, въ которой только-что подведенъ былъ итогъ, находили лежавшія въ порядкѣ, пересчитанныя, цѣнные бумаги и деньги, и тутъ же, въ кассѣ, усматривали купчія, закладныя и прочіе интересовавшіе ихъ документы.

Въ книгѣ дѣлалась надпись объ отобраніи всѣхъ поименованныхъ цѣнностей по Высочайшему повелѣнію, а казначей добавлялъ свой письменный протестъ по поводу учиненнаго насилія и тѣмъ самымъ удостовѣ-

рялъ правильность цифръ и счетъ описанныхъ документовъ. Затѣмъ противники прощались и возвращались по домамъ.

Такъ осуществилась въ Кишиневѣ мѣра, вызвавшая во многихъ мѣстахъ серьезные конфликты между свѣтскими и духовными властями. Придуманная Плеве, въ цѣляхъ борьбы съ революционными армянскими организациями, экспроприация церковныхъ имуществъ вызвала столь сильное брожение среди армянъ и оказалась такъ неудачна, что, вскорѣ послѣ смерти министра, упомянутое Высочайшее повелѣніе было отмѣнено и всѣ имущества возвращены по принадлежности.

Съ Нерсесомъ мы остались пріятелями, но такъ, вполнѣдствіи, ни разу въ разговорѣ и не упомянули о томъ насиліи, которое я проявилъ по отношенію ко ввѣренному ему имуществу армянскаго духовенства.

Кромѣ имуществъ армяно-грегоріанской церкви, въ Бессарабіи находятся обширныя владѣнія, принадлежащія заграничнымъ монастырямъ, „преклоненнымъ гробу Господню“. Они состоятъ въ земляхъ и цѣлыхъ имѣніяхъ, завѣщанныхъ монастырямъ когда-то, въ отдаленныя времена, молдавскими князьями и магнатами, на поминъ души и на благотворительно-просвѣтительныя дѣла. Земли эти, въ количествѣ, если не ошибаюсь, 200,000 десятинъ, были изъяты изъ управленія иностранныхъ монаховъ русскимъ правительствомъ, которое учредило, по вѣдомству министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, особое бессарабское управленіе имѣніями заграничныхъ духовныхъ установлений. Двѣ части доходовъ съ этихъ имѣній передавались по назначенію, за границу, двѣ предназначались на выполнение воли завѣщателя въ мѣстахъ нахождения имѣній, т.-е. въ Бессарабіи, служа источникомъ, изъ котораго мѣстныя земскія учрежденія получали пособія для постройки школъ и больницъ, а одна пятая часть шла на расходы по управленію, централь-

ному и мѣстному. Благодаря быстрому росту арендныхъ цѣнъ на землю и сравнительному порядку въ эксплуатаціи имѣній, упомянутое правительственное мѣропріятіе дало въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удачныя результаты: заграничные монастыри стали получать, отъ своихъ двухъ пятыхъ частей, больше дохода, нежели ранѣе получали отъ цѣлаго; мѣстное земство нашло неистощимый запасъ для субсидій, на расширеніе своей дѣятельности, а въ министерствѣ образовался, изъ остатковъ его пятой части, ежегодно растущій фондъ.

Хотя переходъ монастырскихъ имѣній въ казенное завѣдываніе и повлекъ за собой значительное увеличеніе доходности земли, тѣмъ не менѣе, въ частностяхъ постановка управленія на мѣстѣ далеко не была совершенной. Около упомянутыхъ 200,000 десятинъ постоянно возникали какія-то аферы довольно подозрительнаго свойства; многочисленный штатъ мѣстныхъ служащихъ постоянно измѣнялся, и всѣ эти ревизоры, агрономы, контролеры, дѣлопроизводители, надзиратели, лѣсничіе не пользовались въ Бессарабіи хорошей славой. Начальниковъ управленія, въ мое время, переѣздили, за 1½ года, три раза, а одного изъ нихъ даже совѣмъ уволили отъ службы, послѣ ревизіи тайнаго совѣтника Писарева, обнаружившаго не мало странностей и подозрительныхъ особенностей въ пріемахъ управленія монастырскими имѣніями. Не будучи во всѣхъ подробностяхъ знакомъ съ этимъ дѣломъ, я ограничусь указаніемъ на два, хорошо извѣстные мнѣ, факта. Первый относится къ веденію лѣснаго хозяйства и заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ Кишиневѣ цѣна дровъ стояла нѣсколько выше 30 рублей за кубическую сажень, родные и знакомые служащихъ въ управленіи лицъ получали такія же дрова по 18 рублей за сажень. Второй извѣстный мнѣ случай гораздо серьезнѣе: на него мнѣ указалъ Писаревъ, а я провѣрилъ правильность его замѣчаній документально.

Монастырскія земли сдавались въ аренду съ торговъ, по довольно строгимъ кондиціямъ, и цѣны на нихъ въ послѣднее время были подняты, соперничавшими на торгахъ сосѣдними крестьянами, до 16—22 рублей за десятину въ годъ. Кондиціи предоставляли управленію право, въ случаѣ несвоевременнаго взноса платежей, отбирать у арендаторовъ имѣніе и сдавать его другому лицу, причемъ первые арендаторы оставались отвѣтственными за сохраненіе первоначальной арендной цѣны и были обязаны уплачивать управленію, въ случаѣ болѣе дешевой сдачи, всю разницу, вплоть до окончанія срока аренды.

Ревизоръ нашелъ рядъ дѣлъ, въ которыхъ со стороны управленія обнаружено было явное попустительство неаккуратнымъ платежамъ арендаторовъ: имъ не дѣлалось напоминаній, повѣстокъ о наступленіи льготнаго срока имъ не посылалось. Былъ даже одинъ случай отказа въ приѣмѣ денегъ подъ предлогомъ праздничнаго дня. Льготный срокъ для взноса срочнаго платежа проходилъ, и тогда чины управленія проявляли кипучую дѣятельность. Въ теченіе двухъ трехъ дней заключался новый контрактъ, безъ торговъ, съ какимъ-нибудь аферистомъ, получавшимъ при этомъ значительную уступку въ цѣнѣ. Разница въ платежѣ ежегодно довыскивалась съ первоначальныхъ арендаторовъ, крестьянъ, которые, однако, нуждаясь въ землѣ, продолжали, сверхъ того, уплачивать и всю первоначальную арендную сумму, но только не управленію, а новому арендатору. Благодаря такому остроумному изобрѣтенію и владѣлецъ ничего не терялъ, и управляющіе были сыты.

Интересно было бы прослѣдить судьбу тѣхъ капиталовъ, которые сосредоточились въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ видѣ остатковъ отъ расходовъ по управленію монастырскими имѣніями. Если они не подверглись утечкѣ въ видѣ посо-

бій чинамъ центрального управленія, то это большая заслуга со стороны министра земледѣлія. Ручаюсь, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сумѣли бы расписать эти капиталы, какъ слѣдуетъ.

Разъ уже зашла рѣчь объ учрежденіяхъ министерства земледѣлія, слѣдуетъ упомянуть о бессарабскомъ училищѣ винодѣлія, находившемся въ трехъ верстахъ отъ Кишинева, прекрасно оборудованномъ и стоившемъ казнѣ большихъ денегъ. При немъ, кромѣ директора, состояли: законоучитель и настоятель училищной церкви, преподаватели: химіи, естественной исторіи, физики, почвовѣдѣнія, плодоводства и ученія о машинахъ; кромѣ того, въ училищѣ служили: винодѣль, виноградарь, два лаборанта — опытной станціи и химической лабораторіи, бухгалтеръ, письмоводитель, врачъ и фельдшеръ, а также значительный персоналъ низшихъ служащихъ. Не было только въ этомъ училищѣ учениковъ, по крайней мѣрѣ — я ихъ не видѣлъ. Но если даже допустить, что въ данномъ случаѣ я нѣсколько отступаю отъ истины и основаться на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ директоромъ, во время посѣщенія мною училища, то окажется, что число учениковъ къ числу служащихъ относилось въ то время, какъ 8 къ 30-ти. Любопытно, что министръ земледѣлія Ермоловъ меня же обвинилъ въ неудовлетворительной постановкѣ министерскаго училища, когда я сообщилъ ему свое впечатлѣніе о полной бесполезности этого заведенія: „Вы сами въ этомъ виноваты“, сказалъ онъ, — „не допуская приѣма евреевъ въ училищѣ; пусть только разрѣшаютъ евреямъ учиться винодѣлію и училище немедленно наполнится“. Послѣдующее знакомство мое съ питомникомъ и плодовымъ садомъ еврейскаго колонизаціоннаго общества, о которомъ я расскажу своевременно, вполне подтвердило правильность заключенія Ермолова.

Бессарабское винодѣліе, дававшее населенію губерніи ежегодно около 12 милліоновъ ведеръ вина,

страдало не столько отъ неудовлетворительной постановки спеціального образованія и недостатка среди виноградарей и винодѣловъ знаній и опыта, не столько даже отъ распространенія филлоксеры, съ которой энергично и довольно успѣшно боролось мѣстное земство, сколько отъ дѣятельности акцизнаго вѣдомства, успѣвашаго уже, благодаря особымъ узаконеніямъ, убить мелкое табаководство въ губерніи и занимавшееся съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, подрывомъ мелкаго винограднаго хозяйства въ Бессарабіи.

Управленіе мѣстными акцизными сборами, конечно, по обязанности службы, стремилось увеличить въ Бессарабіи число мѣстъ продажи и потребленія казенной водки и, такимъ образомъ, являлось конкурентомъ производителей винограднаго вина. Замѣняя, при помощи усиленнаго сбыта монополю, легкое и веселое возбужденіе, доставляемое винограднымъ сокомъ, тяжелыми и мрачными галлюцинаціями, вызываемыми нашей водкой, акцизники усматривали неблагопріятныя для себя условія въ дешевизнѣ вина, которое, въ качествѣ сельскохозяйственнаго продукта, не только было свободно отъ акциза, но и продавалось владѣльцами садовъ безъ выборки торговыхъ документовъ. На эту-то послѣднюю привиллегію садовладѣльцевъ и обращены были всѣ усилія акцизнаго вѣдомства, а благодаря знакомымъ намъ особенностямъ Бессарабіи борьба съ садовладѣльцами велась подъ юдофобскимъ флагомъ. Интересъ фиска, столкнувшись съ интересомъ мѣстныхъ винодѣловъ, встрѣтилъ на своемъ пути еврея, и дальнѣйшее направленіе дѣятельности акцизныхъ чиновниковъ получило, благодаря этому, видъ борьбы съ тѣмъ зломъ, которое обычно называютъ еврейской изворотливостью.

Владѣльцы виноградниковъ могутъ свободно и безпошлинно продавать вино изъ своихъ собственныхъ садовъ, и, въ такомъ случаѣ, помѣщенія, гдѣ продажа

вина производится, не облагаются никакими сборами. Нашлись евреи, и даже въ большомъ количествѣ, обзаводившіеся десятками-двумя виноградныхъ лозъ, которыя они сажали на нѣсколькихъ квадратныхъ саженьхъ земли, въ городахъ и мѣстечкахъ, или же въ тѣхъ немногочисленныхъ имѣніяхъ, которыя были приобрѣтены евреями еще по старому закону, становясь, такимъ образомъ, владѣльцами виноградниковъ. Снабдивъ себя удостовѣреніемъ какой-нибудь управы о принадлежности имъ виноградника, они затѣмъ преспокойно торговали виномъ изъ своихъ квартиръ. Хотя это вино покупалось ими на базарѣ, но мѣтки на вино не положишь, и потому выходило такъ, что виноградная лоза въ Бессарабіи давала евреямъ больше вина, чѣмъ нѣкогда въ землѣ обѣтованной, гдѣ виноградную кисть, по библейскому преданію, съ трудомъ несли два человѣка. Какъ ни старалось акцизное вѣдомство прекратить столь явное нарушеніе цѣли и смысла благопріятнаго для винодѣловъ закона, но запретить евреямъ продажу вина оно не могло: дѣло было устроено чисто и по формѣ. Тогда взялись за него съ другого конца. Было предпринято обширное изслѣдованіе съ цѣлью доказать необходимость ограничительнаго толкованія садовладѣльческихъ правъ. Были собраны факты и цифры, доказывающіе, что законодатель, въ своемъ попечительствѣ о нуждахъ сельскаго хозяйства, жестоко обмануть, и что льготный законъ способствовалъ лишь развитію еврейской эксплуатаціи. Вооружившись обширнымъ матеріаломъ, акцизное вѣдомство возбудило и довело до сената одно, незначительное само по себѣ, но принципиально важное, дѣло о торговлѣ виномъ изъ собственнаго сада и добилось отъ сената разъясненія, что „хотя садовладѣльцы могутъ безпошлинно торговать виномъ изъ своихъ помѣщеній, но для этого необходимо, чтобы помѣщенія эти находились при ихъ виноградныхъ садахъ“.

Въ рукахъ акцизнаго вѣдомства появилось давно желанное оружіе. Свободная торговля виномъ по всей Бессарабіи была бы фактически прекращена, если бы новое сенатское разъясненіе получило повсюду примѣненіе. Но лѣкарство оказалось опаснѣе самой болѣзни, и губернское начальство вступило по этому поводу въ борьбу съ управленіемъ акцизными сборами, имѣя на то очень вѣскія основанія.

Смыслъ внесеннаго сенатомъ новшества понять не трудно. По условіямъ хозяйства, подъ виноградные сады отводятся обыкновенно мѣста, неудобныя для земледѣлія: пригорки, скаты, освѣщенные солнцемъ, каменистыя земли и т. п. Они разбросаны по всему земельному участку владѣльца, жилое помѣщеніе котораго очень рѣдко соприкасается съ виноградникомъ, настолько рѣдко, что въ моемъ контръ-представленіи министру финансовъ я насчиталъ такихъ помѣщеній всего 70 на тысячу владѣній. Отсюда ясно, что сенатъ, направивъ свое рѣшеніе противъ еврейскихъ хитростей, на самомъ дѣлѣ, конечно безсознательно, отмѣнилъ дѣйствіе важнаго для благосостоянія края закона. Всего интереснѣе въ данномъ случаѣ то, что новая практика акцизнаго вѣдомства всего менѣе коснулась именно евреевъ, натыкавшихъ свои виноградныя лозы большею частью около своихъ жилищъ, и, наоборотъ, застала врасплохъ настоящихъ садовладѣльцевъ, которымъ предстояло отнынѣ или строить около cadaго клочка виноградника жилое помѣщеніе, или уничтожить виноградники, заведя новые вокругъ своихъ жилищъ.

Это послѣднее обстоятельство придало мнѣ бодрости, и я, не опасаясь упрековъ въ покровительствѣ евреямъ, писалъ и телеграфировалъ министру финансовъ и даже включилъ жалобу на разореніе края въ свой всеподданнѣйшій отчетъ. Въ результатѣ послѣдовала сначала отсрочка, а затѣмъ и отмѣна запрещенія, грозившаго окончательнымъ торжествомъ водки надъ виномъ.

Свои замѣтки о тѣхъ особенностяхъ дѣятельности различныхъ учреждений Бессарабіи, которыя показались мнѣ достойными упоминанія, я закончу описаніемъ одного благотворительнаго установленія, въ которомъ я, по должности губернатора, занималъ пресѣдательское мѣсто. Кстати, я отдохну отъ постоянного участія евреевъ въ моихъ описаніяхъ. Дѣтскій пріютъ, о которомъ я хочу рассказать, не имѣлъ съ евреями никакого соприкосновенія.

Кишиневскій пріютъ для дѣвочекъ-сиротъ помѣщался въ собственномъ, красивомъ и просторномъ домѣ. Въ немъ воспитывалось семьдесятъ дѣвочекъ разнаго возраста подъ попечительнымъ управленіемъ совѣта, въ которомъ, кромѣ меня, засѣдали главныя должностныя лица губернскаго города. Совѣтъ собирался рѣдко, и всѣ обязанности его исполнялись директоромъ пріюта Х., который называлъ пріютъ своимъ созданіемъ и дѣтищемъ и въ теченіе цѣлаго года втиралъ мнѣ очки своимъ суетливымъ хвастовствомъ и увѣреніями, что „пока Петръ Петровичъ у дѣла, начальство можетъ спокойно спать“. Я уже собирался, осенью 1904 года, отправить въ Петербургъ составленное Х. обширное представленіе, въ которомъ плодотворная дѣятельность Петра Петровича описывалась въ самыхъ радужныхъ краскахъ и настойчиво испрашивался для него чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, когда жена моя, завѣдывавшая подобнымъ пріютомъ въ Москвѣ, обратила мое вниманіе на то, что содержаніе каждой пансіонерки въ Кишиневѣ стоитъ болѣе 300 рублей въ годъ, при готовомъ помѣщеніи, и что дѣвочки эти, по окончаніи курса, оказываются ни къ чему непригодными. Въ Москвѣ, при такихъ же условіяхъ, ежегодное содержаніе пансіонерки стоило 140 рублей, и результаты получались лучшіе.

Среди нашихъ близкихъ знакомыхъ я встрѣтилъ совершенно опредѣленное общее убѣжденіе относи-

тельно того, что въ пріютѣ дѣло ведется далеко не безукоризненно, что расходы его можно было свободно сократить тысячъ на пять въ годъ, а также, изъ различныхъ справокъ, убѣдился въ правильности мнѣнія относительно непригодности получаемого воспитанниками образованія.

Пришлось поневолѣ вникнуть въ дѣло и заняться ревизіей пріютскихъ книгъ. Просидѣвъ дня два въ пріютѣ, во время отсутствія Х., я обнаружилъ, что служащіе въ пріютѣ получаютъ не то жалованье, въ которомъ расписываются, а значительно меньшее, а, главное, что пожертвованія, собираемыя съ мѣстныхъ торговцевъ-благотворителей, не записываются никогда въ книги. Мука, уголь, дрова, матеріи, бѣлье и обувь, за которые неоднократно выражались мною жертвователямъ благодарности, отсутствовали въ совершенно чистой книгѣ пожертвованій, но аккуратно перечислялись въ книгѣ покупокъ, хотя не сразу, но постепенно, по мѣрѣ необходимости въ удовлетвореніи пріюта поименованными предметами. Словомъ, если, по приблизительному подсчету, цифра 5000 рублей, ассигнованная на потери и прочеты общественнымъ мнѣніемъ, и оказывалась преувеличенной, то, во всякомъ случаѣ, въ наличности безпорядка сомнѣваться было невозможно.

Мнѣ было очень непріятно поднимать это дѣло, такъ какъ Х.—и занимали въ Бессарабіи прекрасное общественное положеніе. Послѣ Крупенскихъ это была самая многочисленная семья: предстояли ссоры, обиды, и, какъ мнѣ казалось, нельзя было въ данномъ случаѣ миновать обращенія къ суду. Однако, я рѣшилъ собрать совѣтъ и доложить ему результаты моего изслѣдованія. Въ это время я уже готовился покинуть Кишиневъ, и мнѣ очень не хотѣлось заваривать всю эту кашу, но поступить иначе я не считалъ себя въ правѣ.

Собравшемуся въ полномъ составѣ совѣту я выяснилъ свое мнѣніе о допущенныхъ въ пріютѣ не порядкахъ.

Не называя и не обвиняя никого, я привелъ только вышеупомянутые факты и просилъ совѣтъ назначить подробную ревизію пріютскихъ дѣлъ. Директоръ краснѣлъ, горячился, заявилъ о своемъ выходѣ въ отставку и старался объяснить замѣченные упущенія отчасти недосмотромъ, отчасти несовершенствомъ счетоводства, благодаря которому пожертвованія не показывались будто бы ни въ приходѣ, ни въ расходѣ, а являлись дополненіемъ къ проведеннымъ по книгамъ затратамъ на содержаніе пріюта. Это объясненіе было совершенно невѣроятно и никого не убѣдило, хотя внѣшнее приличіе по отношенію къ директору было соблюдено.

Окончательное сужденіе о докладѣ было отложено назначена была ревизія дѣлъ и счетовъ, а свой докладъ я собственноручно записалъ для приложенія къ протоколу засѣданія.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ этого событія, я прочелъ въ Твери, въ отдѣлѣ газеты „о дѣйствіяхъ правительства“, сообщеніе о Высочайшемъ пожалованіи директора пріюта, Х., чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника „за выдающіяся отличія“.

VIII.

Генераль Каульбарсъ, замѣнившій покойнаго графа Мусина-Пушкина въ командованіи войсками Одесскаго округа, однажды, обѣдая у меня, разсказалъ, что 27 лѣтъ тому назадъ онъ былъ также приглашенъ обѣдать къ губернатору Шебеко и уже подѣхалъ къ губернаторскому дому и даже видѣлъ, черезъ освѣщенные окна, какъ гости садятся за столъ, но попалъ на обѣдъ лишь съ большимъ опозданіемъ. Пролетка гостя завязла въ грязи, передъ самымъ губернаторскимъ домомъ, а Каульбарсъ, какъ щеголеватый столичный офицеръ, не рѣшился слѣзть съ пролетки и погрузить въ невылазную грязь свои кавалерійскіе сапоги и рейтузы. Ему пришлось дожидаться проѣзда мажары съ двумя волами, которые и доставили гостя къ губернаторскому подъѣзду.

Съ тѣхъ поръ Кишиневъ сталъ неузнаваемъ. Александровская улица, на которой стоитъ домъ, гдѣ когда-то останавливался во время войны съ Турціей Александръ II и въ которомъ генераль Каульбарсъ такъ неудачно пообѣдалъ, изъ окраинной стала центральной. Къ юго-западу отъ нея выросъ за 25 лѣтъ новый городокъ, съ красивыми постройками и прямыми улицами, обсаженными тополями и бѣлой акаціей. Домъ дворянскаго пансіона, пріютъ княгини Вяземской, зданіе второй женской гимназіи, земскій музей, новое зданіе губернскаго правленія, реальное училище, первая мужская гимназія — не испортили бы вида и на улицахъ столицы. Широкіе тротуары содержались въ порядкѣ, а середина улицы была замощена каменными плитками.

На главномъ Александровскомъ проспектѣ тротуары были настолько широки, что конка шла не по улицѣ а по краю полосы, отведенной для пѣшеходнаго движенія.

Двѣ театральныя залы, одна въ Пушкинской аудиторіи, другая при Благородномъ собраніи, давали возможность имѣть въ Кишиневѣ не только постоянную драматическую труппу, но и предоставлять помѣщеніе одесскимъ и прочимъ гастролерамъ, никогда не обходившимъ насъ при своихъ поѣздкахъ по юго-западу Россіи.

Итакъ, 140,000 жителей, шесть казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній и столько же частныхъ, два театра, нѣсколько клубовъ, обширный городской садъ съ двумя ресторанами и отдѣльнымъ участкомъ, въ которомъ помѣщалась открытая сцена для такъ называемаго „шантана“, — все это показывало, что Кишиневъ — городъ не изъ послѣднихъ, а, сравнительно съ патриархально-скромнымъ Тамбовомъ, онъ представлялся мнѣ еще болѣе значительнымъ. Одинъ только недостатокъ мѣшалъ Кишиневу пріобрѣсти вполнѣ красивый видъ и примирить съ лѣтнимъ пребываніемъ въ городѣ тѣхъ, кто обязанъ поневолѣ переносить городскую жару и пыль, не имѣя возможности воспользоваться въ лѣтнее время чистымъ воздухомъ и прохладой морского берега или горнаго лѣса. Это слабое мѣсто Кишинева — недостатокъ воды, которой въ рѣкѣ Быкъ, какъ я уже упоминалъ, вовсе не имѣется и которой изъ ключей, питающихъ городской водопроводъ, получается примѣрно 150,000 ведеръ въ день, т. е. немногимъ болѣе одного ведра на каждого жителя города, — на питье, на мытье и на случай пожарнаго бѣдствія.

Я лично не страдалъ отъ жары, которую переношу легко, и часто лѣтомъ хаживалъ пѣшкомъ, около двухъ часовъ дня, въ присутственныя мѣста, по пустыннымъ улицамъ города, мимо домовъ съ прикрытыми ставнями,

сквозь которая любопытствующія обывательницы Кишинева съ удивленіемъ смотрѣли на смѣлаго и дѣятельнаго губернатора, не боящагося солнечнаго удара и занимающагося въ то время, когда полуодѣтыя кишиневскія дамы, сидя у оконъ, кушали дульчецы и запивали ихъ холодной водой. Однако, извѣстнаго рода привязанность къ мѣсту, гдѣ приходится жить и работать, и то губернаторское свойство, которое заставляетъ начальниковъ губерніи считать, что имъ до всего есть дѣло, не разъ обращали мои мысли къ вопросу о снабженіи Кишинева водой.

Когда я сидѣлъ на загородномъ кладбищѣ, близъ усыпальницы семьи Катаржи, откуда открывался чудесный видъ на окутанный золотой пылью городъ, или ходилъ въ другое; любимое мною, мѣсто для прогулокъ, въ Дубинскій скверъ, изъ котораго видны были отдаленныя очертанія Карпатскихъ отроговъ, я часто мечталъ на маниловскій манеръ, о томъ, какъ хорошо было бы провести въ Кишиневъ воду изъ Днѣстра, за 18 верстъ, какъ преобразился бы въ такомъ случаѣ городъ и какъ пріятно было бы имѣть большія средства, чтобы пожертвовать городскому управленію, на память о моемъ губернаторствѣ, необходимые для днѣстровскаго водопровода два милліона рублей. Однако, „за неимѣніемъ свободныхъ остатковъ въ потребномъ размѣрѣ“, я принужденъ былъ выказать свою заботу о городскомъ водоснабженіи болѣе скромнымъ образомъ, уничтоживъ обычай, согласно которому мѣстная пожарная команда производила въ жаркіе дни свои упражненія передъ моимъ помѣщеніемъ. Обыкновенно лѣтомъ, по распоряженію полиціймейстера, пожарные выстраивались передъ губернаторскимъ домомъ и обильно поливали изъ трубъ его крышу, стѣны, цвѣтники и садъ, послѣ чего, дѣйствительно, наступала прохлада, и воздухъ вокругъ дома становился чистъ и ароматенъ. Однако, прекращеніе такой расточитель-

ности по отношенію къ запасу городской воды произвело въ городѣ настолько хорошее впечатлѣніе, что о потерянномъ comfortѣ жалѣть не приходилось.

Кишиневское общество представляло особенности, которая меня сначала нѣсколько удивляла. Съ тѣми изъ нихъ, которые выражались въ особомъ отношеніи къ губернатору, я неустанно воевалъ и, къ концу своего пребыванія въ Бессарабіи, значительно содѣйствовалъ усвоенію кишиневскимъ обществомъ той простой мысли, что губернаторъ, внѣ особаго круга его служебныхъ отношеній, можетъ являться въ видѣ простаго смертнаго. По понятіямъ многихъ, я долженъ былъ слѣдовать въ городѣ не иначе, какъ въ экипажѣ, въ сопровожденіи конныхъ стражниковъ, имѣя впереди полиціймейстера; пѣшкомъ ходить мнѣ не полагалось, заходить въ магазины что-нибудь купить являлось съ моей стороны тяжкимъ нарушеніемъ этикета. На штатскій костюмъ, который я часто носилъ, кишиневцы, привыкшіе къ ряду военныхъ губернаторовъ, смотрѣли сначала съ удивленіемъ. Оуждали и мою жену за то, что она, не зная мѣстныхъ обычаевъ, бывала въ магазинахъ, выбирала тамъ товары и уплачивала за нихъ деньги. Оказалось, что дама, уважающая себя, могла только подѣхать къ магазину въ экипажѣ, куда прикащики должны были выносить ей образцы товаровъ. Выбравъ все необходимое, покупательница не могла даже взять съ собой своихъ покупокъ, которыя присылались ей на домъ. Кажется, хорошій тонъ требовалъ, чтобы деньги за товаръ не уплачивались немедленно по его доставкѣ, и, во всякомъ случаѣ, считалось гораздо приличнѣе не платить по забору, нежели спѣшить съ уплатой.

Принято было въ Кишиневѣ встрѣчать губернаторскую чету у себя дома не иначе, какъ съ особыми церемоніями.

До Раабена бессарабскимъ губернаторомъ долгое

время былъ генераль Константинъ, небогатый человекъ съ простыми вкусами и привычками. Познакомившись съ семьей одного богатаго мѣстнаго помѣщика, живущей въ Кишиневѣ, Константиновичи, по русской привычкѣ, отправились какъ-то вечеромъ посидѣть у новыхъ знакомыхъ, поговорить и выпить чашку чаю. Удивленный лакей ввелъ ихъ въ гостинную, затѣмъ слышалась бѣготня по корридорамъ, захлопали двери, зашуршали платья. Наконецъ, появились обрадованные, изумленные и разряженные хозяева дома, съ сыновьями, одѣтыми во фраки; еще черезъ часъ стали съѣзжаться спѣшно вызванные гости, а къ тому времени, когда аккуратный Константинъ сталъ прощаться, намѣреваясь отойти ко сну, загремѣла посуда, и многочисленные клубные лакеи принялись накрывать заказанный въ клубномъ буфетѣ парадный ужинъ.

Какъ пріятно было бы пообѣдать съ веселыми, жизнерадостными бессарабцами на товарищескихъ началахъ, и какъ тяжелы такіе обѣды, когда присутствуешь на нихъ въ качествѣ губернатора! Не говоря уже о томъ, что губернаторскій желудокъ представляется почему-то въ глазахъ большинства „сшитымъ изъ семи овчинъ“, какъ у попа русской пословицы, приходится за такими обѣдами сидѣть одному, на почетномъ концѣ стола. Видя передъ собой прекрасное вино, надо помнить, что между рюмкой и глоткомъ ея содержаго долженъ быть помѣщенъ отвѣтный тостъ на цвѣтистое привѣтствіе хозяина. И, наконецъ, не надо забывать, что также придется принимать гостей и у себя, если не желаешь прослыть скупымъ или нелюбезнымъ.

Я всѣми способами старался внести въ бессарабскую пышность немного калужской простоты. Избѣгая, по возможности, обильныхъ угощеній и стараясь показать, что общество для меня интереснѣе ѣды, я налегаль лишь на бессарабскія вина, дѣйствительно превосходныя, если ихъ пить на мѣстѣ, и категорически

заявлялъ, что никакихъ иностранныхъ винъ я не пью, считая ихъ ниже мѣстныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Самолюбіе уроженцевъ виноградной полосы было польщено признаніемъ высокихъ качествъ ихъ родного продукта и мнѣ удалось почти совсѣмъ вывести изъ употребленія иностранныя вина на тѣхъ обѣдахъ, гдѣ я былъ главнымъ гостемъ. Когда, въ торжественныхъ случаяхъ, подавалось шампанское, я все-таки наливалъ въ свой бокалъ бессарабское вино и въ этомъ случаѣ не грѣшилъ притворствомъ, такъ какъ шампанскаго я не переносилъ.

Но оказываемое мною мѣстному вину предпочтеніе привело къ совершенно неожиданнымъ послѣдствіямъ. Стоило мнѣ похвалить чье-нибудь мѣстное вино, какъ на другой день ко мнѣ являлся посланный, завѣдующій подваломъ, и, отъ имени польщеннаго хозяина, передавалъ ассортиментъ бутылокъ разныхъ сортовъ винъ, нерѣдко почтеннаго возраста, съ любезной запиской, приглашавшей меня попробовать образчики бессарабскаго винодѣлія. Отказаться было невозможно, отдавать любезныхъ знакомыхъ я не могъ, и потому рѣшилъ, что всего лучше не проявлять по отношенію къ такого рода подаркамъ отъ добраго сердца излишней щепетильности. У меня былъ купленъ собственный запасъ тщательно выбраннаго изъ лучшихъ владѣльческихъ погребовъ вина, которыя помѣщались въ прекрасномъ подвалѣ, съ ходомъ изъ столовой. Я самъ сортировалъ эти вина, велъ имъ каталогъ, и скоро у меня образовался очень порядочный любительскій винный погребъ, изъ котораго мы брали не менѣе 8 бутылокъ для ежедневнаго употребленія.

Въ продажѣ совсѣмъ нѣтъ хорошихъ бессарабскихъ винъ. Происходитъ это отъ того, что помѣщики-садовладѣльцы продаютъ обыкновенно весь свой урожай сырымъ, черезъ два мѣсяца послѣ сбора винограда, а оставленные для себя бочки хранить, разлива-

ють и никогда не пускають въ продажу. Такія хозйскія вина можно купить только по знакомству, и то съ большимъ трудомъ, такъ какъ бессарабцы считаютъ какъ будто неприличнымъ продавать оставленные для себя запасы вина и стараются непременно раздарить все, чего не могутъ выпить сами.

Общій характеръ кишиневскаго общества всего замѣтнѣе отражался на жизни перваго мѣстнаго клуба — Благороднаго собранія, которое не походило на обычные провинціальныя клубы знакомыхъ мнѣ городовъ. Клубъ этотъ былъ всегда полонъ, завсегдатаи его собирались около карточныхъ столовъ уже съ двухъ часовъ дня, расходясь зимой не ранѣе 3—4 часовъ ночи, а лѣтомъ сидѣли и до 6—7 часовъ утра. О степени процвѣтанія этого учрежденія можно судить по тому обстоятельству, что на ремонтъ одной только клубной кухни было при мнѣ ассигновано собраніемъ 36,000 руб., а десяти-процентное отчисленіе съ карточного дохода, установленное во время войны въ пользу Краснаго Креста, достигало тысячи рублей въ мѣсяцъ. Играли въ Кишиневѣ очень бойко, и въ такія игры, которыя заставляли меня осторожно пользоваться моимъ званіемъ почетнаго члена. Я посѣщалъ клубъ очень рѣдко, чтобы не являться въ роли явнаго попустителя азартной игры, борьбу съ которой я предоставилъ всецѣло полиціймейстеру.

Бессарабцы замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что они любятъ жить не на доходы, а на весь капиталъ. Таковы они и въ карточной игрѣ. Выиграть или проиграть въ теченіе сезона сумму, равную всему состоянію, — для нихъ ничего не значить. Въ мое время, одинъ изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, Б., человѣкъ вовсе не особенно богатый, выигралъ въ кишиневскомъ клубѣ, въ теченіе двухъ недѣль, 60,000 рублей, а затѣмъ постепенно проигралъ всю эту сумму въ теченіе 2 мѣсяцевъ. Многіе проигрывались на-чисто и исчезали

на время съ общественнаго горизонта. Были среди членовъ клуба и профессионалы, — чтобы не сказать больше: одинъ изъ нихъ снималъ перчатки съ рукъ только во время игры, для того, какъ мнѣ объяснили, чтобы сохранить чувствительность на концахъ пальцевъ во время метанія картъ. Не могу не упомянуть о томъ, что кишиневское общество обладало большой, даже излишней, терпимостью по отношенію ко многимъ своимъ сочленамъ. Лица, дурная репутація которыхъ была общепризнанной, принимались всюду и пользовались полнѣйшимъ общественнымъ равноправіемъ.

Экспансивная натура южанъ-бессарабцевъ выражалась, между прочимъ, въ частой переменѣ отношеній между знакомыми и друзьями. Много разъ я ставилъ невольно въ неловкое положеніе людей, считавшихся между собою пріятелями. Посадишь ихъ рядомъ за столомъ, а они, оказывается, уже недѣлю, какъ перестали другъ съ другомъ разговаривать. Только успѣешь запомнить, что тѣ или другія лица поссорились между собою, какъ они опять оказываются пріятелями. Объявленіе войны и заключеніе мира слѣдовали одно за другимъ такъ быстро, что я положительно не успѣвалъ слѣдить за переменой настроеній и принужденъ былъ, передъ приглашеніемъ гостей, какъ мужчинъ, такъ и дамъ, наводить справки у всевѣдущихъ лицъ о состояніи, такъ сказать, общественнаго барометра. Обиды и ссоры, къ счастью, оказывались пустыми, и серьезныхъ послѣдствій въ теченіе большей части года онѣ не имѣли. Но былъ такой періодъ, во время лѣтней жары, доходившей иногда до 46° Р. на солнцѣ, когда ничтожныя причины вызывали серьезныя послѣдствія. Общая нервность усиливалась въ это время до чрезвычайности и принимала у разныхъ лицъ различныя формы. Вице-губернаторъ Блокъ однажды лѣтомъ настолько потерялъ самообладаніе, что хотѣлъ подавать прошеніе объ отставкѣ: ему показалось, что онъ не способенъ

работать, что все идетъ у него плохо, что вездѣ царствуютъ взятки и злоупотребленія, что мы съ нимъ напрасно трудимся. Онъ какъ будто предчувствовалъ катастрофу, общее крушеніе всего честнаго, хорошаго и полезнаго, не спалъ по ночамъ и истерически плакалъ. Другіе, вмѣсто апатіи, испытывали раздражительность и теряли самообладаніе; такъ, одинъ околоточный надзиратель, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1903 года, въ отвѣтъ на простое замѣчаніе начальника, ударилъ его по лицу и попалъ подъ судъ. За столиками ресторана, въ городскомъ саду, бросали другъ въ друга бутылками, а иногда бывали и болѣе серьезныя послѣдствія. Однажды, во время жары, застрѣлился на скамейкѣ городского сада мѣстный нотариусъ, а одна молодая особа, обѣдавшая съ двумя кавалерами, ранила одного изъ нихъ выстрѣломъ изъ револьвера, вынутаго ею изъ кармана своего сосѣда.

Всѣ описанные случаи сосредоточились на періодѣ исключительной лѣтней жары. Когда она прошла, все вошло въ норму, и только одна смерть и два судебныхъ дѣла напоминали о власти, проявленной силами природы надъ человѣческимъ духомъ.

IX.

Пора, однако, оставить Кишиневъ и удѣлить мѣсто впечатлѣніямъ, вынесеннымъ мной изъ поѣздокъ по губерніи. Первая изъ этихъ поѣздокъ очень мнѣ памятна. Она была предпринята мной неожиданно, по неволѣ, и въ сопровожденіи роты солдатъ.

Въ самомъ началѣ іюля 1903 года, недѣли черезъ двѣ послѣ вступленія моего въ должность бессарабскаго губернатора, я получилъ телеграмму бѣлецкаго исправника, извѣщавшаго о томъ, что въ селеніи Корнештахъ, Бѣлецкаго уѣзда, населеніе взбунтовалось и не только оказало сопротивленіе властямъ при описи имущества за долгъ частному владѣльцу Анушу, но силой отбило все, что было описано наканунѣ. При этомъ, какъ заявлялъ исправникъ, судебный приставъ получилъ ударъ по затылку, а онъ, исправникъ, и прочіе полицейскіе чины, съ трудомъ и опасностью, обнаживъ оружіе, отступили въ общественную избу, гдѣ находятся какъ бы въ осадномъ положеніи. Телеграмма оканчивалась просьбой о высылкѣ войскъ. Такія же телеграммы получили начальникъ жандармскаго управленія и прокуроръ суда.

Раздумывать было некогда, я рѣшилъ ѣхать лично на мѣсто происшествія, и такъ какъ дѣло представлялось серьезнымъ, то взялъ съ собою роту солдатъ съ двумя офицерами.

Не зная того дѣла, результатомъ котораго явилась

опись имущества корнештскихъ резешей *), не зная молдаванскаго языка, на которомъ они только и говорили, и впервые, за время своей службы, обратившись къ содѣйствию войска, я чувствовалъ себя не совсѣмъ покойно и боялся надѣлать ошибокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознание отвѣтственности и нѣкоторой опасности, сопряженной съ предстоящей задачей привести къ повиновению закону около 400 человекъ, очевидно раздраженныхъ и потерявшихъ самообладание, вызывало тотъ подъемъ духа, который всегда ощущается при наступлении опасной минуты. Я рѣшился дѣйствовать открыто, выставляя себя впередъ, а войска держать въ запасѣ, прибѣгнувъ къ нимъ только въ случаѣ проявленія со стороны резешей насильственныхъ дѣйствій.

Выѣхавъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и полковникомъ ЧарнолуССкимъ съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги, я пріѣхалъ, часа черезъ два, на станцію Корнешты, гдѣ меня встрѣтили мѣстный земскій начальникъ съ исправникомъ.

Резеши, по ихъ словамъ, были настроены враждебно и условились между собой не уступать начальству ни подѣ какимъ видомъ.

Разстояніе отъ станціи до села было версты двѣ. Когда солдаты, выстроившись колонной, съ примкнувшими штыками, двинулись по дорогѣ въ село, съ окрестныхъ пригорковъ, среди полной тишины, раздались женскіе крики и плачъ дѣтей. Оказалось, что женщины и дѣти слѣдили издалика за приходомъ поѣзда. Вскорѣ мы увидѣли ихъ, бѣжавшихъ въ беспорядкѣ по направленію къ своимъ домамъ. Первое впечатлѣніе отъ экспедиціи получилось довольно тяжелое.

*) Резеши — поселяне-собственники, нѣчто въ родѣ однодворцевъ, въ противоположность царанамъ, водвореннымъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и получившимъ надѣлъ по уставной грамотѣ, какъ наши владѣльческіе крестьяне.

Какъ только рота вошла въ село, я расположилъ ее въ нѣсколькихъ сараяхъ, составлявшихъ отдѣльное гнѣздо, предложилъ офицерамъ позаботиться о приготовленіи солдатскаго обѣда и, выдалъ фельдфебелю чай и сахаръ, взятые мной изъ Кишинева для улучшения солдатскаго пайка. Ни одного поселянина мы еще не видѣли: жизнь въ той части села, которую мы заняли, казалось, вымерла.

Оставивъ роту на мѣстѣ, я пошелъ, вмѣстѣ съ сопровождавшими меня лицами, по кривымъ улицамъ Корнештъ, къ центру селенія, гдѣ помѣщалась такъ называемая „Каза ди обща“ — изба, отведенная для пріѣзда должностныхъ лицъ. Недалеко отъ этой казы, примѣрно на разстояніи сотни шаговъ, стояла, молча и безъ движенія, мрачная толпа — все четырехсотенное мужское населеніе деревни.

Не приступая къ переговорамъ съ народомъ, я расположился на виду у всѣхъ, у входа въ наше помѣщеніе, и приступилъ къ изученію дѣла, къ счастью, оказавшагося у повѣреннаго Ануша въ копяхъ главнѣйшихъ бумагъ.

Выяснилось, что резеши, по постановленію суда, вошедшему въ силу лѣтъ шесть тому назадъ, были обязаны уплатить Анушу 20,000 рублей за отошедшій къ нимъ лѣсъ. Владѣлецъ сначала простилъ отвѣтчикамъ судебныя издержки и проценты за все прошедшее время, а затѣмъ вошелъ съ ними въ новое соглашеніе, по которому онъ отказался отъ половины присужденной суммы съ тѣмъ, чтобы 10,000 рублей были уплачены ему немедленно. Не получивъ отъ должниковъ ни копѣйки, онъ приступилъ къ взысканію, обративъ его на землю резешей, которая и была пріобрѣтена на торгахъ какимъ-то аферистомъ, въ количествѣ 1,000 десятинъ изъ общаго числа 1,300 десятинъ, составлявшихъ все владѣніе отвѣтчиковъ.

Резеши увидѣли, что лишаются почти всего состо-

янія, и обжаловали торговое производство въ палату, которая отмѣнила торги. Въ свою очередь покупщикъ обжаловалъ сенату рѣшеніе палаты, а повѣренный владѣльца, не дождавшись окончанія процесса и получивъ изъ дѣла исполнительный листъ, сталъ продавать движимость должниковъ черезъ судебного пристава.

Резеши, взволнованные затянувшимся процессомъ по поводу проданной земли и неувѣренные въ томъ, что сенатъ оставить въ силѣ рѣшеніе палаты, сочли дѣйствія пристава неправильными, признавъ ихъ за вторичное взысканіе той же суммы. Какъ это часто бываетъ, взрывъ послѣдовалъ не по поводу главнаго обстоятельства — продажи ихъ земли за безцѣнокъ, а по поводу описанныхъ коровъ и носильнаго платья.

Взыскать деньги по исполнительному листу представлялось для меня обязательнымъ. Съ другой стороны, я понималъ, что продажа земли, очевидно, будетъ признана сенатомъ неправильной, и что резеши не будутъ разорены. Съ такимъ убѣжденіемъ я пошелъ къ сходу, не позволивъ никому изъ должностныхъ лицъ меня сопровождать.

Подойдя къ толпѣ и поздоровавшись съ собравшимися, я замѣтилъ въ настроеніи резешей непріятные признаки: лица ихъ были мрачны, и только стоявшіе въ первыхъ рядахъ отвѣтили на мое привѣтствіе, да и то какъ-то неохотно. Когда же я спросилъ о томъ, что у нихъ произошло наканунѣ и какимъ образомъ они рѣшились оказать сопротивление властямъ, поднялся оглушительный крикъ, среди котораго нельзя было разобрать ни одного слова, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя русскія слова тонули въ общемъ говорѣ на молдаванскомъ нарѣччіи,

Вскорѣ я очутился въ центрѣ толпы, окруженный какъ бы широкимъ живымъ кольцомъ. Стоявшіе сзади напирали на переднихъ, которые стѣснили меня настолько, что мнѣ трудно было двигаться. Передъ собой

я видѣлъ только нѣсколько блѣдныхъ лицъ, съ горящими глазами, съ судорожно подергивающимися губами; то были вожаки — наиболѣе возбужденные, — которые, подъ вліяніемъ сознанія отвѣтственности передъ руководимой ими толпой, а отчасти, можетъ быть, изъ страха за свою судьбу, все болѣе и болѣе теряли душевное равновѣсіе; нельзя было терять времени — приходилось начинать дѣйствовать самому, во избѣжаніе опасныхъ послѣдствій.

Я вынулъ изъ кармана сигару и, обратившись къ самому отчаянному крикуну, знаками показалъ, что я прошу дать мнѣ огня. Онъ нѣсколько опѣшилъ, постоялъ одну секунду въ раздумьи, но затѣмъ, обернувшись къ сосѣдямъ, занялъ у одного изъ нихъ спичечную коробку и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ зажечь огонь, поднесъ мнѣ горящую спичку, предварительно растолкавъ стѣснившихъ насъ ближайшихъ сосѣдей. Закуривъ, я обратился къ другому изъ замѣченныхъ мной главарей и попросилъ его достать мнѣ стулъ. Пока бѣгали за стуломъ, прошло нѣсколько минутъ; пришлось растолкать толпу, вниманіе которой сосредоточилось на новыхъ впечатлѣніяхъ; крики постепенно затихли, кругъ въ центрѣ нѣсколько расширился и я получилъ нѣкоторую свободу движеній. Когда стулъ принесли, я поставилъ его передъ собой и, опершись на его спинку, не теряя времени потребовалъ указать мнѣ двоихъ, могущихъ переводить мои слова. Переводчики нашлись и передали сходу мою первую просьбу — не кричать и дать мнѣ высказать, для чего я къ нимъ пріѣхалъ. Кстати упомяну, что въ это время я увидѣлъ около себя нашего прокурора и начальника жандармскаго управленія, полковника Чарнолусскаго, которые, безпоясаясь, какъ я думаю, за мою безопасность, не захотѣли остаться безучастными свидѣтелями происходящей сцены.

Я началъ говорить совсѣмъ не о томъ, чего ждали собравшіеся резеши. Желая постепенно овладѣть ихъ вниманіемъ и не вызывать пока отвѣтовъ съ ихъ стороны, я сталъ рассказывать имъ о судьбѣ проданной на торгахъ земли, о рѣшеніи судебной палаты, отмѣнившей эту продажу, и о томъ, что никакія старанія мои не могли бы предотвратить ихъ разоренія, если бы судебное рѣшеніе подтвердило права лица, купившаго за гроши чуть ли не всю ихъ земельную собственность. Сопоставивъ дѣйствительную цѣну тысячи десятинъ проданной земли (около 300,000 р.) съ цифрой 12,000 рублей, за которую эта земля была приобрѣтена на торгахъ, я въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ сталъ упрекать резешей, а въ особенности ихъ повѣренныхъ и жожаковъ, въ безпечности и полномъ забвеніи интересовъ не только ихъ собственныхъ, но и ихъ потомства. Истошивъ по этому поводу весь запасъ укоризны и даже глумленія, на которыя я былъ способенъ, я перешелъ къ разсужденію о томъ, что губернаторъ является отвѣтственнымъ передъ Государемъ за такія дѣйствія, которыя клонятся къ разоренію 400 крестьянскихъ семействъ, и что я не могу допустить, чтобы резеши, по своему упрямству и по глупости своихъ уполномоченныхъ, потеряли все состояніе и обратились въ нищихъ. Поэтому я предупредилъ слушателей, что, во-первыхъ, я немедленно донесу сенату о положеніи дѣла, а затѣмъ, заявилъ я, что если бы сенатъ рѣшилъ дѣло не въ ихъ пользу, то я буду всеподданнѣйше докладывать Его Величеству о возмутительной расточительности резешей и о томъ, что необходимо пересмотрѣть ихъ дѣло по Высочайшему повелѣнію, если не въ ихъ интересахъ, то ради ихъ женъ и дѣтей.

Чѣмъ больше я расточалъ упрековъ по адресу присутствующихъ, тѣмъ веселѣе дѣлались ихъ лица, и вскорѣ оказалось возможнымъ перейти къ вопросу о взысканіи долга.

Все еще не упоминая о происшедшихъ наканунѣ безпорядкахъ, я объявилъ резешамъ, что изученіе дѣла привело меня къ убѣжденію не только въ законности, но и въ неотложности взысканія съ нихъ 10,000 руб. У судебного пристава въ рукахъ, сказалъ я, исполнительный листъ, по которому уплата должна послѣдовать неукоснительно, а моя обязанность наблюсти за тѣмъ, чтобы взысканіе было произведено немедленно и безпрепятственно.

Возраженій противъ правильности иска никто изъ резешей не заявилъ. Началась торговля о срокахъ платежа и въ нее втянули повѣреннаго Ануша, готовившагося уже отложить взысканіе. Но я возсталъ противъ этого, рѣшительно заявивъ, что выѣздъ губернатора не шутка и что я уѣду только послѣ того, какъ деньги будутъ уплачены до копѣйки, предлагая судебному приставу въ противномъ случаѣ описать въ моемъ присутствіи, и увезти въ уѣздный городъ для храненія, движимое имущество на сумму, равную долгу.

Послѣ этого очень опредѣленнаго заявленія я назначилъ перерывъ занятій, такъ какъ усталъ говорить. Кромѣ того надо было дать время сходу одуматься, а всѣмъ намъ подкрѣпиться пищей, такъ какъ мы съ утра ничего еще не ѣли.

Всѣ мы отправились обратно къ станціи желѣзной дороги, близъ которой жилъ земскій начальникъ, жена котораго очень любезно взяла на себя нелегкій трудъ накормить и приютить 8 человѣкъ нежданныхъ гостей. Впервые попробовавъ бессарабскія кушанья — заму съ мамалыгой и брынзой, я хотѣлъ снова ѣхать въ село, но свѣдѣнія, полученныя исправникомъ, заставили насъ отложить всякаго рода дѣйствія до слѣдующаго дня. Оказалось, что среди резешей происходитъ внутренняя борьба и что большинство начинаетъ возставать противъ недавнихъ своихъ руководителей, склоняясь къ повиновенію и мирному окончанію дѣла. Къ

тому же наступилъ вечеръ и всѣ мы устали чрезвычайно. Когда, рано утромъ слѣдующаго дня, я, навѣстивъ предварительно солдатъ, хотѣлъ итти въ „казу ди обща“, волостной старшина сообщилъ мнѣ, что резеши послали въ городъ за деньгами своихъ уполномоченныхъ, давъ имъ довѣренность на сдачу въ аренду 300 десятинъ земли на шестилѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы арендаторъ уплатилъ за все время сразу требуемую сумму. Извѣстie было пріятное и, хотя проектируемая сдѣлка не могла быть выгодна для резешей, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что аренда все же лучше продажи, и, кромѣ того, вспоминалъ о сдѣланной помѣщикомъ щедрой уступкѣ.

Придя на прежнее мѣсто, я засталъ тамъ весь сходъ, встрѣтившій меня хлѣбомъ-солью. Во главѣ собравшейся толпы поселянъ стояли новыя лица, а вчерашніе крикуны хотя и присутствовали тутъ же, но уже значительно присмирѣли.

Хлѣба-соли я не принялъ, сказавъ, что теперь не до того, а что нужно приступить къ дѣлу и начать опись имущества. Резеши заявили, что они не могутъ собрать немедленно 10,000 руб., но что они уже послали за деньгами въ городъ, и надѣются на другой день разсчитаться съ Анушемъ до копѣйки.

Спросивъ имена уполномоченныхъ и узнавъ, гдѣ ихъ можно найти въ Кишиневѣ, я послалъ въ городъ чиновника, которому поручилъ телеграфировать мнѣ о ходѣ переговоровъ по займу, а самъ, обратившись къ сходу, сказалъ, что я подожду съ описью еще одинъ день, тѣмъ болѣе, что намъ надо кончить и другое дѣло — объ оказанномъ нѣкоторыми изъ нихъ сопротивленіи властямъ и о допущенномъ насиліи по отношенію къ судебному приставу. „Вы, конечно, можете думать, — сказалъ я, — что подобныя дѣйствія останутся безнаказанными; пять человѣкъ изъ вашей среды должны быть допрошены судебнымъ слѣдователемъ,

отъ котораго будетъ зависѣть принять по отношенію къ нимъ мѣру пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда. Онъ можетъ подвергнуть ихъ аресту, но можетъ ограничиться и не большимъ залогомъ, если эти люди надежные и если можно положиться на ихъ обѣщаніе явиться въ судъ по повѣсткѣ“. Прочтя затѣмъ имена и фамиліи тѣхъ пяти лицъ, которыхъ, согласно указанію исправника и прочихъ свидѣтелей происшествія, мы рѣшили привлечь къ суду, я потребовалъ, чтобы они вышли изъ толпы и подошли ко мнѣ. Всѣ пятеро немедленно вышли впередъ и стали заявлять протестъ, указывая на то, что они не болѣе виновны, чѣмъ остальные, и что если судить, то всѣхъ, а не ихъ однихъ.

Узнавъ, въ числѣ такъ называемыхъ зачинщиковъ, своихъ вчерашнихъ знакомыхъ, — и того, который доставилъ мнѣ спички, и того, который бѣгалъ за стуломъ, я обратился къ прокурору, и, полушутя, попросилъ его заступиться передъ слѣдователемъ за моихъ пріятелей и, если можно, отпустить ихъ послѣ допроса на поруки.

Прокуроръ, съ которымъ мы заранѣе сговорились, сказалъ, что онъ сейчасъ напишетъ слѣдователю предложеніе приступить къ слѣдствію, и пошелъ въ избу, а за нимъ полицейскіе чины и старшина повели обвиняемыхъ, не оказавшихъ при этомъ, равно какъ и прочіе поселяне, никакого сопротивленія.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ со сходомъ о постороннихъ предметахъ, я сказалъ, что надѣюсь на другой день уѣхать въ Кишиневъ и что мнѣ очень хотѣлось бы увести обратно солдатъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы военное начальство, донося Государю Императору о вызовѣ роты, могло добавить, что солдаты вернулись, не принявъ никакого участія въ дѣйствіяхъ властей, такъ какъ резеши оказались мирными и благоразумными людьми. „Если бы мнѣ было из-

вѣстно ранѣ,—добавилъ я,—что съ вами такъ пріятно имѣть дѣло, то я не сталъ бы тревожить военные власти и беспокоить Государя“. Резеши очень заинтересованы были тѣмъ, что происшествіе въ Корнештахъ будетъ доведено до Императора и стали увѣрять меня въ своихъ вѣрноподданныйшихъ чувствахъ. Дѣйствительно, я не разъ убѣждался въ томъ, что молдаване съ большимъ благоговѣніемъ относятся къ Царской власти и любятъ указывать на свою преданность правительству.

Такимъ образомъ и послѣднее обстоятельство, о которомъ мы до сихъ поръ избѣгали говорить,—прібытіе солдатъ—потеряло свою остроту; ледь окончательно растаялъ, и мнѣ оставалось только ждать полученія денегъ.

На другой день 10,000 руб. были уплачены, обвиняемые были допрошены и отпущены слѣдователемъ послѣ взноса небольшого залога, и я возвратился въ Кишиневъ. Вслѣдъ за мной, пріѣхали туда же нѣсколько уполномоченныхъ отъ схода резешей, поднесли мнѣ вновь хлѣбъ-соль, отъ которыхъ я отказался въ Корнештахъ, и просили не взыскивать съ нихъ, если возможно, денегъ за перевозку и содержаніе войскъ. Они, повидимому, помнили о старомъ законѣ, согласно которому расходы по укрощенію населенія войсками возлагались на виновныхъ.

Въ настоящее время такого рода расходы относятся на счетъ казны, о чемъ я и сообщилъ обрадованной депутаціи.

Я немедленно написалъ оберъ-прокурору сената о произведенномъ по претензіи Ануша взысканіи. Земля резешей, конечно, осталась неприкосновенной.

Въ деревнѣ извѣстія распространяются очень быстро и охватываютъ большіе районы. Слухи о вызовѣ

войскъ въ Корнешты и о пріѣздѣ губернатора стали передаваться и комментироваться сначала среди окрестныхъ жителей, а затѣмъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ. Вездѣ произвелъ впечатлѣніе, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что губернаторъ взыскалъ деньги сполна, т. е. поставилъ на своемъ, добившись отъ резешей повиновения. То обстоятельство, что при этомъ не было крика, угрозъ, экзекуцій и выстрѣловъ, нисколько не ослабило произведеннаго эффекта—скорѣе, наоборотъ. Что же касается меня, то изъ этого перваго опыта водворенія порядка и возстановленія дѣйствія закона въ разбушевавшемся селѣ, я вынесъ убѣжденіе, въ послѣдствіи подтвержденное для меня многими примѣрами, что во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ необходимо вникать какъ можно глубже въ обстоятельства дѣла, стараться понять главную причину возникновенія безпорядковъ и твердо помнить, что масса населенія всегда готова вступить на путь соглашенія и уступокъ, избѣгая и страшась насильственныхъ дѣйствій всякаго рода. Очень часто такого рода дѣйствія возникаютъ съ обѣихъ сторонъ только подъ вліяніемъ обоюднаго страха: укротитель спѣшитъ проявить силу, чтобы не стать жертвой толпы, а укрощаемые, чувствуя опасность, не видятъ изъ своего положенія другого выхода, кромѣ отчаяннаго сопротивленія, проявляемаго инстинктивно, въ формѣ физической самообороны. Но если лицо, призванное водворить порядокъ, какъ, напримѣръ, губернаторъ, застанетъ мятежную толпу не во время проявленія ею насильственныхъ дѣйствій, но въ видѣ силы, пребывающей еще въ покоѣ, то какъ бы ни было враждебно и опасно настроеніе возмущившагося народа, слѣдуетъ относиться къ нему какъ къ собранію разумныхъ людей. Избѣгая криковъ и угрозъ, надо явиться передъ народомъ не въ видѣ предвзятаго защитника одной стороны, или, что еще хуже, въ видѣ судьи и мстителя, а въ качествѣ делегата высшей правитель-

ственной власти, какъ бы посредника, добивающагося порядка для того, чтобы законныя права всѣхъ получили осуществленіе законнымъ путемъ, а правонарушители подлежали отвѣтственности также въ установленномъ закономъ порядкѣ. Если при этомъ удастся сохранить хладнокровіе, а въ особенности, если явится поводъ при удобномъ случаѣ проявить нѣкоторую долю добродушной шутливости, то окажется нетруднымъ сразу понизить жаръ мятежныхъ душъ на много градусовъ. А затѣмъ, получивъ возможность слышать и понимать, быть услышаннымъ и понятымъ, не трудно воспользоваться тѣмъ таящимся въ народѣ сознаніемъ, которое заставляетъ его открещиваться отъ названія „бунтовщика“ и всегда заявлять, что онъ — желаетъ рѣшенія дѣла „по закону“, „по хорошему“.

Очень важно, конечно, въ такихъ случаяхъ имѣть за собой силу въ видѣ „ultimae rationis“, дисциплинированной воинской части; но силу эту слѣдуетъ держать въ буквальномъ смыслѣ слова за собой, а не впереди себя, съ цѣлью употребить ее только въ крайнемъ случаѣ, въ видѣ дѣйствія, а не въ видѣ аргумента. О томъ, что стоящее невдалекѣ войско является аргументомъ въ пользу успокоенія, всѣ хорошо знаютъ и безъ напоминанія, и я считаю тактичнымъ никогда не ссылаться передъ толпой на возможность примѣненія этого послѣдняго средства, которое къ тому же издали представляется всегда внушительнѣе, нежели вблизи.

Кромѣ описаннаго случая въ Корнештахъ, мнѣ пришлось въ Бессарабіи имѣть дѣло съ отказомъ одного селенія Оргѣвскаго уѣзда отъ уплаты земскаго „комнатнаго“ сбора. Земли этого селенія входили клиномъ въ сосѣдніе уѣзды Кишиневскій и Бѣлецкій, въ которыхъ жили помѣщенія земскимъ сборомъ не облагались. Понятно, что оргѣвцамъ было обидно уплачивать налогъ, отъ котораго ихъ ближайшіе сосѣди

были свободны, и потому они нѣсколько лѣтъ подрядъ отказывались уплачивать комнатный сборъ. Трусость стараго оргѣвскаго исправника заставляла его откладывать взысканіе, которое было произведено лишь по моему требованію, на основаніи жалобы земской управы на систематическое уклоненіе жителей упомянутаго селенія отъ уплаты земскихъ сборовъ.

Опять я получилъ телеграмму съ просьбой выслать войска смирять непокорныхъ поселянъ, отказавшихся категорически платить недоимку и не допускавшихъ полицію производить опись имущества. Но я былъ въ то время гораздо опытнѣе, узналъ характеръ мѣстнаго населенія и къ тому же мнѣ не было времени выѣзжать изъ города. Поэтому я набросалъ карандашомъ обращение къ сходу, далъ его перевести въ своей канцеляріи на молдаванскій языкъ и отправилъ этотъ переводъ исправнику для прочтенія народу.

Въ моемъ обращеніи разъяснялись цѣль и разнообразныя виды земскаго обложенія, а также указывалось мѣсто и способъ законной борьбы съ комнатнымъ сборомъ, а именно — въ оргѣвскомъ земскомъ собраніи, черезъ представителей населенія — уѣздныхъ гласныхъ. Далѣе я объяснилъ, что перемѣна въ способахъ обложенія можетъ коснуться только послѣдующихъ лѣтъ, и что прежняя недоимка во всякомъ случаѣ должна быть взыскана. Наконецъ, въ заключеніи указывалось на то, что я не желалъ бы бросать важныхъ дѣлъ и вводить казну въ расходы изъ-за такого пустого случая, а потому предлагаю исправнику приступить ко взысканію недоимки немедленно и сообщить мнѣ о пополненіи ея на другой день. Къ вечеру слѣдующаго дня комнатный сборъ былъ взысканъ безъ всякихъ непріятныхъ инцидентовъ, а крестьяне были, какъ оказалось, очень польщены полученіемъ адресованнаго къ нимъ письма губернатора и при томъ на ихъ родномъ языкѣ.

Описанные два случая исчерпываютъ исторію бунтовъ и мятежей добродушныхъ молдаванъ за время моего пребыванія въ Бессарабіи. Молдаване, въ особенности сельскіе жители, — чрезвычайно милый, добросердечный и покорный народъ. Но они любятъ вѣжливое обращеніе, охотно выслушиваютъ комплименты и не чужды нѣкотораго простодушнаго хвастовства. Такъ, напримѣръ, когда, во время японской войны, пришлось собирать въ Бессарабіи ратниковъ ополченія, молдаване очень охотно и гордо шли на службу, объясняя себѣ призывъ тѣмъ, что Царь безъ нихъ ничего на войнѣ не можетъ подѣлать и потому приказалъ прислать ему своихъ молодцовъ-молдаванъ.

Х.

Губернаторы по закону обязаны по возможности ежегодно объѣзжать уѣзды губерніи, знакомясь на мѣстахъ съ дѣятельностью уѣздныхъ учреждений и должностныхъ лицъ. Для вновь опредѣленнаго губернатора такой объѣздъ въ особенности необходимъ, такъ какъ дѣла и вся переписка, проходящая ежедневно передъ его глазами, оживаютъ и пріобрѣтаютъ реальное значеніе только послѣ того, какъ, изъ-за названій тѣхъ или другихъ мѣстъ и лицъ, передъ умственнымъ взоромъ читающаго, начнутъ выступать извѣстные реальные образы. Къ сожалѣнію, истинная и полезная роль губернатора, какъ органа надзора за законностью дѣйствій всѣхъ учреждений и лицъ административнаго вѣдомства въ губерніи, совершенно заслонена не въ мѣру разросшимся участіемъ губернаторовъ въ активномъ управленіи. Обязанный предсѣдательствовать въ двадцати, если не болѣе, коллегіяхъ и постоянно разрѣшать, отмѣнять, запрещать, предупреждать, пресѣкать и утверждать всякаго рода дѣйствія и постановленія, современный губернаторъ самъ постоянно рискуетъ впасть въ ошибки, благодаря чему и авторитетъ его не можетъ оставаться на должной высотѣ, и осуществленіе надзора дѣлается для него затруднительнымъ. Совершенно ложно въ примѣненіи къ губернаторской власти то понятіе „хозяина губерніи“, которое выдвинулось въ царствованіе Александра III-го и такъ охотно и настойчиво примѣнялось къ губернаторской должности его преемниковъ. Хозяйничать и распоряжаться губернаторъ долженъ только въ особо важныхъ случаяхъ, и при томъ въ

опредѣленномъ тѣсномъ кругѣ дѣйствій. Главная его обязанность — быть хранителемъ и оберегателемъ закона, что прекрасно выражено въ особой статьѣ второго тома, изданной еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка, хотя тогда еще не было независимаго суда и общественнаго самоуправленія.

Тенденція, получившая силу въ теченіе двухъ послѣднихъ царствованій и выразившаяся въ расширеніи активной роли губернатора въ дѣлахъ управленія, не послужила на пользу дѣлу, и только расшатала губернаторскій авторитетъ.

Имѣя возможность удѣлить для ревизіи губерніи очень мало дней, я долженъ былъ отказаться отъ намѣренія произвести ее детально. Поэтому я счелъ излишнимъ брать съ собой непремѣнныхъ членовъ различныхъ присутствій и правителя моей канцеляріи, предпочитая видѣть мало, но собственными глазами, получить небогатый запасъ наблюденій и свѣдѣній, но получить ихъ непосредственно, а не по докладамъ своихъ помощниковъ. Я взялъ съ собой для компаніи одного только чиновника особыхъ порученій, совершенно не дѣлового, но за то уроженца Бессарабіи, знакомаго съ молдаванскимъ языкомъ и хорошо знавшаго интимную сторону мѣстной жизни и мѣстныхъ отношеній.

Главная обязанность моего спутника должна была состоять въ томъ, чтобы избавлять меня, путемъ дипломатическихъ сношеній съ хорошо знакомыми ему уѣздными дѣятелями, отъ слишкомъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ, и въ особенности отъ невыносимо тяжелыхъ парадныхъ обѣдовъ. Затѣмъ, ему же было поручено строго наблюдать за уплатой прогоновъ и внушать полицейскому начальству воздержаніе отъ показныхъ эффектовъ, вродѣ подготовленныхъ народныхъ встрѣчъ, подстиланія ковровъ при выходѣ губернатора изъ экипажа и прочихъ демонстрацій, освященныхъ старыми бессарабскими обычаями.

Посѣтивъ прежде всего уѣздный городъ Бѣльцы, гдѣ у меня было нѣсколько дѣлъ по жалобамъ на начальника тюрьмы и по разрѣшенію губернскимъ правленіемъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу нарушенія строительнаго устава, я принялъ представившихся мнѣ должностныхъ лицъ, познакомился и поговорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, осмотрѣлъ больницы, земскую и еврейскую, и, при помощи мѣстныхъ служащихъ, охотно и вполне довѣрчиво посвятившихъ меня во всѣ тонкости вопроса, отчетливо выяснилъ себѣ во всѣхъ деталяхъ тѣ два-три дѣла, которыя въ Кишиневѣ казались мнѣ запутанными и неразрѣшимыми. Затѣмъ я отправился въ тюрьму, о порядкахъ которой имѣлъ самыя плохія свѣдѣнія, поговорилъ наединѣ съ арестантами, просмотрѣлъ дѣлопроизводство, и въ результатѣ принужденъ былъ предложить начальнику тюрьмы оставить службу. Дѣло, возбужденное по поводу обнаруженныхъ въ управленіи тюрьмой злоупотребленій, въ послѣдствіи разрослось и усложилось выясненной растратой тюремныхъ суммъ, и окончилось самоубійствомъ начальника тюрьмы. Но, во время моего пребыванія въ Бѣльцахъ, такихъ грустныхъ послѣдствій ревизіи нельзя было ожидать и потому, завершивъ свой трудовой день, я очень пріятно и просто пообедалъ въ городскомъ клубѣ, въ компаніи новыхъ знакомыхъ — мѣстныхъ представителей разныхъ вѣдомствъ, пожелавшихъ непремѣнно меня угостить.

Обѣдъ не былъ параднымъ, вино было только бессарабское, мы провели время очень весело, безъ всякой натянутости, и даже снялись вмѣстѣ на клубномъ дворѣ. Группа участниковъ этого обѣда виситъ и теперь у меня въ кабинетѣ, напоминая о первой произведенной мной губернаторской ревизіи.

Въ Бѣльцы я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ, ночевалъ двѣ ночи въ вагонѣ, предоставленномъ мнѣ желѣзнодорожнымъ управленіемъ, и затѣмъ, въ томъ

же вагонѣ, доѣхалъ до уѣзднаго города Могилева, Подольской губерніи. Оттуда мнѣ предстояла поѣздка на лошадяхъ въ г. Сороки, отстоящій отъ Могилева верстахъ въ шестидесяти.

Поѣхали мы въ такомъ порядкѣ: впереди урядникъ верхомъ, смѣнявшійся на границѣ cadaго участка новымъ урядникомъ, затѣмъ становой приставъ на тройкѣ, исправникъ на четверкѣ, и наконецъ, мы съ Шуманскимъ (чиновникомъ особыхъ порученій) въ коляскѣ, запряженной также четверней. Я не рѣшилъ нарушить на этотъ разъ традиціонной торжественности губернаторскаго поѣзда, тѣмъ болѣе, что исправникъ и становой, встрѣчавшіе меня на Могилевской станціи, должны были ѣхать въ Сороки, но, къ моему удивленію, число сопровождавшихъ меня лицъ не ограничилось перечисленными полицейскими чинами. Какъ только мы переѣхали Днѣстръ и вступили въ предѣлы Бессарабіи, къ намъ присоединилась кавалькада, состоявшая изъ дюжины всадниковъ, одѣтыхъ въ живописные, нарядные кафтаны; они окружили мою коляску и поскакали около насъ, стараясь горячить своихъ лошадей и выказать разными способами свою молодцоватость и усердіе. Проѣхавъ съ такимъ кортежомъ версты двѣ, я приказалъ остановить экипажъ и попросилъ подбѣжавшаго ко мнѣ исправника объяснить значеніе и роль неожиданныхъ проводниковъ. Онъ отвѣтилъ, что передъ нами находятся представители мѣстныхъ поселянъ, съ волостнымъ старшиной во главѣ, командированные для сопровожденія губернатора по территоріи волости, что выбираютъ эти всадники изъ числа самыхъ лихихъ ѣздоковъ, и что будто бы они очень цѣнятъ выпавшую на ихъ долю честь показать мнѣ свое искусство ѣздить верхомъ и свои нарядные костюмы. Выходило такъ, по словамъ исправника, что отказъ отъ проводовъ обидѣлъ бы провожающихъ. Къ этому исправникъ добавилъ, что онъ, желая мнѣ угодить, сократилъ числен-

ность кортежа до двѣнадцати лицъ, иначе выѣхало бы меня провожать гораздо больше народа.

Перспектива ѣхать 60 верстъ въ сопровожденіи постоянно смѣняющихся всадниковъ, при невозможности притомъ отдѣлаться отъ мысли, что весь этотъ народъ теряетъ время, мучаетъ лошадей и, пожалуй, проклинаетъ меня въ душѣ, заставила меня принять мѣры къ освобожденію моихъ провожатыхъ отъ новой и своеобразной натуральной повинности, выпавшей на ихъ долю. Я вышелъ изъ коляски и, обратившись къ окружавшимъ меня всадникамъ, похвалилъ ихъ лошадей, выразилъ удивленіе передъ ихъ искусствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ не провожать меня дальше, такъ какъ мнѣ очень непріятно причинять кому-либо своимъ проѣздомъ лишнія хлопоты и утомленіе. Съ нѣкоторымъ трудомъ, при помощи исправника и Шуманскаго, мнѣ удалось убѣдить провожающихъ вернуться домой, и мы поѣхали дальше прежнимъ порядкомъ; однако, при проѣздѣ черезъ каждое большое село, повторялась та же картина: снова выскакивали верховые, неслись около моего экипажа, и мнѣ опять приходилось убѣждать ихъ не мучить попусту лошадей и не терять напрасно времени. Такъ, въ постоянной борьбѣ съ бессарабскимъ этикетомъ, доѣхали мы къ вечеру до Сорокъ.

Я не знаю въ Россіи уѣзднаго города, который могъ бы сравниться съ Сороками по красотѣ мѣстоположенія. Хорошъ Ржевъ на Волгѣ, но ему не достаетъ южнаго солнца, разнообразія свѣтовыхъ оттѣнковъ и живописныхъ изломовъ постепенно возвышающагося рѣчнаго берега. Дома города Сорокъ, разсыпавшись въ безпорядкѣ по склону горы, спускаются къ самому берегу Днѣстра, и лѣтомъ тонуть въ зелени садовъ и виноградниковъ. Я остановился по приглашенію мѣстнаго предсѣдателя земской управы Алейникова, въ его домѣ, въ верхней части города, и

провелъ интересный вечеръ въ кругу его семьи, состоящей изъ стариковъ — отца и матери Алейникова. Нѣсколько близкихъ знакомыхъ этого почтеннаго и симпатичнаго семейства не только не мѣшали, но, напротивъ, содѣйствовали спокойному и пріятному настроенію, которое я испыталъ въ тотъ вечеръ, получивъ возможность отдохнуть отъ официальныхъ встрѣчъ и дѣловыхъ разговоровъ.

Попросивъ мѣстнаго исправника не являться ко мнѣ на другой день утромъ ранѣе 10 часовъ и назначивъ пріемъ мѣстныхъ служащихъ съ 11-ти, я задумалъ доставить себѣ рѣдкое удовольствіе — пройтись пѣшкомъ безъ провожатыхъ и посѣтить пригородный плодово-виноградный питомникъ еврейскаго колонизаціоннаго общества, или „Еко“, какъ онъ сокращенно назывался. Я всталъ съ утра въ 6 часовъ, стараясь не шумѣть, и, обманувъ бдительность стоявшаго у воротъ караульнаго городского, удачно вышелъ изъ дома никѣмъ не замѣченный. Дорогу въ „Еко“ я узналъ еще наканунѣ, и потому безъ всякихъ затрудненій дошелъ, въ полчаса времени, до интересовавшаго меня питомника.

„Еко“ заслуживаетъ упоминанія какъ образецъ хозяйства, въ которомъ всѣ работы производятся исключительно учениками евреями, безъ наемныхъ работниковъ. Во главѣ этого учрежденія стоялъ ученый агрономъ Этингеръ, также еврей, подъ руководствомъ котораго велось дѣло распространенія знаній и навыковъ по плодоводству какъ среди учениковъ, такъ и среди всѣхъ интересующихся фруктово-виноградной культурой, благодаря чему населеніе уѣзда имѣло въ еврейскомъ питомникѣ какъ бы даровой опытный садъ. Хотя всѣ расходы по содержанію питомника оплачивались парижскимъ центральнымъ комитетомъ еврейскаго колонизаціоннаго общества, но какъ совѣты и указанія, такъ и посадочный матеріалъ давались адми-

нистраціей „Еко“ всѣмъ безъ исключенія садовладѣльцамъ, желавшимъ поднять культуру своихъ садовъ. Любой садоводъ, какъ крупный, такъ и мелкій, безъ различія національности и общественнаго положенія, могъ обратиться къ Этингеру, изложить ему свои желанія и потребности и получить не только указанія и матеріалъ, но даже непосредственное содѣйствіе, такъ какъ руководители питомника охотно выѣзжали, по первой просьбѣ, для осмотра вновь закладываемыхъ садовъ, а затѣмъ по временамъ навѣщали ихъ съ цѣлью провѣрить правильность ухода за новыми плантаціями. Благотворное вліяніе этого питомника на развитіе и улучшение мѣстнаго садоводства, въ особенности мелкаго, подтверждали мнѣ многіе мѣстные дѣятели, и я съ любопытствомъ подошелъ къ воротамъ сада, который не трудно было узнать среди тянувшихся вдоль большой дороги другихъ насажденій.

Сельско-хозяйственная практика всегда относится къ сельско-хозяйственной теоріи съ нѣкоторымъ недо-вѣріемъ. Я съ удовольствіемъ, бывало, читалъ, что какая-то корова, schwarze Jette, дала, гдѣ-то въ Швейцаріи, своему хозяину 400 ведеръ молока въ годъ и что французскій агрономъ добился урожая пшеницы въ 400 пудовъ съ десятины, но никогда не рассчитывалъ увидѣть такихъ результатовъ въ своемъ имѣніи. Слыхалъ я много о подчиненіи природы труду и искусству земледѣльца, объ иностранныхъ огородахъ и садахъ, но въ моемъ хозяйствѣ всегда какъ-то такъ выходило, что не я управлялъ природой, а она мной, и потому скептицизмъ не только русскаго крестьянина, но и русскаго помѣщика по отношенію къ научной астрономіи всегда казался мнѣ извинительнымъ и понятнымъ. Казенныя учрежденія, министерскія школы и опытыя станціи, которыя мнѣ приходилось видѣть, не вселяли ни въ комъ изъ ихъ сосѣдей вѣры въ грядущее торжество новыхъ словъ сельско-хозяйственной

науки. Но то, что я увидѣлъ въ „Еко“, заставило меня повѣрить въ возможность примѣненія научныхъ данныхъ къ воспитанію растеній, и я впервые отдалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что сельско-хозяйственныя книжки не только пріятное для живого воображенія чтеніе, но и реальная сила.

На тридцати десятинахъ разрыхленной черной земли питомника не было видно ни одной сорной травки. На грядкахъ и куртинахъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга узенькими дорожками, стояли, правильными рядами, прямыя, какъ стрѣлы, крѣпкія, стройныя деревца яблонь и грушъ, разнаго возраста и разныхъ сортовъ; ни одного кривого, ни одного больного, ни одного задержаннаго въ ростѣ дерева я тамъ не увидѣлъ: все росло по приказу и рисунку. Виноградная лоза, предназначенная для плодоношенія, не смѣла расти вверхъ и прижималась къ землѣ въ видѣ тонкой вѣтви съ небольшими листьями; но, по другой сторонѣ дорожки, ея сверстница, однолѣтняя лоза, предназначенная для черенковъ, была подвязана къ столбамъ, немного меньше телеграфныхъ, и, къ концу лѣта, обвила ихъ совершенно, густо покрывъ столбы своими широкими листьями. Плоды на взрослыхъ деревьяхъ были безъ пятенъ, гладкіе, одинаковые по всему дереву и легко могли быть опредѣлены по сортамъ, помимо надписей на дощечкахъ, благодаря совершенно точному сходству съ рисунками, помѣщенными въ плодовомъ атласѣ.

Образцовая сушильня для плодовъ и овощей, а также фабрика консервовъ, которыя я засталъ въ полномъ ходу, дали возможность видѣть заготовленіе произведеній питомника въ прокъ и на мѣстѣ убѣдиться въ чистотѣ выработки и высокомъ качествѣ получаемыхъ продуктовъ.

Очень интересное зрѣлище представляли собой евреи, большею частью подростки, трудами которыхъ исключительно велась обработка земли, уходъ за расте-

ніями и выработка консервовъ. Здѣсь не было видно испуганныхъ, худыхъ лицъ, тощихъ, болѣзненныхъ формъ и робкихъ, неувѣренныхъ движеній. Краснощекіе, смуглые юноши съ блестящими глазами, широкими плечами и мускулистыми руками, которыхъ я увидѣлъ въ „Еко“, напомнили мнѣ еврейское сказаніе о сильныхъ людяхъ полей, которыхъ біблія противопоставляетъ кроткимъ людямъ, живущимъ въ шатрахъ.

Къ концу осмотра я уже былъ не одинъ: изъ города примчалась полиція, обезпокоенная исчезновеніемъ губернатора, и я былъ доставленъ обратно въ Сороки при подобающемъ антуражѣ.

По окончаніи обычнаго пріема должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ, съ которыми надо было поговорить съ каждымъ отдѣльно, я вышелъ къ просителямъ, принялъ и выслушалъ разныя просьбы и жалобы, осмотрѣлъ бѣгло городскія учрежденія и затѣмъ, простившись съ гостепріимной семьей Алейниковыхъ, отправился по приглашенію мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства Б. къ нему въ имѣніе. Тамъ я увидѣлъ процвѣтающее хозяйство Б., который не походилъ на большинство бессарабскихъ помѣщиковъ, ведущихъ обыкновенно праздную, городскую жизнь. В. И. Б. трудился, не покладая рукъ; все ему удавалось, и онъ быстро богатѣлъ. Размахъ его хозяйственныхъ плановъ и предпріятій былъ очень широкъ. Мы осмотрѣли только-что выстроенную имъ образцовую мельницу, замѣчательную свинарню на нѣсколько сотъ свиней, прекрасный конный заводъ и конюшню съ породистыми лошадьми, послѣ чего я уѣхалъ въ Кишиневъ. Съ дѣлами и учрежденіями Сорокского уѣзда я ознакомился очень поверхностно, но съ мѣстными дѣятелями завязалъ очень хорошія отношенія. Б. и Алейниковыхъ я считаю до сихъ поръ въ числѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ.

Гораздо больше труда и заботъ мнѣ пришлось приложить при ревизіи Хотинскаго уѣзда, въ которомъ полиція пользовалась очень дурной славой. Много времени отняли у меня Новоселицы, гдѣ, какъ уже было упомянуто раньше, пристава установилъ совершенно особый порядокъ торговли легитимационными билетами. Но кромѣ этой, чисто бессарабской, особенности добыванія дополнительныхъ кредитовъ къ законному окладу содержанія, дѣлопроизводство новоселицкаго пристава открыло мнѣ и другіе полицейскіе секреты. Не разъ я обращалъ вниманіе на то, что при повѣркѣ настольныхъ реэстровъ станowychъ приставовъ, никогда не оказывалось неисполненныхъ бумагъ; вездѣ, противъ отмѣтки о поступленіи какого-нибудь предписанія, отношенія или рапорта, имѣлся исходящій номеръ, доказывавшій, что по каждой бумагѣ послѣдовало исполненіе, что она гдѣ-то въ ходу, кому-то и зачѣмъ-то отослана. Такая необъяснимая и неестественная быстрота и аккуратность возбуждали подозрѣніе; ключъ къ этой загадкѣ я, наконецъ, нашелъ въ дѣлопроизводствѣ новоселицкаго пристава. Оказалось, что, передъ ревизіей губернатора, пристава имѣли обыкновеніе просматривать входящій реэстръ и, собравъ всѣ дѣла и бумаги, лежавшія безъ движенія иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, отправляли ихъ за соотвѣтствующими номерами къ сосѣду пристава, который въ свою очередь снабжалъ ихъ своей залежью, когда ожидалъ у себя ревизіи. По книгамъ все было въ порядкѣ, а въ послѣдствіи, когда начальство уѣзжало, господа пристава разсылали погостившія у нихъ временно бумаги по мѣстамъ.

Въ Хотинѣ я пріѣхалъ, помнится, въ пятницу и остановился на городской квартирѣ мѣстнаго предводителя дворянства П. Н. Крупенскаго. Въ тотъ же день мы отправились посмотреть знаменитую древнюю крѣпость, построенную турками на берегу Днѣстра.

Видъ этого сооруженія въ высшей степени величественный, и отдѣльныя части крѣпости хорошо сохранились. Затѣмъ послѣдовали обычный пріемъ, разговоры, ходатайства, прошенія, осмотры учреждений, чередовавшіеся съ завтраками и обѣдами у П. Н. Крупенскаго, бывшаго гусара, сумѣвшаго устроиться и въ Хотинѣ съ барскимъ комфортомъ состоятельнаго, умѣющаго пожить холостяка.

Изъ хотинскихъ впечатлѣній я особенно ясно помню два: обѣдню въ православной церкви и царскій молебенъ въ еврейской хоральной синагогѣ.

Я до того времени не бывалъ ни въ одной синагогѣ и потому съ большой готовностью согласился на просьбу мѣстныхъ евреевъ посѣтить ихъ богослуженіе.

При входѣ въ храмъ я былъ встрѣченъ раввиномъ и нѣсколькими евреями, изъ числа наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ въ городѣ; всѣ они были въ черныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Мы вошли въ обширную залу, уставленную длинными деревянными скамьями, напоминающими гимназическія парты, но прекрасно сработанными и отполированными. Стѣны и потолокъ синагоги были отдѣланы очень скромно, безъ пестроты и украшеній; никакихъ изображеній на нихъ не было, получалось впечатлѣніе строгой простоты и серьезности. Противоположная отъ входа часть залы возвышалась на нѣсколько ступеней, и на этомъ возвышеніи, передъ священнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранились свитки Торы, помѣщались канторъ, пѣвцы, раввинъ и нѣсколько хорошо одѣтыхъ евреевъ, видимо, имѣвшихъ особое отношеніе къ синагогѣ по своему происхожденію или общественному положенію. Меня провели, по широкому среднему проходу, къ первой скамьѣ, послѣ чего канторъ, надѣвъ пеструю хламиду, сталъ читать нараспѣвъ, прерываемый по временамъ возгласами хора. Среди незнакомыхъ звуковъ древне-еврейскаго языка я вскорѣ услышалъ

слова „Николай Александрович“ и „Александра Θεοδο-ровна“ съ удареніями на послѣднемъ слогѣ, а затѣмъ разобралъ и свое имя, провозглашенное канторомъ съ особой отчетливостью. Послѣ этого молитвословія, канторъ и пѣвцы повернулись лицомъ къ молящимся и превосходно спѣли „Боже, Царя храни“. Въ эту минуту мнѣ впервые пришлось, неожиданно и быстро, практически разрѣшить трудный вопросъ этикета: въ синагогѣ нельзя снимать съ головы шляпы, а народный гимнъ надо слушать съ непокрытой головой. Я вышелъ изъ затрудненія, приложивъ руку къ козырьку форменной фуражки, какъ бы отдавая кому-то честь, и въ такомъ положеніи прослушалъ гимнъ.

Второе отдѣленіе службы состояло въ исполненіи канторомъ и хоромъ музыкальных пѣсень, напоминавшихъ мнѣ смутно знакомые оперные мотивы, которымъ былъ однако приданъ, путемъ нѣкоторыхъ измѣненій, какой-то оригинальный восточный характеръ. Среди хора все время выдѣлялся удивительно чистый, сильный и вѣрный альтъ, на который нельзя было не обратить вниманія. Стоявшій недалеко отъ меня раввинъ сказалъ мнѣ, что этотъ замѣчательный голосъ принадлежитъ 13 лѣтнему мальчику, сыну бѣднаго портного, и предложилъ послушать его въ сольномъ пѣніи. Я отошелъ къ противоположному концу залы и сталъ у выхода, чтобы лучше оцѣнить юнаго пѣвца. Безъ преувеличенія скажу, что такого алта я въ жизни ни разу не слышалъ; онъ наполнялъ всю залу, пѣлъ необыкновенно увѣренно, съ удивительнымъ драматическимъ подъемомъ, исполняя какое-то незнакомое мнѣ произведеніе Мендельсона. Хоръ еле слышными аккордами аккомпанировалъ пѣвцу, достигавшему высокаго эффекта, которому вредило по временамъ только излишнее форсированіе звука. Я пришелъ въ положительный восторгъ и, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить пѣвца за доставленное наслажденіе, спросилъ раввина при прощаньи,

могу ли я подарить мальчику золотой. Раввинъ какъ-то смутился и отвѣтилъ, что въ субботу евреи не могутъ принимать денегъ, но что какую-нибудь вещьцу на память мальчикъ могъ бы, конечно, взять съ благодарностью. Никакой вещицы у меня съ собой не было, и я уже хотѣлъ отказаться отъ мысли о подаркѣ, когда избрѣтательный раввинъ, желая, очевидно, сдѣлать мнѣ удовольствіе, придумалъ геніальный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ провелъ тонкое различіе между золотомъ, какъ денежнымъ знакомъ определенной цѣнности, и тѣмъ же золотомъ, какъ предметомъ, имѣющимъ значеніе подарка, внѣ зависимости отъ его цѣны, и блестяще разрѣшилъ вопросъ сказавъ, что маленькій пѣвецъ можетъ принять отъ меня золотую монету не какъ деньги, а какъ золотую вещь. Такъ мы и поступили, къ общему удовольствію.

Въ субботу, еврейскій раввинъ проявилъ изворотливость ума для обхода закона, запрещавшаго взять отъ меня то, что я самъ хотѣлъ дать; въ воскресенье, православный священникъ постарался воспользоваться евангеліемъ, чтобы получить отъ меня то, чего я давать не собирался.

Отстоявъ въ православной церкви обѣдню, къ которой меня усиленно приглашалъ наканунѣ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, я былъ не мало удивленъ содержаніемъ краткой проповѣди, произнесенной имъ передъ концомъ службы. „Въ нѣкое время,—такъ приблизительно началъ проповѣдникъ,—Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ къ Генисаретскому озеру и увидѣлъ рыболововъ, моющихъ у лодокъ сѣти свои. Войдя въ лодку одного изъ нихъ, Симона, Спаситель предложилъ ему закинуть сѣть въ озеро, но услышалъ въ отвѣтъ, что рыбаки всю ночь трудились напрасно, не поймавъ ни одной рыбы, и потеряли надежду на успѣхъ ловли. Однако, закинувъ снова сѣти по слову

Спасителя, они вытащили великое множество рыбы, такъ что наполнили ею двѣ лодки“.

„Какой же урокъ почерпнемъ мы изъ сего событія, возлюбленные братія?“ — воскликнулъ съ пафосомъ священникъ. „Очевидно для насъ, что присутствіе великаго человѣка отмѣнную пользу можетъ принести тѣмъ, кого онъ посѣщаетъ. Намъ, благочестивые слушатели, въ особенности долженъ быть понятенъ смыслъ выслушаннаго евангельскаго сказанія: нашъ храмъ посѣтилъ сегодня великій человѣкъ міра сего, посланецъ царскій, начальникъ нашей губерніи. Будемъ же молиться и ждать отъ сего посѣщенія великихъ и обильныхъ для себя благъ“.

Когда я вернулся изъ церкви домой, мнѣ доложили о приходѣ только-что выслушаннаго мной духовнаго оратора. Онъ явился просить за сына своего, выгнаннаго отовсюду пьяницу, которому я долженъ былъ, по мнѣнію его отца, предоставить мѣсто полицейскаго надзирателя. Отказъ мой исполнить эту просьбу очень огорчилъ посѣтителя, который, повидимому, былъ вполне увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ задуманнаго плана.

Совершенно особое положеніе въ Бессарабіи занимаетъ Измаильскій уѣздъ, вновь присоединенный къ Россіи въ 1878 г., послѣ войны съ Турціей. Ранѣе, уѣздъ этотъ входилъ въ составъ Румыніи и раздѣлялся на три префектуры — Измаильскую, Болградскую и Кагульскую съ главными городами тѣхъ же названій. Присоединеніе совершилось очень просто: образовали изъ трехъ префектуръ одинъ уѣздъ, фактическимъ начальникомъ котораго сталъ назначенный въ томъ же году измаильскій исправникъ Шульга, опытности и такту котораго было предоставлено примирять и сообразовать оставленные въ силѣ для Измаильскаго уѣзда румынскіе законы съ общими законами Россійской

имперіи. Ни дворянскихъ учреждений, ни земства, ни волостного и сельскаго управленій съ земскими начальниками не было въ Измаильскомъ уѣздѣ, въ которомъ сохранилось румынское коммунальное устройство. Каждое поселеніе, какъ сельское такъ и городское, образовало коммуну, въ составъ которой входили всѣ владѣльцы земли и всѣ жители поселеній безъ различія состоянія, классовъ и т. д. Исполнительный органъ коммуны — примаръ, съ коммунальнымъ совѣтомъ изъ 12 членовъ, вершилъ всѣ дѣла самоуправленія и выполнялъ тѣ общегосударственныя обязанности, которыя передаются въ Россіи мѣстнымъ учреждениямъ.

Губернаторъ мало вмѣшивался въ дѣла мѣстнаго управленія Измаильскаго уѣзда; тѣ изъ нихъ, въ которыхъ государственный интересъ не былъ затронутъ, разрѣшались коммунами самостоятельно, а прочія зависѣли отъ исправника, замѣнивавшего бывшихъ румынскихъ префектовъ. Къ губернатору перешли, въ отношеніи самоуправляющихся единицъ уѣзда, функціи королевской власти, а петербургское начальство совсѣмъ не касалось Измаила, и имѣло самое туманное представленіе объ устройствѣ названнаго уѣзда. Однако, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не прекращалась забота о введеніи въ Измаилъ русскихъ учреждений — земскихъ начальниковъ, волостей, дворянства и новаго земско-городового положенія, но государственный совѣтъ всегда отвергалъ такого рода проекты министерства подъ предлогомъ недоказанности и недостаточной обоснованности идеи о необходимости разрушить старый мѣстный строй во имя общей нивеллировки управленія. Такъ и остался Измаильскій уѣздъ до сего времени исключеніемъ въ русскомъ уѣздномъ строѣ; ему, вѣроятно, суждено дожидаться общей реформы нашего мѣстнаго управленія, если онъ опять, по какой-нибудь международной комбинаціи, не отойдетъ къ Румыніи, простирающей къ нему материнскія объятія черезъ пограничную рѣку Прутъ.

Меня заинтересовало двойственное и неопредѣленное положеніе измаильскихъ старообрядцевъ. Какъ извѣстно, у насъ въ Россіи, до самаго послѣдняго времени, и господствующая церковь, и правительство безпощадно относились къ старообрядчеству. Въ то время, какъ мечети и синагоги пользовались свободой существованія и даже правительственной защитой, христіанскіе костелы и кирки только терпѣлись; что же касается старообрядческихъ молеленъ и церквей, то ихъ преслѣдовали всевозможными способами. Особые доносчики, подъ названіемъ православныхъ миссіонеровъ, внимательно наблюдали за тѣмъ, чтобы полиція не увлеклась сознаніемъ близости старой вѣры и новой, или, вѣрнѣе, ничтожествомъ различія между старымъ и новымъ обрядомъ, и не оказала преступнаго „попустительства“ старообрядческому „оказательству“. Съ этимъ послѣднимъ терминомъ у меня было не мало возни въ Измаилѣ. Мѣстные старообрядцы, а ихъ въ уѣздѣ было не мало, оказали во время войны съ Турціей значительныя услуги русскому войску; неловко было, присоединивъ ихъ къ Россіи, немедленно начать примѣненіе къ нимъ мѣръ въ духѣ православнаго фанатизма. Появился хорошо извѣстный всѣмъ старообрядцамъ секретный циркуляръ губернатору съ изложеніемъ Высочайшаго повелѣнія, запрещающаго слишкомъ притѣснять измаильскихъ раскольниковъ въ ихъ обрядахъ, пока таковыя исправляются безъ смущающаго православную церковь „оказательства“.

Я засталъ въ своей канцеляріи свѣдѣнія и воспоминанія объ этомъ распоряженіи, но самый циркуляръ былъ уже изъятъ кѣмъ-то изъ моихъ предшественниковъ и, ко времени 25-лѣтія присоединенія Измаила, къ мѣстнымъ старообрядцамъ примѣнялись обычныя стѣснительныя мѣры.

„Оказательство“ выставлялось противъ нихъ, какъ опасное и всегда побѣдоносное оружіе. Въ самомъ

дѣлѣ, пусть кто-нибудь попробуетъ звонить въ колокола безъ оказательства, или безъ видимаго оказательства, итти крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Кончилось тѣмъ, что при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго „миссіонера“—этого всѣмъ ненавистнаго представителя православнаго іезуитизма и православнаго инквизиціоннаго духа, измаильское старообрядчество сравнялось съ російскимъ и даже было въ худшемъ положеніи, такъ какъ оно сознавало себя болѣе обиженнымъ, лишеннымъ обѣщанной ему русскимъ правительствомъ терпимости. Полиція, конечно, какъ это всегда бываетъ, примѣнялась къ задаваемому духовнымъ начальствомъ тону, и въ результатѣ получалась, на примѣръ, такая картина.

Мѣстный старообрядческій архіерей, уважаемый старикъ, рукополагавшій священниковъ, духовный авторитетъ [всѣхъ мѣстныхъ раскольниковъ, собирався выѣхать въ Румынію. По паспорту онъ числился мѣщаниномъ Василиемъ Лебедевымъ и, въ качествѣ такового, долженъ былъ явиться за паспортомъ въ полицейское управленіе, непременно лично. Его заставляли ждать нѣкоторое время, послѣ чего приставъ возглашалъ во всеуслышаніе: „тамъ Васька Лебедевъ паспорта дожидается, позовите Ваську“. Архіерей входилъ и непременно выслушивалъ такой вопросъ: „Тебѣ паспортъ нуженъ? Получи.“

Такимъ образомъ проявлялось „оказательство“ русской правительственной власти въ противовѣсъ оказательству раскольниковъ обрядностей.

Въ Измаилѣ началось обычное въ Россіи примѣненіе правилъ о постройкѣ и ремонтѣ старообрядческихъ храмовъ. Новыхъ зданій возводить не дозволялось, починка старыхъ допускалась лишь при условіи сохраненія прежняго вида зданія. Когда я пріѣхалъ въ Измаилъ, то мнѣ немедленно, со стороны православнаго духовенства, подана была жалоба съ указаніемъ на

неправильныя дѣйствія полиціи, допустившей расширеніе раскольничьей церкви. Дѣло заключалось въ томъ, что старообрядцы, послѣ долгихъ хлопотъ, и, вѣроятно, не безъ денежныхъ жертвъ, получили разрѣшеніе губернскаго правленія окружить стѣны своей церкви кирпичными контрфорсами. Они повели дѣло такъ успѣшно, что вскорѣ всѣ церковныя стѣны были заключены въ новый футляръ саженой толщины, послѣ чего оказалось возможнымъ вынуть часть стѣнъ внутри церкви. Въ образованныхъ такимъ образомъ нишахъ размѣстилось человѣкъ 100 лишнихъ прихожанъ. Такая хитрость возмутила православное духовенство, просившее меня не допускать по отношенію къ его соперникамъ дальнѣйшихъ послабленій.

Я съ дѣтства чувствовалъ пристрастіе къ раскольникамъ, которые въ нашихъ мѣстахъ выгодно отличаются отъ остальнаго населенія трезвостью, дѣловитостью и какимъ-то чувствомъ собственнаго достоинства. Впослѣдствіи я убѣдился въ томъ, что среди русскаго христіанскаго населенія, которое на самомъ дѣлѣ, въ отношеніи обрядовыхъ формъ, а отчасти и по своимъ вѣрованіямъ, близко стоитъ къ идолопоклонству, наиболѣе живымъ и наименѣе индифферентнымъ въ религіозномъ отношеніи слѣдуетъ признать именно раскольниковъ и сектантовъ, крѣпко стоящихъ за свою вѣру и свой обрядъ, а иногда и стремящихся найти новые пути своимъ религіознымъ идеаламъ. Къ массѣ православнаго духовенства, духовную роль котораго врядъ ли кто-нибудь, кромѣ его представителей, найдетъ возможнымъ защищать, у меня создалось непобѣдимое предубѣжденіе. Поэтому я воспользовался представившимся случаемъ и сдѣлалъ все, что могъ, для удовлетворенія скромныхъ просьбъ, представленныхъ мнѣ измаильскими старовѣрами.

Московскіе старообрядцы Рогожскаго кладбища пожертвовали своимъ измаильскимъ единовѣрцамъ ко-

локоль въ память коронованія Императора Николая II. На принятіе этого пожертвованія послѣдовало Высочайшее соизволеніе, но бессарабское губернское правленіе, на основаніи требованія духовнаго начальства, отказало въ разрѣшеніи построить для колокола колокольню. Я немедленно разрѣшилъ старообрядцамъ начать эту постройку, составивъ впослѣдствіи, по возвращеніи въ Кишиневъ, постановленіе по губернскому правленію, въ которомъ вывелъ необходимость такого разрѣшенія изъ смысла упомянутаго Высочайшаго соизволенія.

Посѣтивъ затѣмъ старообрядческую церковь, въ которой былъ отслуженъ въ моемъ присутствіи молебенъ о здравіи царской семьи, я нашелъ возможнымъ удовлетворить нѣсколько малозначащихъ пожеланій старообрядческаго духовенства, вродѣ разрѣшенія поправки желоба на церковной крышѣ и водосточныхъ трубъ, на что полиція не соглашалась, требуя непременно особаго постановленія строительнаго отдѣленія губернскаго правленія. Наконецъ, ко мнѣ обратились съ болѣе серьезной просьбой о возобновленіи деревянной церкви, въ которой богослуженіе прекратилось вскорѣ послѣ 1878 года, вслѣдствіе ветхости зданія.

Я пожелалъ осмотрѣть лично какъ церковь, такъ и планъ, по которому рассчитывали ее возстановить. Изъ представленнаго мнѣ плана я увидѣлъ, что предполагаемое сооруженіе старообрядцы намѣревались возвести не изъ дерева, а изъ кирпича, и одно это обстоятельство уже лишало меня по закону возможности не только дать просимое разрѣшеніе, но даже общать, что губернское правленіе займется разсмотрѣніемъ просьбы старообрядцевъ. Когда же меня, послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, привели къ тому мѣсту, гдѣ я думалъ увидѣть старый храмъ, то я нашелъ только заросшій крапивой пустырь, на которомъ, несомнѣнно, была когда-то постройка, исчезнувшая, однако, на-

столько безслѣдно, что не представлялось возможнымъ, даже по очертаніямъ на почвѣ, опредѣлить, что именно она прежде изъ себя представляла.

Я не могъ сердиться на бѣдныхъ старообрядцевъ за попытки ввести меня въ обманъ и научилъ ихъ, какъ подать прошеніе на Высочайшее имя объ удовлетвореніи желанія, значеніе и государственную важность котораго могли, какъ оказывалось, понять и оцѣнить по достоинству лишь петербургскіе государственные умы.

Отъ Измаильской крѣпости, которую штурмовалъ Суворовъ, не осталось слѣдовъ, кромѣ неровностей мѣстности, не дающихъ никакого представленія о бывшей турецкой твердынѣ. Особыхъ достопримѣчательностей въ Измаилѣ нѣтъ, но городъ очень симпатиченъ, сравнительно благоустроенъ и достаточно оживленъ. Его очень скрашиваетъ Дунай, полноводный рукавъ котораго, вмѣстѣ съ частью Чернаго моря, составляетъ южную границу Бессарабіи.

Я проѣхалъ на небольшомъ пароходѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе начальникомъ пограничной стражи, отъ Рени до Вилкова, т.-е. по всему Килійскому рукаву Дуная, находящемуся въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Путешествіе это было чрезвычайно приятно. Среди остановокъ по пути, достойно упоминанія посѣщеніе нами села Вилкова, населеннаго давними выходцами центральной Россіи.

Меня предупреждали, что въ Вилковѣ я увижу „что-нибудь особеннаго“, какъ говорятъ въ Бессарабіи. Исправникъ сообщалъ о томъ, что вилковцы народъ буйный и пьяный; другіе рассказывали про оригинальное мѣстоположеніе села; третьи предвкушали удовольствіе попробовать вилковской икры; наконецъ, ѣхавшій съ нами врачъ рассказывалъ о томъ, что головы вилковцевъ такъ устроены, что самыя тяжелыя раны на черепахъ, пробитыхъ веслами во время драки, зажива-

ютъ въ двѣ недѣли, хотя у прочихъ людей такія пораненія повлекли бы за собой смертельный исходъ.

Село Вилково расположено недалеко отъ впаденія рѣки въ Черное море, у самой воды, и перерѣзано ериками Дуная на нѣсколько частей, благодаря чему сообщеніе, внутри села, происходитъ столько же на лодкахъ, сколько по сухому пути. Вода для вилковца — родная стихія, а лодка — второй домъ. Въ началѣ недѣли все рабочее населеніе деревни выѣзжаетъ въ море и разставляетъ сѣти для ловли крупной рыбы, бѣлуги, осетра, стерляди, а затѣмъ объѣзжаетъ и провѣряетъ добычу, возвращаясь въ субботу домой съ пойманной рыбой.

Ѣздятъ вилковцы артелями и постоянно схватываются другъ съ другомъ и съ сосѣдями румынами, споря какъ изъ-за мѣстъ, такъ и по поводу нерѣдкихъ случаевъ присвоенія какой-нибудь артелью чужого „товара“, пойманнаго непринадлежащей ей сѣтью. Тогда, въ открытомъ морѣ, обиженные рыбаки идутъ на абордажъ къ лодкѣ своихъ соперниковъ, и начинается перестрѣлка, переходящая нерѣдко въ бой на веслахъ. Въ результатѣ обыкновенно привозятъ домой нѣсколько тяжело раненныхъ, съ разбитыми головами, рыбаковъ, скорое выздоровленіе которыхъ и приводило въ изумленіе мѣстнаго врача, видѣвшаго въ этомъ явленіи доказательство наслѣдственного приспособленія вилковскихъ головъ къ такого рода пораненіямъ.

Когда пароходъ нашъ подошелъ, въ праздничный день, къ пристани села, мы увидѣли оригинальную для Бессарабіи картину разряженной, веселой, нѣсколько буйной и подвыпившей, чисто-русской толпы. Мужчины въ кумачевыхъ красныхъ рубахахъ, женщины въ яркихъ платкахъ и „полушалыникахъ“, специально высылаемыхъ въ Вилково изъ Москвы, съ бусами на шеѣ, съ подсолнухами за пазухой, столпились у пристани и смотрѣли на пріѣздъ губернатора весело и смѣло, съ тѣмъ

оттѣнкомъ лукавой критики и готовой выступить наружу насмѣшки, о которомъ я начиналъ забывать среди флегматически-лѣниваго, покорнаго и съ виду приниженнаго молдаванскаго населенія Бессарабіи. Для вилковцевъ прїѣздъ губернатора казался случайной праздничной забавой, въ которой они съ удовольствіемъ приняли участіе, изображая собой нѣчто подобное нарядной толпѣ въ комедіи изъ русскаго быта. Они держались очень прївѣтливо и любезно, но довольно безцеремонно галдѣли, перекидываясь между собой шутками и остротами и громко смѣясь удачнымъ выходкамъ своихъ остроумцевъ. Надо упомянуть, что мужчины были почти всѣ подъ хмѣлькомъ, благодаря успѣшной торговлѣ мѣстной казенной винной лавки, собиравшей съ вилковцевъ до 80,000 рублей въ годъ.

Рыбы въ лодкахъ, рыбы, распластанныя на помостахъ у пристаней, рыбы въ набитыхъ льдомъ подвалахъ, разговоры о рыбномъ промыслѣ, жалобы на стѣснительныя рыболовныя правила — вотъ почти все, что я слышалъ и видѣлъ въ Вилковѣ. Десять, пятнадцать мѣстныхъ скупщиковъ рыбы снабжаютъ вилковцевъ снастями въ кредитъ, выдаютъ имъ авансы и принимаютъ отъ нихъ по субботамъ весь товаръ за опредѣленную попудную цѣну, устанавливаемую на сроки, отчасти подъ вліяніемъ естественнаго компромисса между спросомъ и предложеніемъ, а отчасти какъ результатъ соглашенія скупщиковъ между собой.

Съ каждаго пуда рыбы и икры покупщикъ удерживаетъ извѣстную сумму, кажется, 10—15%, которая вносится имъ въ мѣстное правленіе, на уплату податей и мірскихъ расходовъ села.

Такимъ образомъ, сама рыба уплачиваетъ повинности Вилкова какъ за рабочее его населеніе, такъ и за инвалидовъ.

Остальныя деньги заносятся въ счетъ выданныхъ рыбакамъ авансовъ, но не сполна, такъ какъ скупщи-

камъ выгодно имѣть за своими кліентами рыбаками постоянный долгъ, чтобы они не могли ставить рыбы купцамъ конкурентамъ. Крупными скупщиками Вилкова распушены по рыбакамъ, въ видѣ задатковъ и авансовъ, громадныя суммы, доходящія въ отдѣльных случаяхъ до 50,000 рублей, какъ я убѣдился изъ обзора книгъ одного изъ торговыхъ домовъ села Вилкова, торгующаго рыбными товарами съ Берлиномъ и Вѣной.

Вся эта сумма считается фирмой мертвымъ и безвозвратнымъ капиталомъ. Долги, постепенно погашаемые, одновременно заключаются вновь, и, въ результатѣ, огромная сумма переходитъ по торговымъ книгамъ изъ года въ годъ, медленно увеличиваясь и служа для скупщика средствомъ держать рыбаковъ въ зависимости и не давать имъ капризничать и свободно распоряжаться продажей своей добычи. Однако, я замѣтилъ въ Вилковѣ признаки, указывающіе на стремленіе рыбаковъ освободиться отъ ига, наложеннаго на ихъ промыселъ капиталомъ, и я думаю, что недолго ждать того времени, когда купцамъ придется съ большимъ убыткомъ ликвидировать свои претензіи. Смѣтливость, независимый характеръ и отчаянная смѣлость вилковскихъ рыбаковъ умѣряются только водкой, держащей ихъ въ оковахъ постояннаго полуопьяненія въ теченіе тѣхъ рѣдкихъ сравнительно дней, которые они проводятъ на сушѣ, въ своемъ родномъ селѣ.

Выслушавъ жалобы рыбаковъ на притѣсненія ихъ скупщиками рыбы и жалобы скупщиковъ на недобросовѣстность рыбаковъ, я осмотрѣлъ село и его общественныя учрежденія, послѣ чего главный рыбный торговецъ Вилкова предложилъ моимъ спутникамъ и мнѣ оригинальное угощеніе. Намъ подали нѣсколько кусковъ бѣлаго хлѣба, огромный графинъ холоднаго вина и миску, наполненную зернистой икрой вчерашняго приготовления, похожей съ виду на крупную дробь. Мы съѣли эту икру въ глубокихъ тарелкахъ, столовыми

ложками, и не смогли очистить миски, несмотря на то, что наполняли свои тарелки по нѣскольку разъ.

Изъ Вилкова я проѣхалъ въ Одессу на пароходѣ, совершающемъ по Дунаю и Черному морю правильные рейсы. Въ Одессѣ я не хотѣлъ останавливаться, несмотря на привлекательность этого красиваго города; я избѣгалъ визитовъ, которые пришлось бы дѣлать мѣстнымъ властямъ, въ случаѣ продолжительнаго пребыванія, и потому, переночевавъ въ одной изъ приморскихъ гостинницъ и полюбовавшись вечеромъ на оживленный одесскій бульваръ, а утромъ на одесскую гавань, выѣхалъ въ Аккерманскій уѣздъ.

Недалеко отъ города Аккермана находится знаменитое своими виноградниками село Шабо, населенное швейцарцами. Шабо имѣетъ обычное русское сельское волостное устройство, причемъ село, по своей обширности, составляетъ одновременно и волость. Когда я подѣхалъ въ волостному правленію, меня на крыльцѣ встрѣтилъ одѣтый въ черный сюртукъ господинъ, оказавшійся волостнымъ старшиной. Я съ удивленіемъ приглядывался къ новому для меня типу старшины, говорившаго по-французски и нѣмецки такъ же бѣгло, какъ и по-русски.

Зала засѣданій волостного правленія оказалась подъ стать старшинѣ; въ ней, кромѣ правильно расположенныхъ скамей для членовъ схода, имѣлась каѳедра для оратора, предсѣдательскій столъ съ кресломъ и бюро для волостного писаря. На стѣнахъ висѣли планы села и приписанной къ селу земли, представляющіе собой образецъ умѣлаго распредѣленія участковъ по рядамъ земли, по качеству и цѣнности почвы и по удобству землепользованія.

Шабскому сходу не нужно было, какъ нашимъ крестьянамъ, постоянно бродить съ сажеными палками въ рукахъ, отмѣряя части cadastralнаго домохозяина. Здѣсь можно было, не выходя изъ зданія волостного правленія,

по плану опредѣлить номеръ cadastralнаго владѣльца, произвести передѣлы и выдѣлы и разрѣшить любую землеустроительную задачу, не выходя на „мѣстоположеніе“, какъ говорятъ наши крестьяне.

Осмотрѣли мы и школы, между прочимъ французско-нѣмецкую, въ которой дѣти швейцарскихъ выходцевъ обязательно изучали одинъ изъ двухъ языковъ, бывшій когда-то для нихъ роднымъ.

При поѣздкахъ своихъ по губерніи, я посѣтилъ нѣсколько десятковъ волостныхъ правленій, останавливался и въ селахъ, говорилъ съ крестьянами, старался ознакомиться съ ихъ бытомъ и нравами. Масса впечатлѣній, полученныхъ мною при этомъ, слилась въ одну общую картину, давшую мнѣ возможность отдать себѣ болѣе ясный отчетъ относительно потребностей мѣстнаго сельскаго населенія, но фактовъ, сколько-нибудь яркихъ, имѣющихъ общій интересъ, я въ настоящее время припомнить не могу. Я заканчиваю, поэтому, мой отчетъ по обзорѣ уѣздовъ Бессарабіи упоминаніемъ о выводѣ, къ которому меня привели мои мѣстныя наблюденія: прежде всего и важнѣе всего остального — народное образованіе, а затѣмъ побольше самостоятельности и поменьше попечительной власти начальства — таковы, повидимому, повсемѣстно, требованія русской народной жизни.

XI.

Съ удовольствіемъ вспоминаю о пятидневномъ пребываніи своемъ въ Румыніи, куда я былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію, по случаю пріѣзда въ городъ Яссы румынской королевской семьи.

28 сентября 1904 года я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Святополкъ-Мирскаго, телеграмму слѣдующаго содержанія: „Перваго октября состоится прибытіе въ Яссы короля румынскаго. По Всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о желательности командированія вашего сіятельства въ Яссы для привѣтствованія короля отъ Высочайшаго имени, Его Императорское Величество на сіе соизволилъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи сообщая вашему сіятельству для исполненія“. Телеграмму эту я получилъ поздно вечеромъ, а тридцатаго надо было выѣзжать; оставался только одинъ день на сборы и приготовленія.

Баронъ Стуартъ и другіе опытные люди, съ которыми я посовѣтовался по поводу этой неожиданной поѣздки, предупреждали меня, что румыны очень цѣнятъ актъ вѣжливости русскаго правительства по отношенію къ ихъ королю и что они, любя пышность и блескъ, постараются придать моему пріѣзду большое значеніе и торжественный видъ. Пришлось позаботиться о томъ, чтобы облечь свою миссію въ болѣе блестящую форму, а потому я рѣшилъ ѣхать не въ одиночествѣ, а съ провожатыми, и взялъ съ собой непремѣннаго члена губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія А. Д. Радко, знающаго румынскій языкъ, и старшаго совѣтника гу-

бернскаго правленія фонъ-Ререна, говорившаго свободно по-нѣмецки.

Тридцатаго сентября, около трехъ часовъ дня, мы переѣхали границу у послѣдней русской станціи „Унгени“ и пересѣли въ особый вагонъ, высланный за мной изъ Яссъ. На границѣ насъ встрѣтили мѣстный русскій консулъ и румынскій артиллерійскій капитанъ съ гражданскимъ чиновникомъ, командированные для сопровожденія меня по Румыніи.

Черезъ 30—40 минутъ мы пріѣхали въ Яссы. На платформѣ вокзала я увидѣлъ порядочную толпу любопытствующихъ и нѣсколько официальныхъ лицъ, выѣхавшихъ для встрѣчи русскаго „генералъ-губернатора“, какъ именовали меня румынскія газеты, выпустившія наканунѣ фантастическую біографію „одного изъ первыхъ сановниковъ имперіи, приближеннаго русскаго Царя.“.

Представитель города Яссъ, мѣстный префектъ полиціи и командиръ бригады, съ которыми я познакомился при выходѣ изъ вагона, объяснили мнѣ на французскомъ языкѣ, которымъ они всѣ владѣли вполне свободно, что мнѣ отведено городомъ помѣщеніе въ гостинницѣ Траянъ и что, по приказанію короля, я долженъ пользоваться дворцовымъ экипажемъ, который ожидалъ меня у подѣзда. Другой экипажъ, парную коляску, нашелъ для меня нашъ консулъ, за 40 франковъ въ день, и то потому только, что большинство извозчиковъ въ Яссахъ оказались русскими эмигрантами, — принадлежащими къ запрещенной сектѣ такъ-называемыхъ „бѣлыхъ голубей“. Узнавъ о пріѣздѣ русскаго губернатора, они постарались услужить соотечественнику и добыли мнѣ экипажъ, несмотря на то, что въ теченіе первыхъ сутокъ пребыванія королевской семьи въ Яссахъ нельзя было достать лошадей и за сто франковъ въ день.

Я поѣхалъ въ гостинницу, гдѣ занялъ, приготовленную для меня отдѣльную большую комнату, предо-

ставивъ моимъ спутникамъ ютиться въ небольшомъ номерѣ. Префектъ былъ очень смущенъ тѣснотой въ городѣ и все время извинялся передо мной за недостатки помѣщенія, которое мнѣ показалось очень удобнымъ. Въ сопровожденіи прикомандированнаго ко мнѣ, на все время пребыванія моего въ Яссахъ, артиллерійскаго капитана, очень образованнаго, милаго и умнаго, я сдѣлалъ 20—30 визитовъ и между прочимъ очень долго пробылъ у главы румынскаго кабинета — перваго министра Стурдзы, тонкаго дипломата, опытнаго и необыкновенно трудолюбиваго старика лѣтъ 75-ти. Стурдза, никогда не служившій по военной части, былъ одновременно президентомъ кабинета и военнымъ министромъ.

Онъ рассказывалъ мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ о тѣхъ милліонахъ, которые Румынія потратила на укрѣпленіе русской границы подъ вліяніемъ ложнаго страха передъ завоевательными стремленіями Россіи, раздуваемаго однимъ сосѣднимъ государствомъ, котораго онъ мнѣ не назвалъ. При этомъ первый министръ много говорилъ о королѣ Карлѣ, о его лояльности, вѣрности и добросовѣстномъ трудолюбіи, съ которымъ онъ вникалъ во всѣ дѣла управленія, работая подолгу съ каждымъ изъ своихъ министровъ. „Нашъ король не хочетъ имѣть среди насъ ни личныхъ друзей, ни личныхъ враговъ, онъ никогда не руководится въ дѣлахъ управленія личными симпатіями“, — сказалъ Стурдза и привелъ въ доказательство своихъ словъ примѣръ, показавшійся мнѣ любопытнымъ.

Семь лѣтъ тому назадъ, при послѣднемъ посѣщеніи королемъ Карломъ города Яссы, румынское министерство состояло изъ консерваторовъ, непопулярныхъ въ странѣ, но пользовавшихся поддержкой палаты депутатовъ. Короля обвиняли въ непониманіи настроенія Румыніи, въ реакціонерствѣ, въ боязни реформъ — популярность его ослабла. Оппозиціонная печать называла его ино-

странцемъ, нѣмцемъ, пріѣхавшимъ нажитья на счетъ чуждаго ему румынскаго народа. Каррикатуры, изображавшія короля въ видѣ осла, съ мѣшкомъ денегъ на спинѣ, продавались даже на бланкахъ открытыхъ писемъ. Жители Яссы поддались общему настроенію и встрѣтили своего короля болѣе чѣмъ холодно, а одинъ изъ вліятельныхъ членовъ оппозиціи организовалъ даже демонстрацію: часть городской публики, подъ его предводительствомъ, усердно свистала при въѣздѣ Карла въ Яссы.

Прошло нѣсколько лѣтъ, министерство смѣнилось, либералы восторжествовали. Открылась вакансія префекта города Яссы и на эту должность король назначилъ того самаго Р..., который устроилъ ему когда-то нѣчто вродѣ кошачьяго концерта. „Посмотрите, — сказалъ мнѣ Стурдза, — какъ завтра будутъ встрѣчать короля. Неправда ли, оригинально будетъ видѣть Р... въ качествѣ префекта городской полиціи, охраняющаго порядокъ во главѣ королевскаго кортежа?“

На слѣдующій день, часовъ около четырехъ дня, мнѣ предстояло встрѣтить королевскую семью. Задолго до прихода поѣзда, на вокзалѣ собрались нарядныя дамы, высшіе военные чины, пріѣхавшіе въ Яссы министры, представители города, депутаты и тѣ мѣстные жители, которые получили доступъ на вокзалъ. Остальная публика стояла на площадкѣ передъ дебаркадеромъ и на тротуарахъ улицъ, по которымъ предстояло проѣзжать высокимъ посѣтителемъ.

Австрійскаго генерала, присланнаго въ Яссы съ тою же цѣлью, съ какой прибылъ и я, поставили вмѣстѣ со мной, во главѣ средняго прохода, устроеннаго по направленію отъ рельсоваго пути къ дверямъ вокзала, а противъ насъ помѣстился Стурдза.

При звукахъ румынскаго гимна медленно подошелъ поѣздъ. У опущеннаго окна вагона стояла пожилая дама съ бѣлыми густыми волосами и румянымъ

лицомъ, которая, еще во время хода поѣзда, привѣтливо кланялась, улыбаясь въ отвѣтъ на обращенные къ ней поклоны.

По видѣннымъ ранѣ портретамъ, я узналъ въ ней писательницу Карменъ-Сильву—королеву Румыніи. Поѣздъ остановился и королевская семья, съ королемъ Карломъ во главѣ, сошла на коверъ между Стурдзой и мной. Король съ военнымъ министръ-премьеромъ пошелъ по фронту почетнаго караула, а затѣмъ, возвратившись, обратился ко мнѣ. Я произнесъ на французскомъ языкѣ заготовленное привѣтствіе, на которое Карлъ отвѣтилъ нѣсколькими любезными словами въ то время, какъ сопровождавшая его свита смотрѣла на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ, какъ на единственнаго гражданскаго чина, облеченнаго въ мундиръ, притомъ чужого государства.

Послѣ представленія королю австрійскаго генерала и нѣсколькихъ мѣстныхъ чиновъ, мы вошли въ большую станціонную залу, гдѣ королева, наслѣдникъ престола и его супруга — внучка русскаго Императора Александра II-го, разговаривали съ городскими дамами. Ко мнѣ подошелъ управляющій дворцомъ и, отъ имени короля, передалъ приглашеніе на обѣдъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы поѣхали во дворецъ въ такомъ порядкѣ: король съ королевой въ открытомъ экипажѣ, на передней скамейкѣ котораго сидѣлъ Стурдза; за ними — наслѣдникъ престола съ супругой и сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 10; затѣмъ слѣдовалъ мой экипажъ, послѣ котораго занималъ мѣсто такой-же экипажъ посланца австрійскаго императора.

Мы подвигались очень тихо, среди густой толпы народа, восторженно привѣтствовавшей королевскую семью, въ особенности короля, королеву и маленькаго принца Карла, родившагося въ Румыніи и крещенаго въ православной вѣрѣ. Наслѣдникъ престола, приходящійся, кажется, племянникомъ королю Карлу, а также

его супруга, не вызывали особенныхъ восторговъ населенія, но оваціи по адресу королевской четы были, дѣйствительно, искренни и горячи, доказывая любовь населенія къ Карлу и благодарность его за тѣ труды, которые король добросовѣстно несъ, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, на пользу чуждыхъ ему по племени румынъ.

Картина встрѣчи была очень торжественна и даже трогательна. Мѣстные вечернія газеты не поскупились на краски для описанія королевскаго шествія и привлекли даже меня въ качествѣ свидѣтеля „единенія“ румынскаго короля съ его народомъ. „Мы видѣли слезы на глазахъ русскаго генераль-губернатора, передавалъ зарвавшійся корреспондентъ, и слышали, какъ онъ прошепталъ: „О, почему мнѣ не суждено видѣть моего Царя, окруженнаго довѣріемъ и любовью своего народа!“

Расписавшись во дворцѣ и въ помѣщеніи, занятомъ наслѣдникомъ престола, я вернулся въ гостиницу. Обѣдъ во дворцѣ былъ назначенъ въ 7 часовъ, какъ указывало врученное мнѣ, за нѣсколько минутъ до отъѣзда, приглашеніе. Я поѣхалъ все съ тѣмъ же, не покидавшимъ меня, капитаномъ К., и былъ введенъ въ гостиную, гдѣ собралось человѣкъ шестьдесятъ.

Завѣдующій дворцомъ показалъ намъ планъ стола и мѣсто, которое каждому изъ насъ предстояло занять. Мнѣ назначено было сидѣть близъ короля, въ непосредственномъ сосѣдствѣ супруги наслѣдника престола. Это послѣднее обстоятельство меня очень смутило: я совершенно не зналъ, какъ надо себя вести съ царственными особами женскаго пола, не имѣлъ представленія о томъ, какъ и что можно имъ говорить, надо ли только отвѣчать на ихъ вопросы, или можно вести разговоръ самостоятельно и свободно. Предчувствіе надвигавшагося на меня неловкаго положенія, какъ оказалось, не было напраснымъ и я, въ самомъ началѣ обѣда, совершилъ порядочную безтактность, въ которой

черезъ нѣсколько дней повинулся самой Кармень-Сильвѣ, послѣ того, какъ мы, забывъ о румынской коронѣ, разговорились съ ней о литературѣ, театрѣ и прочихъ общечеловѣческихъ вопросахъ. Усѣвшись за столъ, послѣ Высочайшаго выхода и представленія членамъ королевской семьи, я началъ говорить своей сосѣдкѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня ея сыномъ. Мальчикъ, дѣйствительно, былъ необыкновенно милъ, простъ и симпатиченъ, и я видѣлъ, что мои похвалы принимаются его матерью съ удовольствіемъ. Тогда, какъ это часто бываетъ, я сталъ варьировать все тотъ же мотивъ и дошелъ, наконецъ, до пожеланія, чтобы принцъ Карлъ сдѣлался великимъ національнымъ королемъ Румыніи и чтобы мать его была свидѣтельницей государственныхъ подвиговъ своего сына. Такое пожеланіе, подразумѣвавшее необходимость смерти не только царствующаго короля, но и его наслѣдника, мужа моей высокой собесѣдницы, нельзя было счесть особенно удачнымъ, но, къ счастью, члены царскихъ семействъ, привычные ко всякимъ промахамъ своихъ собесѣдниковъ, очень снисходительны и выдержаны. Слова мои пролетѣли незамѣтно, не вызвавъ ничего, кромѣ любезной улыбки. Однако, я радъ былъ возможности повернуться въ другую сторону, отвѣчая на вопросы короля, начавшаго со мной разговоръ, который потомъ нѣсколько разъ возобновлялся и очень меня заинтересовалъ.

Я ежедневно въ теченіе шести дней завтракалъ и обѣдалъ во дворцѣ, за исключеніемъ одного обѣда, о которомъ расскажу особо, и всякій разъ сидѣлъ рядомъ съ королемъ или королевой.

Король Карлъ очень интересовался Россіей и много спрашивалъ меня о нашемъ народѣ, о его желаніяхъ и потребностяхъ, о степени его развитія. Когда онъ однажды, по поводу вновь заключеннаго нами торговаго договора съ Германіей, упомянулъ о единствѣ

русской государственной власти и о возможности проводить въ Россіи важныя мѣропріятія безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ палатѣ, измѣнчивый составъ которой вноситъ иногда въ управленіе страной нѣкоторую рознь и непослѣдовательность, я постарался объяснить конституціонному королю, что въ нашей абсолютной монархіи столько же правительствъ, сколько министерствъ, и что у насъ перемѣны въ направленіи внутренней политики такъ же часты, какъ часты смѣны отдѣльныхъ министровъ.

„Каждый русскій министръ, сказалъ я, имѣетъ самостоятельный докладъ у Государя и ведетъ свою линію не справляясь съ тѣмъ, что дѣлается въ сосѣднемъ министерствѣ. Именно единства управленія и нѣтъ въ Россіи, такъ какъ Государь не можетъ, конечно, однимъ личнымъ руководствомъ установить ту связь между министерствами, которая создается солидарностью членовъ кабинета.“ На возраженіе короля по поводу существованія у насъ совѣта министровъ, служащаго объединительнымъ органомъ для всѣхъ министерствъ, я постарался выяснитъ, что русскій совѣтъ министровъ — учрежденіе совершенно фиктивное, что совѣтъ этотъ никогда не собирается и никакой роли въ управленіи страной не играетъ.

Затѣмъ король сталъ спрашивать меня о нашемъ мѣстномъ управленіи, о земствѣ и волостяхъ, высказавшись за необходимость децентрализаціи управленія и расширенія компетенціи самоуправленія въ духѣ реформъ Императора Александра II-го, о которомъ онъ отзывался съ большимъ уваженіемъ. Развивая идею о необходимости для Россіи широкой децентрализаціи управленія, король высказалъ мысль, что наше государство должно быть раздѣлено на нѣсколько крупныхъ областей, въ зависимости отъ преобладающихъ въ нихъ національностей, съ предоставленіемъ областнымъ учреждениямъ права развивать свое мѣстное устройство со-

гласно исторически сложившимся особенностямъ каждого края. Король утверждалъ, что намъ непременно придется перейти современемъ къ автономическому устройству отдѣльныхъ областей, составляющихъ русское государство, поставивъ во главѣ ихъ начальниковъ края, въ качествѣ представителей Императора, объединяющихъ отдѣльныя провинціи въ общегосударственномъ отношеніи. Такую реформу король находилъ неизбежной, полагая, что усилія русскаго правительства, клонящіяся къ искорененію племенныхъ особенностей, къ общей нивелировкѣ и централизациі управленія, ослабляютъ власть и не столько охраняютъ, сколько разрушаютъ идею русской государственности.

Мнѣ казалось неудобнымъ, при томъ официальномъ положеніи, которое я занималъ, высказываться по вопросу о перемѣнѣ формы правленія въ Россіи и я не сталъ излагать своему собесѣднику сомнѣній въ возможности установленія областныхъ представительныхъ учрежденій, не создавъ одновременно общеимперскаго парламента. Но мысли, высказанныя румынскимъ королемъ, показались мнѣ очень интересными. Особенно интересно мнѣ вспомнить о нихъ теперь, черезъ два года, когда русскій парламентъ уже вторично созванъ, а вопросъ объ областной автономіи начинается выступать передъ нами какъ задача, отъ обсуждения которой врядъ ли можно уклониться, несмотря на непопулярность этой идеи въ центральной Россіи и въ правящихъ кругахъ.

Говоря о мѣстной полиціи, король съ удовольствіемъ и нѣкоторой гордостью сообщилъ мнѣ, что ему недавно удалось провести въ палатѣ законъ, согласно которому полицейскія должности, соотвѣтствующія нашимъ околоточнымъ надзирателямъ, должны быть замѣщаемы въ городахъ Румыніи исключительно лицами, получившими высшее юридическое образованіе. Я уже раньше обратилъ вниманіе на этихъ полицейскихъ

комиссаровъ, одѣтыхъ въ черные сюртуки, съ розетками на груди, въ блестящихъ цилиндрахъ, и оцѣнилъ ихъ безшумную и вѣжливую распорядительность во время стѣсненія движенія на улицахъ города Яссы.

На результаты войны съ Японіей король смотрѣлъ оптимистически, принимая въ соображеніе, что русскія войска часто испытывали неудачи при началѣ походовъ и обыкновенно побѣждали къ ихъ концу. Указавъ на Георгіевскій крестъ, полученный имъ отъ Императора Александра II-го, во время восточной войны, король Карлъ разсказалъ мнѣ о своемъ участіи въ турецкой кампаніи и о неудавшейся атакѣ, которую онъ предпринялъ въ самомъ началѣ ея, вслѣдствіе молодости, горячности и желанія поскорѣе отличиться. И въ этомъ случаѣ мнѣ пришлось таить свои мысли, такъ какъ я не раздѣлялъ розовыхъ надеждъ короля Карла на торжество русскаго оружія въ японской войнѣ.

Румынская королева, сосѣдомъ которой, во время придворныхъ завтраковъ и обѣдовъ, мнѣ пришлось быть раза три — четыре, чрезвычайно легко и охотно отлагала въ сторону этикетъ и королевское величіе. Она, видимо, рада была найти въ представителѣ русскаго правительства новичка въ дипломатіи, откровенно сознававшегося ей въ недостаткахъ своего воспитанія, по-скольку оно касалось свѣтско-придворной жизни. Я былъ отчасти знакомъ съ тѣми произведеніями Карменъ-Сильвы, которыя были переведены на русскій языкъ, и, кромѣ того, присутствовалъ наканунѣ на придворномъ спектаклѣ, въ мѣстномъ театрѣ, гдѣ давалась очень эффектная драма изъ древне-германской жизни, принадлежащая перу моей собесѣдницы. Королева разсказала мнѣ содержаніе новой комедіи, которую намъ предстояло видѣть въ этотъ вечеръ, говорила объ игрѣ актеровъ и о томъ волненіи, которое она всегда испытываетъ, присутствуя въ театрѣ при исполненіи своихъ произведеній, въ двойной роли — королевы и

автора. Говоря о русской литературѣ, Кармень Сильва съ большой похвалой отозвалась о галантѣ Горькаго, съ произведеніями котораго она была прекрасно знакома и, подробно остановившись на повѣсти „Мальва“, доказывала, что Горькій внесъ въ обработку литературныхъ темъ совершенно новые приемы.

Послѣ пріѣзда въ Яссы королевской семьи, все мое время, съ 9 утра и до 12 ночи, проходило по распisanію.

Ежедневно утромъ происходили торжественныя церковныя службы по поводу освященія реставрированныхъ на средства короля старинныхъ православныхъ церквей древней румынской столицы. Я долженъ былъ встрѣчать королевскую семью у входа въ церковь и въ качествѣ представителя православнѣйшей страны, не только присутствовать при богослуженіи, но и принимать непосредственное участіе во всѣхъ церковныхъ церемоніяхъ: я усердно лилъ воду на освящаемые престолы въ алтаряхъ, вытиралъ губкой ихъ поверхность, растиралъ цементъ лопаткой и продѣлывалъ, вслѣдъ за королевской семьей, подъ руководствомъ митрополита и архіереевъ все, что полагалось по обряду освященія. Король Карлъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы я не пропускалъ своей очереди, заставляя меня выступать, для выполненія моей роли, непосредственно за маленькимъ принцемъ Карломъ.

Румынское духовенство, съ своей стороны, оказывало мнѣ особенное вниманіе, и соборный протодіаконъ однажды, за литургіей, счелъ нужнымъ проявить по отношенію къ русскому представителю своеобразную любезность: выйдя на амвонъ и покосившись въ мою сторону, онъ прочелъ по бумажкѣ эктенію на славянскомъ языкѣ, въ то время, какъ всѣ присутствующіе устремили на меня свои взоры. Изъ церкви мы всѣ отправлялись осматривать какое-нибудь учрежденіе — военную школу, университетъ, больницу, а затѣмъ завтракали во дворцѣ.

Послѣ завтрака продолжались осмотры, а послѣ обѣда мы отправлялись на парадный спектакль въ театръ, гдѣ австрійскому генералу и мнѣ была предложена литерная ложа.

Передъ однимъ изъ обѣдовъ, во время котораго король Карлъ долженъ былъ сказать нѣсколько словъ по адресу русскаго Императора и пить за его здоровье, мнѣ былъ врученъ королевскимъ адъютантомъ орденъ румынской короны первой степени, съ лентой и звѣздой. Согласно этикету, отвѣчать на королевскій тостъ не полагается, и я долженъ былъ въ этомъ случаѣ ограничиться глубокимъ поклономъ. Но на слѣдующій день, на обѣдѣ въ городскомъ домѣ, я пережилъ очень трудную минуту, благодаря привѣтственному тосту перваго министра, на который пришлось неожиданно отвѣчать. Получивъ приглашеніе Стурдзы, я полагалъ, что на городскомъ обѣдѣ будетъ присутствовать королевская семья и потому готовился къ исполненію обычной своей роли — почетнаго гостя безъ рѣчей. Но оказалось, что въ данномъ случаѣ обѣдъ давался не то городомъ министерству, не то министерствомъ городу. Присутствовали всѣ министры, всѣ бывшіе въ Яссахъ депутаты и еще масса лицъ — всего до 150 человекъ. Стурдза сидѣлъ по срединѣ стола, расположеннаго въ видѣ покоя въ огромной залѣ городского дома, а мы съ австрійскимъ генераломъ заняли мѣста по обѣ стороны перваго министра.

Послѣ тоста за королевскую семью, принятаго очень горячо, Стурдза всталъ и произнесъ на французскомъ языкѣ длинную политическую рѣчь, въ которой распространился о политикѣ кабинета, о результатахъ, достигнутыхъ Румыніей за послѣдніе годы парламентской работы, о международныхъ ея отношеніяхъ, а затѣмъ, перейдя къ вопросу о сосѣднихъ государствахъ, указалъ на любезность русскаго и австрійскаго императоровъ, приславшихъ своихъ представителей для

участія въ національномъ празднествѣ румынъ. Рѣчь закончилась въ нашу честь предложеніемъ пить за здоровье почетныхъ гостей, русскаго и австрійскаго.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, пока ко мнѣ тянулись бокалы ближайшихъ сосѣдей, стало ясно, что намъ надо отвѣчать на привѣтствіе, а умоляющій жестъ моего австрійскаго товарища доказалъ, что эта обязанность безповоротно легла на меня. Я зналъ, что отвѣчать надо немедленно, не садясь на мѣсто, и вмѣстѣ съ тѣмъ не находилъ въ своей головѣ ни одной связной мысли, ни одной вступительной фразы. Помню сейчасъ ощущеніе холода на спинѣ и стукъ въ вискахъ, когда я произнесъ первыя слова: „Monsieur le président du conseil des ministres“... Не имѣя представленія о дальнѣйшемъ развитіи рѣчи, которую готовились слушать, среди мертвой тишины, участники обѣда, устремившіе на меня внимательные взоры.

Тѣмъ не менѣе, усиленное напряженіе воли дало мнѣ возможность не только продолжать говорить, но даже найти такія выраженія, которыя заставили присутствующихъ нѣсколько разъ прерывать меня одобрительными возгласами и покрыть заключительныя слова мои громкими аплодисментами.

Благосклонная по отношенію ко мнѣ румынская печать, прибавила по своему обыкновенію всякаго рода измышленія и украшенія къ сказаннымъ мною словамъ, и на другой день, во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, можно было прочесть длинную рѣчь представителя Россіи, очень красиво и связно изложенную, въ которой, между прочимъ, содержались отдѣльныя фразы, дѣйствительно мною произнесенныя.

Пять дней, проведенные мною въ Яссахъ, пролетѣли незамѣтно, какъ странный и пріятный сонъ. При прощаніи, король Карль принялъ меня отдѣльно, долго со мной разговаривалъ и, подаривъ мнѣ на память нѣсколько медалей художественной работы, выразилъ

желаніе, чтобы я пріѣхалъ въ постоянную королевскую резиденцію погостить и ознакомиться съ ея достопримѣчательностями. Не могу скрыть, что я былъ очень польщенъ вниманіемъ, оказаннымъ мнѣ королемъ, о достоинствѣ и характерѣ котораго я составилъ себѣ очень высокое мнѣніе.

Пятаго октября я выѣхалъ изъ Яссъ, раздавъ, по составленному нашимъ консуломъ росписанію 1,200 франковъ „на чай“ во дворцѣ и въ гостиницѣ. Эта цифра можетъ служить отчасти мѣриломъ того значенія, которое придавали въ Яссахъ личности русскаго губернатора.

XII.

Осенью 1903 года я получил предложение министра внутренних дел высказаться по поводу положения евреевъ въ Россіи, и въ частности въ Бессарабіи, а также представить свои соображенія относительно тѣмъ измѣненій, которыя слѣдовало бы внести въ дѣйствовавшее въ то время законодательство о евреяхъ. Сводъ губернаторскихъ отзывовъ по возбужденному министромъ вопросу подлежалъ разсмотрѣнію особой комиссіи, которая въ то время еще не была образована, причемъ цѣль и направленіе работъ этой комиссіи оставались совершенно неопредѣленными и загадочными.

Выполняя порученіе В. К. Плеве, мнѣ пришлось привести въ нѣкоторую систему отрывочныя свѣдѣнія и наблюденія свои по поводу бессарабскихъ евреевъ, а также придти къ выводамъ, которые въ то время показались смѣлыми, такъ какъ они являлись осужденіемъ временныхъ правилъ 3 мая 1882 года, составленныхъ, какъ извѣстно, при ближайшемъ участіи Плеве, въ качествѣ директора департамента полиціи. Странно вспомнить теперь, послѣ заявленія первой Государственной Думы по поводу необходимости полнаго равноправія, о скромныхъ надеждахъ на евреевъ, въ 1903 году, относительно котораго частнаго расширенія имъ нѣкоторыхъ „льготъ“, какъ вали ослабленіе примѣняемыхъ ограничительныхъ и карательныхъ того, какъ наше министерство, адресъ, не высказало по поводу

никакого возраженія, странно вспомнить и о томъ впечатлѣніи, которое произвела въ петербургскихъ канцеляріяхъ моя скромная и умѣренная записка, въ которой не упоминалось ни объ уничтоженіи черты осѣдлости, ни о правѣ евреевъ покупать имѣнія, ни о правѣ ихъ занимать государственныя должности.

Если бы вопросъ о равноправіи евреевъ былъ у насъ не только поставленъ, но и разрѣшенъ, я не сталъ бы вводить послѣдующей главы въ свои воспоминанія. Но при настоящемъ положеніи дѣла, когда вопросъ этотъ еще находится на вѣсу, нѣкоторое освѣщеніе его, съ точки зрѣнія существующихъ законовъ и на основаніи мѣстныхъ наблюденій, пожалуй, не будетъ лишнимъ.

Пути, по которымъ русское правительство водило въ теченіе полутора столѣтій русскихъ евреевъ, поистинѣ неисповѣдимы. Если, съ одной стороны, еще въ XVIII вѣкѣ, одна изъ русскихъ императрицъ „не ожидала отъ враговъ Христа интересной прибыли“, то, въ томъ же столѣтіи, ея преемница видѣла въ евреяхъ тѣхъ „средняго рода людей, отъ которыхъ государство много добра ожидаетъ“, указавъ имъ обращеніе къ занятіямъ „торгами и промыслами“.

Законодательство XIX вѣка, поскольку оно касалось евреевъ, представляетъ собой созданный вліяніемъ различныхъ теченій водоворотъ, въ которомъ крутилось русское еврейство, неожиданно получая и безпричинно теряя разнообразныя права. Такъ, на примѣръ, евреямъ черты осѣдлости, въ началѣ XIX вѣка, разрѣшено было курить вино и держать на откупѣ питейную продажу повсемѣстно; затѣмъ — только въ городахъ; затѣмъ — опять въ селахъ. Въ половинѣ столѣтія, винные промыслы были снова запрещены въ селахъ евреямъ всѣхъ сословій, но затѣмъ сдѣлано исключеніе для евреевъ, содержащихъ откупа. Черезъ 15 лѣтъ евреи получили

право торговать виномъ на общемъ основаніи и арендовать винокуренные заводы; черезъ 11 лѣтъ право это было ограничено, а лѣтъ черезъ 15 — евреи фактически были совершенно устранены отъ торговли хлѣбнымъ виномъ.

Другой случай:

Желательные торговцы и промышленники — евреи сдѣлались, черезъ нѣсколько времени, желанными земледѣльцами и землевладѣльцами. Въ началѣ XIX вѣка имъ разрѣшили покупать земли; въ тридцатыхъ годахъ ихъ стали усиленно поощрять къ приобрѣтенію земель разными льготами, какъ-то: свободой отъ воинской повинности, отъ подушной подати и т. п. Но затѣмъ эти земли у евреевъ начали отбирать. Когда, съ 1862 года, евреи получили право покупать земли и угодія, принадлежавшія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, послѣдовалъ указъ, запрещавшій евреямъ покупку такихъ земель въ 9-ти губерніяхъ. Въ 1882 году было приостановлено совершеніе на имя евреевъ купчихъ крѣпостей на земли въ чертѣ осѣдлости, а въ 1903-мъ евреи лишены были права покупать земли повсемѣстно.

Еще примѣръ:

Въ началѣ XIX вѣка „особый комитетъ“, ограждая населеніе отъ евреевъ, потребовалъ выселенія ихъ изъ деревень, а черезъ 5 лѣтъ, другой комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что евреи въ сельской мѣстности не только не вредны, но полезны, и рѣшительно высказался за оставленіе евреевъ на мѣстахъ. Однако, въ 20-хъ годахъ, евреевъ выселили изъ деревень 4-хъ губерній и, хотя въ тридцатыхъ годахъ выселеніе прекратили, но въ 40-хъ оно было возобновлено по соображеніямъ „военнаго“ характера. Затѣмъ евреевъ, жившихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, перестали тревожить, пока не были изданы правила 1882 года, запрещающія евреямъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, извѣстный по

данному ему прозвищу „Mentir-pacha“, съ чисто игнатъевскимъ лицемѣріемъ мотивировалъ новое запрещеніе желаніемъ [правительства оградить евреевъ отъ христіанъ.

Переходя къ тому времени, которое я описываю и оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ фактовъ и наблюденій, которые послужили матеріаломъ для представленной мной записки, я прежде всего упомяну о томъ, что въ Бессарабіи, въ 1903 году, проживало около 250 тысячъ евреевъ, составлявшихъ примѣрно 11 процентовъ всего населенія губерніи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ русской Бессарабіи евреевъ насчитывалось только 78 тысячъ, но за то и все число жителей губерніи не превышало въ то время 710 тысячъ душъ. Такимъ образомъ, приростъ евреевъ, въ данномъ случаѣ, стоитъ на одномъ уровнѣ съ общимъ ростомъ населенія.

Бессарабія включена въ число губерній такъ называемой черты еврейской осѣдлости, въ которой евреямъ жить разрѣшено. Такихъ губерній, не считая Царства Польскаго, имѣется пятнадцать, и потому нерѣдко приходится слышать мнѣніе о томъ, что жалобы евреевъ на стѣсненіе ихъ „чертой“ неосновательны, что имъ не можетъ быть тѣсно на обширномъ пространствѣ богатыхъ земель юго-запада Россіи.

Такое утвержденіе неосновательно. Въ дѣйствительности, наши евреи не только лишены земли, какъ хозяйственно-промышленной цѣнности, но и тѣсно ограничены въ пользованіи землей, какъ пространствомъ для жительства и передвиженія.

Правила 3 мая 1882 года запрещаютъ евреямъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ. Въ частности, бессарабскіе евреи, послѣ этого срока получили возможность избирать для жительства лишь 10—12 городовъ и около 30-ти мѣстечекъ, а потому правильнѣе

было бы считать, что не губернія, съ ея четырьмя милліонами десятинъ, а лишь ничтожная площадь усадебной земли, помѣщенной въ городскихъ и мѣстечковыхъ планахъ, составляетъ дѣйствительную черту осѣдлости бессарабскихъ евреевъ.

Но выжиманіе евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей и стремленіе заставить ихъ „вариться въ собственномъ соку“ не ограничилось мѣрами, направленными противъ новыхъ сельскихъ жителей. Правительство принялось, систематически и упорно, сгонять въ города и мѣстечки тѣхъ евреевъ, которыхъ правила застали въ селахъ. Съ этою цѣлью рядъ мѣстечекъ былъ переименованъ въ села, а къ оставшимся городамъ и мѣстечкамъ стали примѣнять искусственное суженіе территоріи. Естественный ростъ поселенія не касался евреевъ, для которыхъ новая городская черта, не входившая въ утвержденный планъ, признавалась сельской мѣстностью. Сенату пришлось однажды разрѣшать дѣло по жалобѣ еврея, выселеннаго изъ дома, уголъ котораго выступалъ за черту утвержденного городского плана.

Однимъ изъ нашихъ губернскихъ правленій подвѣргнуто было сомнѣнію даже право еврейскихъ покойниковъ пребывать въ сельскихъ мѣстностяхъ. Правила 3 мая, по толкованію означеннаго учрежденія, не давали права хоронить еврейскихъ мертвецовъ внѣ городской черты. Однако, устройство кладбища въ городѣ также не разрѣшалось, и потому въ данномъ случаѣ пришлось, въ видѣ исключенія, расширить еврейскія права.

Въ то же время, подъ высшимъ руководствомъ губернскихъ правленій, велась противъ жившихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ евреевъ оживленная партизанская война. Разсыпаннымъ по губерніи полицейскимъ чинамъ была указана цѣль кампаніи: обращеніе возможно большаго числа прежнихъ жителей селъ въ новыхъ поселенцевъ и затѣмъ выдвореніе ихъ къ мѣсту

приписки на основаніи майскихъ правилъ. Что же касается средствъ, пускаемыхъ въ ходъ для достиженія намѣченной цѣли, то самыя остроумныя изъ нихъ имѣли мѣсто именновъ Бессарабіи, а потому я буду пользоваться здѣсь исключительно примѣрами изъ практики бессарабскаго губернскаго правленія Уструговскаго времени.

Въ семью евреевъ, издавна жившихъ въ сельской мѣстности, возвращался отбывшій срокъ военной службы солдатъ. Онъ признавался поселившимся вновь, и выдворялся на мѣсто приписки, въ городъ или мѣстечко, изъ того села, гдѣ онъ родился, гдѣ провелъ дѣтство и юность и гдѣ безвыѣздно продолжали жить его родители. Второй братъ, найдя себѣ невѣсту въ еврейской семьѣ сосѣдняго села, оставался нѣкоторое время послѣ свадьбы у тестя. Онъ считался въ виду этого потерявшимъ право возвратиться къ себѣ домой и, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не приобрѣталъ права жить въ селѣ у новыхъ родственниковъ, то его съ молодой женой выселяли въ городъ. Затѣмъ доходила очередь и до отца семейства. Если онъ, по торговому дѣламъ, уѣзжалъ изъ сельской мѣстности и отсутствіе его было замѣчено, а пребываніе въ городѣ показано въ полицейскихъ свѣдѣніяхъ о прибывшихъ, то возврата въ село для него не было: онъ могъ взять свой скarbъ, но обязанъ былъ вслѣдъ затѣмъ переѣхать въ то городское поселеніе, къ которому онъ былъ приписанъ.

Приведенный примѣръ, на которомъ имѣлось въ виду, для наглядности, показать, какъ извлекались съ корнемъ еврейскія семьи изъ селъ и деревень, отражаетъ собой систематическую и постоянную практику бессарабскихъ властей по еврейскимъ дѣламъ, о чемъ можно справиться въ сборникѣ сенатскихъ рѣшеній. Если же лающіе провѣрить правильность только-что приведенныхъ примѣровъ, найдутъ, что сенатъ не соглашался иногда съ мѣстными властями и отмѣнялъ ихъ поста-

новленія въ интересахъ жалобщиковъ, то пусть не думаютъ, что это обстоятельство въ какой-нибудь мѣрѣ имѣло задерживающее вліяніе на дѣйствія нашихъ мѣстныхъ толкователей законовъ. Сенатскія рѣшенія касались сравнительно ничтожнаго числа дѣлъ, объявлялись послѣ того, какъ евреи цѣлыми годами жили въ мѣстахъ приписки и, кромѣ того, рѣдко приводились въ исполненіе. Въ этомъ отношеніи наше губернское правленіе измыслило особый пріемъ, изобрѣтеніе котораго, кажется, принадлежитъ Устругову: сила рѣшенія сената, признавашаго выселеніе еврея неправильнымъ, понималась какъ признаніе ошибки губернскаго правленія, допущенной имъ въ моментъ постановленія о выселеніи. Но фактъ проживанія еврея внѣ села въ теченіе срока, прошедшаго между неправильнымъ выселеніемъ и полученіемъ сенатскаго указа, разсматривался какъ новое обстоятельство, лишавшее въ концѣ концовъ жалобщика права, возвратиться въ прежнее положеніе.

Бессарабская губернія имѣетъ форму груши, продолговатая ея сторона примыкаетъ къ рѣкѣ Пруту, отдѣляющей Россію отъ Австріи и Румыніи. Вся пограничная полоса, шириной въ 50 верстъ, издавна запрещена для жительства евреевъ, которыхъ еще въ 1846 году повелѣно было вывести внутрь губерніи, съ предоставленіемъ имъ двухгодичнаго срока на продажу недвижимости. Хотя означенная мѣра оказалась безцѣльной и министерство финансовъ возбуждало вопросъ объ ея отмѣнѣ, тѣмъ не менѣе пятидесятиверстная полоса продолжала быть запретной для еврейскаго поселенія и въ мое время, что еще болѣе стѣсняло евреевъ въ правахъ жительства.

Послѣдовательное, неукоснительное и успѣшное проведеніе правительственной политики по отношенію къ жительству евреевъ, встрѣтило, конечно, не мало препятствій. Евреи всѣми способами увертывались отъ выселенія и даже ухитрялись иногда вновь появляться

въ селахъ и деревняхъ, изъ которыхъ были высланы. Незаконному проживанію ихъ способствовали, отчасти само сельское населеніе, охотно скрывавшее пріѣзжихъ евреевъ отъ властей, отчасти, полиція, видѣвшая въ евреяхъ постоянный и вѣрный источникъ доходовъ, отчасти, нѣкоторая терпимость, не чуждая и власти имущимъ, заставлявшая ихъ иногда вспоминать, что гонимые евреи все же люди, а не какіе-нибудь вредители полей, отъ которыхъ надлежало очистить сельскія мѣстности. Тѣмъ не менѣе, виды правительства въ значительной степени осуществились, и скопленіе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ сильно возросло.

Число еврейскихъ вивѣсокъ на улицахъ бессарабскихъ городовъ поражаетъ наблюдателя. Дома даже второстепенныхъ и захолустныхъ улицъ заняты подрядъ лавками, лавченками и мастерскими часовщиковъ, сапожниковъ, слесарей, лудильщиковъ, портныхъ, столяровъ и т. п. Весь этотъ рабочій людъ ютится по угламъ и закоулкамъ въ тѣснотѣ и поражающей наблюдателя бѣдности, вырабатывая себѣ съ трудомъ дневное пропитаніе, при которомъ ржавая селедка съ лукомъ является верхомъ роскоши и благополучія. Въ маленькихъ городахъ, жители которыхъ въ большинствѣ не имѣютъ часовъ, можно насчитать десятки мастеровъ часового дѣла, и вообще трудно понять, на какихъ покупателяхъ и заказчиковъ рассчитываютъ всѣ эти ремесленники, не рѣдко сами составляющіе 75 % всего населенія города или мѣстечка. Конкуренція сводитъ ихъ заработокъ до предѣловъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, притомъ въ такихъ минимальныхъ дозахъ, которыя вполнѣ противорѣчатъ ученію о заработной платѣ. Борьба за кусокъ хлѣба порождаетъ взаимную ненависть, плодитъ доносы и заставляетъ многихъ евреевъ прибѣгать къ самымъ гнуснымъ способамъ съ цѣлью избавиться отъ конкурентовъ и, насколько возможно, разрѣдить искусственно сгущенную ремесленную среду.

Само собою понятно, что ремесло и торговля на коммерческом основаніи, имѣющія цѣлью не только возможность существованія, но и нѣкоторый заработокъ, немислимы для жителей тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ сосредоточена еврейская бѣднота. Въ результатѣ, въ такихъ поселеніяхъ является поголовное прекращеніе занятій ремесленниками и мелкими торговцами другихъ національностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздаются и обычныя жалобы на захватъ евреями въ свои руки всѣхъ отраслей промышленности и торговли. Недовольство евреями растетъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ численности, благодаря чему создается та почва, на которой за послѣднее время столь пышно расцвѣли погромныя организации. Невольно приходитъ на мысль, что заботы правительства о безопасности евреевъ, высказанныя авторомъ майскихъ правилъ, должны быть признаны, по меньшей мѣрѣ, неудачными.

Бессарабія включена въ число тѣхъ шести губерній, въ которыхъ евреи, послѣ освобожденія крестьянъ, получили право покупать и арендовать земли. Правила 3-го мая 1882 года не отмѣнили упомянутого закона, который, до 1903 года, содержался въ IX-мъ томѣ Свода. Правилами было только временно пріостановлено совершеніе евреями купчихъ и закладныхъ, а также засвидѣтельствованіе заключаемыхъ ими арендныхъ договоровъ на земли. Отсюда можно было, повидимому, заключить, что упомянутое запрещеніе относилось къ судебнымъ мѣстамъ, утверждающимъ купчія и свидѣтельствующимъ договоры, но не касалось права самихъ евреевъ пріобрѣтать землю, на примѣръ, по давности, на основаніи десятилѣтняго безспорнаго и спокойнаго пользованія ею, а тѣмъ болѣе держать земли въ арендѣ по домашнимъ условіямъ. Но эзоповскій языкъ законодательства былъ истолкованъ въ данномъ случаѣ властями вполнѣ согласно съ не объявленными открыто намѣреніями его, и потому

фиктивные сдѣлки и подѣйменная аренда евреевъ, поскольку онѣ касались земель, преслѣдовались губернскимъ начальствомъ еще до изданія дополнительныхъ правилъ, разъяснившихъ истинную цѣль майскаго распоряженія. Какъ бы то ни было, воспрещеніе евреямъ покупать и арендовать земли дѣйствовало „временно“ въ теченіе 21 года, предшествовавшего тому періоду, который я описываю, и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ.

Но, кромѣ тѣхъ ограниченій евреевъ въ правахъ, которыя мною упомянуты, имѣется не мало другихъ. О нихъ я вкратцѣ упомяну, желая дать, по возможности, полную картину заинтересовавшего министерство положенія бессарабскихъ евреевъ.

Въ четвертой главѣ моихъ воспоминаній о Бессарабіи былъ описанъ особый порядокъ пріема евреевъ новобранцевъ на военную службу, практиковавшійся кишиневскимъ воинскимъ присутствіемъ. Но тогда имѣлось въ виду показать примѣръ вопіющаго нарушенія закона мѣстными властями. Теперь я хочу коснуться общаго вопроса о законномъ порядкѣ отбыванія евреями воинской повинности.

Евреи отправляютъ рекрутскую повинность въ натурѣ съ 1827 года. Сначала они обязаны были давать по 20 рекрутъ съ двухъ-тысячнаго населенія, въ то время какъ христіане ставили съ двухъ тысячъ только семь новобранцевъ. Затѣмъ съ евреевъ стали брать дополнительныхъ рекрутъ, безъ зачета, за недоимки въ податяхъ, и создали извѣстныя „школы кантонистовъ“ для 12-лѣтнихъ новобранцевъ. Только съ воцареніемъ Александра II-го повелѣно было взимать съ евреевъ рекрутовъ на общемъ основаніи. Однако, равенство, въ отношеніи воинской повинности, примѣнялось къ евреямъ недолго. Кромѣ ряда ограниченій по занятію воинскихъ должностей и по опредѣленію въ привилегированныя части войскъ, евреи подвергались

ограничительнымъ правиламъ въ отношеніи льготъ по семейному положенію, въ отношеніи освідѣтельство-
ванія по недоразвитости, въ порядкѣ повѣрки посемей-
ныхъ списковъ и, наконецъ, въ смыслѣ отвѣтственности
за неявку къ призыву, предусматривавшей наложеніе
штрафа въ 300 рублей на семью призываемаго, даже
въ томъ случаѣ, если бы члены его семьи доказали
полную невозможность содѣйствовать своевременному
отбыванію повинности подлежащимъ призыву со-
членомъ.

Въ результатѣ, евреи привлекаются у насъ къ
исполненію воинской повинности въ большемъ коли-
чествѣ, нежели прочіе русскіе подданные. Изъ офи-
ціального правительственнаго отчета, сопоставленнаго
съ данными переписи 1897 года, явствуетъ, что въ
призывныхъ спискахъ 1900 года количество новобран-
цевъ евреевъ составляло 5,49% всего еврейскаго насе-
ленія имперіи, тогда какъ для прочихъ новобранцевъ,
такого рода процентное отношеніе выражалось цифрой
4,13%.

Кому не извѣстенъ ходячій аргументъ о „система-
тическомъ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности“,
приводимый всякій разъ, какъ идетъ рѣчь о евреяхъ и
о войскѣ? Дѣйствительно, еврейскіе новобранцы при-
водятъ въ отчаяніе свидѣтельствующихъ ихъ лицъ тѣми
ухищреніями, къ которымъ они прибѣгаютъ, чтобы
добиться освобожденія отъ военной службы. Коман-
диръ стоявшаго въ Кишиневѣ Волынскаго полка, съ
которымъ я постоянно застѣдалъ въ воинскомъ присут-
ствіи, высказалъ мнѣ однажды, по означенному поводу,
свое авторитетное мнѣніе.

„Нечему удивляться, — сказалъ мнѣ полковникъ, —
если евреи уклоняются отъ выполнения воинской по-
винности. Ихъ положеніе въ войскахъ очень тяжело.
Представьте себѣ еврея изъ небогатой, старозавѣтной
семьи, внезапно водвореннаго въ нашу казарму. Его

манеры, его жаргонъ, его растерянность вызываютъ
насмѣшки; все кругомъ него чуждо, дико и страшно.
Его стараются поскорѣе „обломать“ и ввести въ обыч-
ный кругъ солдатскихъ занятій, но при этомъ невольнo
задѣваютъ и нарушаютъ его привычный обиходъ и
его религіозный обычай. Иногда, въ первый же день
своей солдатчины, онъ принужденъ хлебать щи со
свининой и участвовать на ученьи въ субботу. Родные
и близкіе считаютъ его оскверненнымъ и начинаютъ
его чуждаться. Онъ заброшенъ и одинокъ, душевное
состояніе его подавлено, а мы, по правдѣ сказать,
мало обращаемъ вниманія на положеніе евреевъ въ
нашемъ войскѣ“.

Полковникъ могъ бы къ этому прибавить, что
еврей-солдатъ не можетъ стать фельдфебелемъ, не
можетъ служить въ гвардіи, въ пограничныхъ войскахъ,
и даже ограниченъ извѣстной процентной нормой въ
правѣ занимать въ полку музыкантскія должности.
Становясь на защиту родины, онъ продолжаетъ быть
неполноправнымъ въ рядахъ своихъ товарищей по оружію.

Когда-то, еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго
вѣка, военное начальство проявляло заботы о непри-
косновенности религіозныхъ убѣжденій евреевъ-солдатъ.
Рекомендовалось не нарушать обрядовъ ихъ религіи,
выражалась готовность содержать для нихъ раввина.
Въ настоящее время русскимъ войскамъ, по вопросу о
евреяхъ, предлагаютъ другія директивы, снабжая ихъ
брошюрами генерала Богдановича и воззваніями о не-
обходимости бить жидовъ — враговъ русскихъ людей.

Говоря объ ограниченіяхъ, которымъ вообще под-
вергались у насъ евреи, я перечислю кратко тѣ изъ
нихъ, которыя касаются отдѣльныхъ занятій и, между
прочимъ, права занимать должности по службѣ.

Извѣстно, что въ Россіи на государственную службу
евреевъ, кромѣ медиковъ, почти не принимаютъ. Но
имъ, кромѣ того, особо запрещается участвовать въ

земскихъ собраніяхъ и избирательныхъ съѣздахъ, избираться въ городскіе головы, быть членами разныхъ присутствій по избранію земствъ и городовъ. Еврей не можетъ быть ремесленнымъ головой даже тамъ, гдѣ, какъ въ Бессарабіи, всѣ почти ремесленники — евреи. Участіе евреевъ въ городскихъ думахъ разрѣшается въ числѣ, не превышающемъ $\frac{1}{10}$ части состава думы, причемъ гласные евреи назначаются городскимъ присутствіемъ изъ особаго списка, составляемаго городской управой. Въ биржевые комитеты, въ купеческія, мѣщанскія и ремесленные управы евреи допускаются лишь со строгими ограниченіями. Въ началѣ XX вѣка основательно забыто повелѣніе великой императрицы, которая, въ концѣ XVIII столѣтія, указала, что „если евреи, по добровольному согласію общества, будутъ выбраны къ какимъ-нибудь должностямъ, то они не могутъ быть удержаны отъ вступленія въ дѣйствительное возложенныхъ на нихъ должностей отправление“. Но и этого мало. Примѣрно, съ половины восьмидесятыхъ годовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, утверждая уставы частныхъ обществъ и товариществъ на паяхъ, стало требовать включенія въ нихъ параграфовъ, согласно которымъ участіе евреевъ въ управленіи такого рода предпріятіями ограничивалось, или даже совершенно воспрещалось. Не лишнее будетъ упомянуть, что указанная тенденція министерства, вопреки, повидимому, здравому смыслу, проявлялась особенно сильно въ отношеніи тѣхъ предпріятій, пайщиками которыхъ были именно евреи.

Послѣднее обстоятельство, любопытное, какъ примѣръ мелочной придирчивости правительства, не является особенно существеннымъ; для каждаго общества не трудно найти декоративное правленіе изъ русскихъ людей. Гораздо тяжелѣе положеніе евреевъ въ отношеніи правъ на полученіе образованія.

Правительство давно закрыло казенныя еврейскія

училища перваго и втораго разрядовъ, замѣнивъ ихъ скупю и неохотно открываемыми еврейскими начальными училищами, въ которыхъ получаетъ образованіе лишь незначительный процентъ еврейскихъ дѣтей школьнаго возраста. Большинство такихъ дѣтей продолжаетъ получать начальное образованіе въ хедерахъ и у мела-медовъ, гдѣ, въ виду отсутствія еврейскихъ учительскихъ институтовъ для подготовленія педагогическаго персонала, обученіе стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Еврейскимъ учителямъ, кромѣ того, запрещено обучать своихъ учениковъ русскому языку, благодаря чему русская грамота почти недоступна большинству еврейскихъ дѣтей низшихъ слоевъ населенія. По произведенному на югѣ Россіи въ 1900 году изслѣдованію, предпріятому особой комиссіей, по порученію одесской городской управы, оказалось, что только 11% еврейскаго населенія умѣетъ писать и читать по-русски. Какія цѣли преслѣдуетъ при этомъ наше правительство — остается загадкой, но во всякомъ случаѣ приходится признать, что описанная тенденція устранять евреевъ отъ русской грамоты можетъ лишь способствовать той обособленности, которую обыкновенно ставятъ въ вину русскому еврейству.

Статьями 787 и 788 т. IX Свода законовъ евреямъ дозволено обучать своихъ дѣтей въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ училищахъ на мѣстахъ своего жительства. Такого рода обученіе дѣтей евреевъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ даже обязательно, и родителямъ ихъ предоставлено право устраивать съ этою цѣлью при гимназіяхъ, особые пансіоны. Но, конечно, этотъ законъ остается мертвой буквой и упоминаніе о немъ представляется какъ будто злой насмѣшкой надъ евреями.

На самомъ дѣлѣ, многія учебныя заведенія, среднія и высшія, совершенно недоступны для евреевъ. Ихъ запрещается принимать въ учительскія семинаріи, въ

столичные театральныя училища, въ петербургскіе институты — электротехническій и путей сообщенія, въ московскій сельско-хозяйственный институтъ, въ московское училище инженеровъ путей сообщенія, въ медицинскую академію, въ харьковскій ветеринарный институтъ и въ другія училища, перечислять которыя я здѣсь считаю излишнимъ. Приѣмъ евреевъ во всѣ вообще гимназіи и университеты ограниченъ нормой отъ двухъ до десяти процентовъ.

Не надо при этомъ забывать, что не только процентная норма ставитъ преграду для евреевъ, желающихъ учиться; они должны считаться еще съ другими затрудненіями, какъ показываетъ памятный мнѣ случай, бывшій въ Бессарабіи въ 1904 году.

Одиннадцатилѣтній сынъ небогатаго кишиневского еврея, очень способный и трудолюбивый мальчикъ, прекрасно подготовленный ко второму классу кишиневского реального училища, не могъ туда поступить въ виду установленной процентной нормы. Отецъ его, не жалѣвшій трудовъ и расходовъ для образованія сына, задумалъ попытаться помѣстить его въ с. Камратъ, въ мѣстное реальное училище, о чемъ и сталъ усиленно хлопотать въ учебномъ округѣ и въ мѣстномъ совѣтѣ. Согласіе учебнаго начальства на поступленіе мальчика было получено, при условіи, если со стороны административныхъ властей не встрѣтятся препятствій къ разрѣшенію ему проживать въ Камратѣ. Съ такого рода письменнымъ удостовѣреніемъ директора училища, отецъ обратился въ губернское правленіе, прося позволенія помѣстить сына въ Камратѣ, на квартирѣ одного изъ учителей, принявшаго его подъ свой надзоръ, въ качествѣ нахлѣбника.

Губернское правленіе отказало просителю, на томъ основаніи, что Камратъ — сельская мѣстность, къ тому же отстоящая отъ румынской границы на разстояніи менѣе 50 верстъ.

Утвержденный императоромъ Николаемъ I-мъ еще въ 1843 году приѣмъ борьбы съ еврейскимъ контрабанднымъ промысломъ былъ въ данномъ случаѣ примѣненъ бессарабскимъ губернскимъ правленіемъ, съ формальной стороны, совершенно правильно. Но мнѣ было жалко мальчика, приведеннаго ко мнѣ на утренній приѣмъ плачущимъ отцомъ, и къ тому же я не видѣлъ отъ пребыванія въ Камратѣ маленькаго реалиста серьезной угрозы ни для государственныхъ финансовъ, ни для добрыхъ нравовъ и благосостоянія камратскаго населенія. Поэтому я рѣшилъ на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, отмѣнить наше журнальное постановленіе, и написалъ новое, въ которомъ, путемъ ряда софистическихъ умозаключеній, пришелъ къ выводу, что пребываніе сына просителя въ Камратѣ не противорѣчитъ закону.

Устраненіе евреевъ изъ области дѣйствія государственныхъ мѣропріятій, направленныхъ на распространеніе народнаго просвѣщенія, лишеніе неимущихъ, больныхъ и увѣчныхъ евреевъ государственнаго призрѣнія и помощи, въ связи съ общими ограниченіями ихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, могли бы найти объясненіе въ томъ случаѣ, если бы евреи не несли государственныхъ и общественныхъ повинностей наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Россіи. Однако, въ вопросѣ о податяхъ и сборахъ, евреи оказываются не только не въ привилегированномъ положеніи, но, наоборотъ, они несли и продолжаютъ нести особыя налоговыя тягости. Еще сто лѣтъ тому назадъ, евреи платили процентный сборъ и подушную подать въ двойномъ, сравнительно съ христіанами, размѣрѣ. Отвѣтственность за безнедоимочное поступленіе ихъ платежей возлагалась на все еврейское общество, а впоследствии была даже установлена солидарная отвѣтственность евреевъ купцовъ за недоимки евреевъ мѣщанъ. Когда же, въ 1863 году, подушная подать была

отмѣнена, и евреи, въ отношеніи государственныхъ податей, были уравнены съ христіанами, они все же продолжали уплачивать специальные сборы — коробочный и свѣчной, сохранившіеся до настоящаго времени.

Означенные сборы взимаются: первый съ каждой убитой „кошерной“ скотины и птицы и съ каждого фунта кошернаго мяса, а второй со свѣчей, зажигаемыхъ въ синагогѣ. Предназначаются они, главнымъ образомъ, на облегченіе средствъ къ исправному отбыванію повинностей, на уплату общественныхъ долговъ, на содержаніе училищъ и на предметы общественнаго призрѣнія евреевъ. Однако, расходная смѣта по этимъ сборамъ вырабатывается городскимъ управленіемъ и утверждается, также какъ и такса ихъ, губернской администраціей. Запасный капиталъ, образуемый изъ отчисленій съ откупныхъ суммъ, равно какъ и остатки сборовъ находятся на храненіи и въ завѣдываніи правительственныхъ учреждений и употребляются нерѣдко на предметы, закономъ не предусмотрѣнные. Они расходуются, напримѣръ, на мощеніе улицъ и починку дорогъ, на поддержаніе Краснаго Креста и субсидіи полиціи, на пособія дѣлопроизводству разныхъ учреждений и даже на постройку гимназій, въ которыя еврейскія дѣти не могутъ поступать. Правда, для этихъ расходовъ требуется приговоръ соотвѣтствующей общины. Но врядъ ли кто-нибудь повѣритъ тому, чтобы такіе приговоры являлись результатомъ доброй воли жертвователей, не говоря уже о томъ, что инициатива общинъ въ такого рода противузаконномъ обращеніи коробочнаго сбора на неподлежащіе предметы встрѣтилась бы съ отказомъ правительства утвердить расходъ, если бы оно само не было въ такихъ случаяхъ заинтересованной стороной. Отчеты по суммамъ коробочнаго сбора, достигающимъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей и находящимся въ общемъ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ, никогда не публикуются, и

можно безошибочно предположить, что если наступить когда-нибудь возможность ознакомиться съ расходо-ваніемъ министерствомъ еврейскихъ суммъ, то откроется богатая сюрпризами картина.

Я изложилъ, въ самомъ сжатомъ видѣ, наиболѣе существенныя стороны нашего законодательства о евреяхъ и лишь поверхностно коснулся вопроса о примѣненіи законовъ къ евреямъ, на мѣстахъ ихъ постоянного жительства. Мнѣ какъ будто слышатся знакомые голоса, обычно утверждающіе, что для евреевъ упомянутыхъ ограниченій еще мало. Я не хотѣлъ бы, въ предѣлахъ возможности, нарушать безпристрастія своихъ записокъ навязываніемъ читателю моихъ собственныхъ мнѣній. И въ данномъ случаѣ я не буду рѣшать вопроса о томъ, мало или много несправедливостей причиняется евреямъ нашими законами. Но я позволяю себѣ утверждать, что приведенныя выше страницы даютъ удовлетворительное объясненіе причинъ „систематическаго обхода законовъ евреями“.

Второе, главное и самое распространенное обвиненіе, предъявляемое евреямъ, называется „эксплуатаціей населенія“. Принято считать истиной, не требующей доказательства, что евреи всякими дозволенными и недозволенными способами высасываютъ изъ окружающаго населенія соки и что вся ихъ дѣятельность состоитъ въ незаконномъ обогащеніи на чужой счетъ, что они не создаютъ цѣнностей, не увеличиваютъ народнаго богатства, но лишь переводятъ выработанное чужимъ трудомъ въ свои глубокіе карманы. Еврейскія деньги многимъ не даютъ покоя; къ нимъ протягивается не мало рукъ, и на мѣстахъ и изъ центра, съ цѣлью, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать возвращенію въ народный оборотъ, черезъ христіанскія руки, хотя бы части попавшаго къ евреямъ національнаго достоянія. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, не ошибаются тѣ, кто приписываетъ еврейству развращающее

влияніе на окружающихъ: большинство тѣхъ чиновниковъ, въ особенности полицейскихъ, которые стоятъ на стражѣ законовъ о евреяхъ, несомнѣнно близко знакомо съ еврейскимъ кошелькомъ.

Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько робкихъ шаговъ съ цѣлью ближе подойти къ вопросу о еврейской эксплуатаціи. Я называю ихъ робкими не потому, чтобы я боялся высказать мнѣніе, не совпадающее съ общепринятымъ, но потому, что кругъ моихъ наблюдений въ изслѣдуемой области былъ узокъ и время моего знакомства съ дѣятельностью еврейской массы коротко. Я не могу взяться за разрѣшеніе поставленнаго вопроса во всей его полнотѣ; но я постараюсь добросовѣстно описать то, что я видѣлъ и слышалъ въ этомъ отношеніи въ Бессарабіи, за полтора года времени.

Если бы законы, ограничивающіе еврейскія права, не чередовались, на пространствѣ болѣе ста лѣтъ, съ законами, приближающими евреевъ къ общему правовому положенію русскаго населенія, и если бы примѣненіе правилъ 3 мая 1882 года не оставляло лазеекъ для еврейской изобрѣтательности, то поле наблюденія экономической дѣятельности евреевъ въ губерніяхъ черты осѣдлости сузилось бы до предѣловъ еврейской торговли и промышленности въ городахъ и мѣстечкахъ. Но благодаря отчасти періодическимъ „слабостямъ“ законодателя, даровавшаго евреямъ нѣкоторыя „льготы“, а отчасти вопреки закона, при помощи его обхода, создалось такое положеніе, при которомъ въ Бессарабіи получается возможность наблюдать: евреевъ-землевладѣльцевъ, арендаторовъ, управляющихъ; евреевъ-сельскихъ жителей, сельскихъ торговцевъ, скупщиковъ и посредниковъ и, наконецъ, евреевъ-сельскихъ ростовщиковъ и пограничныхъ контрабандистовъ.

Евреи въ Бессарабіи не проявили стремленія къ приобрѣтенію большихъ земельныхъ площадей. Не

смотря на то, что они пользовались правомъ приобрѣтать землю въ собственность въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и что цѣна земли въ Бессарабіи въ то время была очень низка, евреямъ принадлежатъ только 60 тысячъ десятинъ, изъ общаго количества четырехъ милліоновъ шестидесяти тысячъ десятинъ, составляющихъ площадь губерніи. Около 3 тысячъ десятинъ этихъ земель составляютъ собственность шести еврейскихъ колоній, въ которыхъ живутъ 540 семействъ; остальная земля распределена между немногими частными владѣльцами.

Имѣнія бессарабскихъ евреевъ не представляютъ никакихъ особенностей, выдѣляющихъ ихъ изъ ряда владѣльческихъ хозяйствъ Бессарабіи. Особо выдающихся, по приемамъ культуры, между ними, кажется, не встрѣчается; съ другой стороны, мнѣ не приходилось слышать и жалобъ на владѣльцевъ такихъ имѣній со стороны сосѣдей крестьянъ. Мирныя сосѣдскія отношенія между евреями-помѣщиками и рабочимъ населеніемъ, въ мое время, ничѣмъ не нарушались. Не приходилось слышать съ этой стороны и объ аграрныхъ недоразумѣніяхъ, относящихся къ прошлому времени. Скорѣе можно было замѣтить стремленіе владѣльцевъ-евреевъ оградить себя отъ нареканий по поводу давленія на крестьянъ и рабочихъ и, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что матеріала для обвиненій въ эксплуатаціи и выжиманіи исключительныхъ доходовъ наши помѣщики-евреи не давали. Вообще можно думать что при современномъ походѣ на крупное землевладѣніе, при общемъ стремленіи, направленномъ къ распаденію крупныхъ хозяйствъ, и при затруднительности и малой выгодѣ веденія большого хозяйства собственнымъ инвентаремъ и наемными рабочими, крупное землевладѣніе не можетъ привлечь еврейскихъ капиталовъ.

Евреи-колонисты, владѣющіе въ среднемъ пятью съ половиной десятинами на дворъ, въ то время какъ

средняя величина отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства въ Бессарабіи составляетъ около 8 десятинъ, сидятъ на землѣ съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Особыхъ заслугъ передъ отечественнымъ земледѣліемъ они не оказали, хотя замѣтное стремленіе ихъ къ интенсивнымъ культурамъ — къ табаководству, виноградарству и садоводству — вполне отвѣчаетъ условіямъ мѣстнаго мелкаго землевладѣнія. Въ этой области хозяйства, требующей аккуратнаго, постояннаго труда, нѣкотораго умственнаго развитія и предпримчивости, евреи врядъ ли могутъ считаться вредными. Не будетъ, повидимому, основаній для опасеній даже въ томъ случаѣ, если бы евреи получили возможность владѣть, съ тою же цѣлью, мелкими участками земли въ большемъ количествѣ. Интенсивная культура дорогихъ растений и плодовъ въ Бессарабіи пока еще развивается медленно, требуя поощренія и не вызывая страха передъ излишней конкуренціей.

Въ общемъ еврейское землевладѣніе въ Бессарабіи такъ ничтожно и такъ невинно, что оно не вызываетъ нареканій даже среди заклятыхъ враговъ еврейства вообще и бессарабскихъ евреевъ въ частности. Гораздо острѣе и серьезнѣе стоитъ вопросъ объ арендованіи евреями большихъ земельныхъ владѣній.

Условія русскаго хозяйства не создали у насъ класса прочныхъ арендаторовъ, преемственно, иногда по наслѣдству, занимающихся сельско-хозяйственнымъ промысломъ. Случайные, часто смѣняющіеся арендаторы наши избѣгаютъ затраты капитала на улучшеніе чужой земли, ведутъ обыкновенно хищническое хозяйство и, по окончаніи аренднаго срока, сдаютъ владѣльцу въ значительной степени разоренное имѣніе. Бессарабскіе помѣщики очень часто сдаютъ свои земли въ долгосрочную аренду, не стѣсняя притомъ арендатора въ пользованіи имѣніемъ условіемъ обработки земли собственнымъ инвентаремъ, примѣненіемъ удобрений и во-

обще какой-либо опредѣленной сельско-хозяйственной системой. Поэтому арендаторъ въ Бессарабіи не столько сельскій хозяинъ, сколько посредникъ и отвѣтственный агентъ по пересдачѣ отдѣльныхъ участковъ имѣнія сосѣдямъ, нуждающимся въ землѣ. Его цѣль — получить въ теченіе аренднаго срока возможно большую разницу между суммой, опредѣленной въ контрактѣ, и платой, получаемой имъ самимъ отъ субъ-арендаторовъ — крестьянъ.

Такой способъ пользованія арендованной землей ни въ какомъ отношеніи не можетъ заслуживать поощренія. Имѣнія въ такихъ случаяхъ портятся, а отношенія съ сосѣдями и того больше, и потому большинство аграрныхъ недоразумѣній обыкновенно сосредоточивается около земель, находящихся въ долгосрочной арендѣ у отдѣльныхъ лицъ.

Еврею, желающему заняться арендой имѣній, приходится перенести не мало хлопотъ и потратить не мало денегъ. Прежде всего, онъ долженъ найти, конечно за особую плату, фиктивнаго арендатора, который заключилъ бы вмѣсто него условіе съ помѣщикомъ, послѣ чего скрывшійся за спиной этого „соломеннаго чловѣка“ фактическій съемщикъ поступаетъ къ нему въ услуженіе подъ видомъ конторщика. Но такой, сравнительно простой, способъ доступа къ имѣнію не всегда возможенъ: обыкновенно еврей не имѣетъ права жить въ той мѣстности, гдѣ находится арендованная имъ земля, и онъ принужденъ, въ дополненіе къ фиктивному арендатору, содержать на свои средства дѣйствительнаго уполномоченнаго, котораго онъ провѣряетъ и представляетъ, наѣзжая въ имѣніе въ качествѣ „временно-пребывающаго по торговымъ дѣламъ“.

Описанный рядъ сдѣлокъ не остается, конечно, тайной, такъ какъ въ деревнѣ трудно что-нибудь скрыть, и еврею приходится одновременно стать данникомъ мѣстной полиціи и прочихъ властей, волостныхъ и сель-

скихъ, внося въ установленные сроки узаконенную обычаемъ подать съ цѣлью избавиться отъ судебного вмѣшательства въ незаконный договоръ и отъ ряда преслѣдованій, могущихъ затруднить и даже совершенно разрушить все его хозяйственное предпріятіе.

Однако, несмотря на препятствія со стороны закона и на прибавочные, накладные, расходы, доходящіе при незначительной [площади имѣнія до двухъ рублей съ десятины, все же большинство сдаваемыхъ въ аренду имѣній Бессарабіи попадаетъ въ руки евреевъ. Для лицъ, убѣжденныхъ въ томъ вредоносномъ вліяніи, которое евреи оказываютъ на сельское населеніе, не сомнѣвающихся въ постоянномъ успѣхѣ ихъ хищническихъ пріемовъ, причина такого явленія ясна: очевидно, евреи умѣютъ такъ успѣшно обрабатывать сосѣднее населеніе, такъ крѣпко выжимать изъ него соки, что имъ съ избыткомъ хватаетъ доходовъ на покрытіе, всякихъ экстра-ординарныхъ тратъ. Такое объясненіе очень эффектно по простотѣ и вполне вяжется съ ходячимъ представленіемъ о еврейской эксплуатаціи. Но безпристрастное и внимательное изслѣдованіе вопроса не подтверждаетъ правильности столь поспѣшно сдѣланнаго вывода.

Вопросъ о подыменной еврейской арендѣ заинтересовалъ меня въ самомъ началѣ моей губернаторской дѣятельности. Я не отдавалъ себѣ яснаго отчета по поводу того, какими путями евреямъ удастся склонять помѣщиковъ на вступленіе въ договорныя отношенія, не только лишенная покровительства закона, но даже преслѣдуемая закономъ, а по тому я, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался узнать подробныя условія такого рода тайныхъ контрактовъ. По мѣрѣ расширенія моего знакомства въ средѣ землевладѣльцевъ, свѣдѣнія мои стали разрастаться, и я узналъ, что большинство мѣстныхъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ самыя завзятые юдофобы, всегда предпочитаютъ арен-

датора-еврея греку, армянину или русскому. Такъ близко знакомая намъ по Кишиневу семья К., состоящая изъ многихъ отдѣленныхъ и самостоятельныхъ членовъ, терпѣть не могла „жидовъ вообще“, но имѣнія свои всѣ члены этой семьи сдавали исключительно евреямъ по 14 рублей за десятину, тогда какъ арендаторы другихъ національностей не разъ предлагали имъ по 16 рублей. Я знаю случаи, когда владѣльцы имѣній, прельстившись высокой цѣной, отказывали своимъ арендаторамъ-евреямъ, но затѣмъ, жалѣя объ этомъ, пользовались первой представившейся возможностью, чтобы вернуть прежнихъ арендаторовъ обратно.

Если бы оказалось возможнымъ предпринять своего рода анкету въ Петербургѣ, среди владѣльцевъ имѣній юго-западнаго края, то результаты получились бы еще болѣе любопытные. Члены государственнаго совѣта, сенаторы, даже министры, вводившіе ограничительные для евреевъ законы, не брезгаютъ подыменной арендой. И это я говорю не въ ихъ осужденіе, такъ какъ жизнь въ этомъ отношеніи давно выработала свой взглядъ на правила 3 мая: никто не можетъ признать, чтобы въ желаніи одного лица сдать свое имущество и въ готовности другого лица это имущество принять—заключалось что-либо предосудительное.

Вѣрный, аккуратный платежъ арендныхъ денегъ и, по большей части, добросовѣстное исполненіе договора во всѣхъ его частяхъ, признаются почти всѣми за исключительную черту евреевъ арендаторовъ. Но еще болѣе цѣнятся въ нихъ тѣ пріемы хозяйства, благодаря которымъ еврей-арендаторъ избѣгаетъ всякихъ столкновеній съ сосѣдями, не даетъ повода для исковъ и споровъ, старается мирно разрѣшить всякое недоразумѣніе, не доводя его до суда и начальства. Еврей не станетъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ взысканія долговъ, какъ задержка хлѣба въ копнахъ, продажа имущества сосѣдей и т. п. Онъ выждетъ время, наполнить о долгѣ,

выберетъ удобный часъ и получить свое безъ полиціи и судебного пристава. Онъ не портитъ отношеній владѣльца съ сосѣдями, не создаетъ почвы для споровъ и вражды и потому мнѣ, напримѣръ, ни разу не приходилось ни получать, ни слышать отъ населенія губерніи жалобъ на еврейскихъ арендаторовъ, въ то время, какъ по недоразумѣніямъ съ самими владѣльцами, а въ особенности съ арендаторами не-евреями, у насъ производилось нѣсколько дѣлъ.

Я думаю, вполне правильно будетъ высказать мнѣніе, что еврейская аренда земли въ Бессарабіи можетъ считаться зломъ, по скольку это аренда, но не потому, что она еврейская. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что такой выводъ не будетъ оспоренъ ни бессарабскими помѣщиками, ни бессарабскими крестьянами.

Какъ ни строго запрещеніе евреямъ жить въ селахъ, но у каждого помѣщика, у каждого крупнаго виноградаря и винодѣла непременно проживаютъ по нѣскольکو евреевъ, о неприкосновенности которыхъ владѣлецъ постоянно хлопочетъ въ [полицейскихъ управленіяхъ и высшихъ губернскихъ мѣстахъ. Винодѣлы и подвальщики въ Бессарабіи — почти поголовно евреи. Евреи Вольфензоны, отецъ и сынъ, развели и устроили лучшіе въ губерніи виноградные сады, подобравъ подходящіе для мѣстнаго климата и почвы французскіе и нѣмецкіе сорта винограда, и они же создали первые мѣстные питомники филлоксероустойчивыхъ американскихъ лозъ. Знаменитые сады Кристи и Кассо были обновлены трудами Вольфензона. О еврейскомъ питомникѣ „Еко“ и о роли его въ развитіи мѣстнаго плодоводства и виноградарства я упоминалъ въ XI главѣ; добавлю, что агрономъ Этингеръ, стояшій во главѣ этого питомника, создалъ цѣлую школу садоводовъ-практиковъ и, несомнѣнно, сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ улучшения мѣстнаго плодоводства и виноградарства. Ни для кого не секретъ, что виноградные сады бессараб-

скихъ крестьянъ медленнымъ, но вѣрнымъ ходомъ приближаются къ гибели и что равнодушные, неподвижные и несвѣдующіе молдаване, несмотря на усилія земства, все еще не собрались приняться какъ слѣдуетъ за борьбу съ филлоксерой и мильдіу. Евреи, обнаружившіе несомнѣнную склонность и способность къ виноградарству, могли бы, арендуя сады и виноградники, своимъ трудомъ и примѣромъ, возбудить соревнованіе населенія, показать ему новые приемы и сыграть, такимъ образомъ, въ деревнѣ полезную роль.

Сбытъ бессарабскаго чернослива за-границу, на сумму до 2-хъ милліоновъ рублей въ годъ, производится евреями. Они первые стали заниматься усовершенствованной сушкой сливъ, открыли для нихъ рынки и подняли цѣны на сливные плантаціи. Евреи же сбываютъ за-границу птицу, яйца, перо, пухъ и прочіе подсобные продукты мѣстнаго сельскаго хозяйства.

За послѣднее время, табаководство въ Бессарабіи повсемѣстно пало, отчасти подъ вліяніемъ акцизныхъ правилъ, покровительствующихъ исключительно крупнымъ плантаторамъ табака. Я засталъ въ губерніи всего около 10000 десятинъ, занятыхъ этимъ растеніемъ. Но до 1882 года, когда евреи безпрепятственно арендовали землю, табачныя плантаціи Бессарабіи занимали около 25 тысячъ десятинъ, и почти все это количество земли арендовалось и обрабатывалось евреями. Въ январѣ и февралѣ они закладывали парники, весной высаживали рассаду, лѣтомъ мотыжили растенія, отламывали цвѣтъ и пасынковали пазушные листья, — осень предназначалась для сбора и сушки, а начало зимы для сортировки и упаковки продукта. Такимъ образомъ, цѣлыя еврейскія семьи имѣли въ теченіе всего года заработокъ, а мѣстные земледѣльцы, не имѣвшіе возможность удѣлять времени на высоко интенсивную культуру табака, получали съ клочковъ своей земли хорошіе доходы.

Ранней весной, ежегодно, приходятъ въ Бессарабію болгары снимать огороды, которыми мѣстное населеніе не занимается; осенью, продавъ товаръ, они уходятъ за-границу и уносятъ съ собой наши деньги. Трудно себѣ представить, какой вредъ, или убытокъ, понесло бы мѣстное населеніе въ томъ случаѣ, если бы не иностранцы—болгары, а русскіе подданные—евреи занимались въ деревняхъ огородничествомъ, къ которому у нихъ есть и способность, и склонность.

Не разъ приходилось мнѣ наблюдать въ Кишиневѣ, какъ неторопливый молдаванинъ, привезя на рынокъ возъ сѣна или зерна, ложился въ тѣни покурить трубку, а юркій еврей, суетясь и волнуясь, приставалъ къ покупателямъ, выхвалявая привезенный товаръ, бѣгалъ съ образцами его по лавкамъ и, наконецъ, найдя покупателя и сговорившись съ нимъ о цѣнѣ, тащилъ своего лѣниваго довѣрителя къ расчету. Получивъ деньги, молдаванинъ, съ добродушной важностью, подавалъ фактору серебряную монету въ 15—20 копѣекъ и уѣзжалъ домой.

Такія дѣйствія еврея многіе готовы назвать, и дѣйствительно называютъ, возмутительной эксплуатаціей, но я опять отказываюсь понять, въ чемъ проявляется въ данномъ случаѣ вредное вліяніе фактора, если только онъ не вошелъ въ стачку съ покупателемъ и не обманулъ продавца въ цѣнѣ. Невозможно оберегать населеніе до такой крайней степени, постоянно считая поселянъ недоразвитыми дѣтьми, и нѣтъ никакого основанія обобщать отдѣльных фактовъ обмана и мошенничества, отождествляя ихъ съ какими-то спеціально еврейскими свойствами.

При посѣщеніи селъ я старался выяснить роль евреевъ, скупающихъ на мѣстахъ сельско-хозяйственные продукты, и много говорилъ по этому поводу съ крестьянами. Въ большинствѣ случаевъ я выслушивалъ отъ нихъ заявленія, указывавшія на то, что стѣсненіе

пріѣзда такого рода скупщиковъ въ деревни для крестьянъ невыгодно. Дѣйствительно, продавцу выгоднѣе совершить сдѣлку у себя дома, когда продуктъ его хранится въ амбарѣ или подвалѣ, когда производитель товара является дѣйствительно хозяиномъ положенія,—воленъ продать, или подождать съ продажей, нежели очутиться на базарѣ въ зависимости отъ колебанія цѣнъ, отъ случайнаго привоза, отъ погоды и дороги, наконецъ, отъ стачекъ покупателей. Поэтому преслѣдованія, примѣняемая къ скупщикамъ евреямъ, развѣжающимъ по деревнямъ, оправдываемая заботой о сельскомъ населеніи, казались мнѣ также мало понятными, какъ и многое другое въ злополучномъ еврейскомъ вопросѣ.

Остановливаясь въ деревняхъ и селахъ при поѣздахъ по губерніи, я не пропускалъ никогда случая спросить мѣстныхъ жителей объ отношеніяхъ ихъ съ евреями, сохранившими, въ небольшомъ, правда, числѣ, право жительства въ этихъ селахъ. Отвѣты всегда безъ исключенія, доказывали полное отсутствіе вражды христіанскаго населенія къ евреямъ. Часто я замѣчалъ, что отвѣчающіе, видимо, не понимали того, что меня интересовало, и, только послѣ повторныхъ и болѣе подробныхъ объясненій, я получалъ отвѣтъ въ такомъ родѣ: „Да что вы, какая вражда, зачѣмъ? Пусть живутъ, они намъ шубы шьютъ, что же намъ безъ нихъ каждую мелочь въ лавкѣ купить?“

Мнѣ случалось иногда замѣчать среди молдаванъ нѣкоторый оттѣнокъ гордости по отношенію къ факторамъ-евреямъ, что-то похожее на отношеніе высшаго къ низшему, господина къ слугѣ. Но далѣе, по пути разъединенія и вражды, это чувство не развивалось, и я не могъ открыть въ бессарабскихъ деревняхъ и тѣни того злобнаго, по отношенію къ евреямъ, чувства, которое иногда, совершенно неожиданно и, повидимому, безпричинно вспыхиваетъ въ свѣтскихъ гостиныхъ и въ прочихъ, далекихъ отъ настоящей жизни, мѣстахъ.

Евреи-торговцы въ Бессарабіи, какъ и вездѣ, проявляли обычные свойства: знаніе рынка, умѣлое пользование кредитомъ, быстрый оборотъ капитала въ связи съ небольшимъ процентомъ прибыли. Указывался и ихъ недостатокъ: наводненіе рынка хотя дешевымъ, но недоброкачественнымъ товаромъ. Я мало интересовался вопросомъ о еврейской торговлѣ, — онъ не входилъ въ мою задачу, но объ одномъ кишиневскомъ купцѣ я могу дать довольно любопытную справку. Выписывая изъ Москвы отъ извѣстныхъ фирмъ фабричные товары, купецъ этотъ имѣлъ въ Кишиневѣ складъ, изъ котораго ухитрялся продавать оптовымъ покупателямъ московскія ткани на 1 процентъ дешевле фабричной цѣны. Фабрика давала оптовикамъ 5 % скидки, а купецъ П. — шесть процентовъ, въ виду чего всѣ южные торговцы получали московскіе товары черезъ него. Секретъ его оказался простымъ. Владѣя большимъ капиталомъ, П. пускалъ его всецѣло въ оборотъ и, уплачивая по своимъ заказамъ наличными деньгами, пользовался отъ фабрикъ десятипроцентной скидкой. Уступая 6 % своимъ заказчикамъ, онъ оставлялъ себѣ 4 %, и, при двойномъ или тройномъ годовомъ оборотѣ, получалъ вѣрный и достаточный доходъ.

Въ перечисленныхъ выше отрасляхъ дѣятельности бессарабскихъ евреевъ я не могъ найти такихъ сторонъ, которыя давали бы поводъ обвинять ихъ въ систематическомъ обираниі населенія. При всемъ стараніи связать между собою отдѣльные случаи еврейскихъ злоупотребленій, ставшихъ мнѣ извѣстными, привести ихъ въ систему, открыть въ нихъ планомѣрность, такъ сказать, — національную задачу евреевъ, я долженъ былъ придти къ выводу, что бессарабскіе евреи, владѣльцы и арендаторы, торговцы и скупщики, посредники и факторы могутъ ѣсть добытый своими трудами хлѣбъ съ такой же спокойной совѣстью, какъ и прочіе люди нашей земли. Кромѣ того, я убѣдился, что самыя го-

рячія обвиненія противъ евреевъ-эксплуататоровъ раздаются въ Бессарабіи изъ рядовъ лицъ, не потрудившихся справиться о томъ, что думаетъ по означенному поводу само эксплуатируемое населеніе. А оно, въ большинствѣ случаевъ, не понимаетъ своихъ защитниковъ и, прежде чѣмъ получить отрицательный отвѣтъ по поводу тяжести еврейскаго гнета, приходится объяснить крестьянамъ, въ чемъ, по общему убѣжденію, долженъ выражаться этотъ гнетъ.

Однако, въ Бессарабіи существуютъ и такія отрасли занятій, которыя, будучи предосудительными сами по себѣ, составляютъ какъ бы еврейскую специальность. Надо признать, что дѣла о контрабандномъ промыслѣ и жалобы на ростовщичество пестрятъ еврейскими именами.

Я умышленно выдѣлилъ оба упомянутые вопроса изъ ряда занятій, около которыхъ мы наблюдали евреевъ, такъ какъ они составляютъ преступления, караемыя уголовнымъ закономъ. Притомъ контрабандисты евреи своей дѣятельностью наносятъ вредъ государственному казначейству, а не окрестному населенію, для котораго безпошлинный провозъ товаровъ даже выгоденъ. Во всякомъ случаѣ, трудно, по вопросу о контрабандѣ, защищать цѣлесообразность законовъ, ограничивающихъ права жительства и передвиженія евреевъ: вспомнимъ, что пограничная пятидесятиверстная полоса — единственная территория Бессарабіи, бывшая для евреевъ непрерывно запретной съ 1812 по 1904 годъ. И если они, не смотря на такое запрещеніе, не только проникли въ эту полосу, но и создали на границѣ запрещенный промыселъ, то, казалось бы, ихъ надо привлекать въ каждомъ случаѣ къ отвѣтственности по всей строгости законовъ, а не запрещать, на этомъ основаніи, какому-нибудь бендерскому еврею выращивать арбузы на границѣ Херсонской губерніи.

Ростовщичество въ Бессарабіи распространено, какъ я думаю, не болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Я не слышалъ въ Кишиневѣ разсказовъ о тѣхъ легендарныхъ подвигахъ знаменитыхъ закладчиковъ и дисконтеровъ, которые, напримѣръ, въ Москвѣ служатъ темой для романовъ и повѣстей, сохраняя память о ихъ герояхъ, какъ основателяхъ миллионныхъ состояній и родоначальникахъ извѣстныхъ всей Москвѣ фамилій. Но все же ссуды денегъ за лихвенные проценты процвѣтають въ Бессарабіи, въ городахъ и селахъ, и надо признать, что большинство мѣстныхъ ростовщиковъ, судя по отзывамъ бессарабскихъ судей, — еврейскаго происхожденія.

Меня, по преимуществу, интересовали незаконныя кредитныя сдѣлки, производимыя въ селахъ. Я зналъ, по наблюденіямъ своимъ въ центральныхъ губерніяхъ, что русская деревня, лишенная возможности имѣть правильный, мелкій кредитъ, вырабатываетъ особый типъ ростовщиковъ, умѣющихъ получать по краткосрочнымъ ссудамъ, деньгами и работой, выше 100% годовыхъ. Мнѣ было извѣстно много случаевъ, когда, за десятирублевую ссуду, взятую на 3 мѣсяца, калужскій крестьянинъ, сверхъ уплаты долга, обязывался дать мѣстному кулаку-кредитору двѣ-три подводъ въ городъ и, кромѣ того, выйти къ нему на поле „пожаться“ и „покоситься“ въ страдную пору. То же, примѣрно, явленіе я наблюдалъ и въ Бессарабіи, съ той только разицей, что процентъ по ссудамъ опредѣлялся точнѣе, и сдѣлки чаще совершались въ письменной формѣ, въ видѣ расписокъ и векселей. Ростовщики-евреи очень часто практикуютъ обычай брать двойныя обязательства, причемъ одно изъ нихъ, имѣя характеръ неустойки, возвращается при аккуратной уплатѣ долга и, въ такомъ случаѣ, процентъ роста по ссудѣ бываетъ довольно умѣренный. Но часто должникъ пропускаетъ срокъ платежа и становится жертвой заимодавца. Надо, од-

нако, добавить, что мѣстные судьи давно учили обычай евреевъ брать двойныя расписки и чрезвычайно легко и охотно отказываютъ имъ въ такого рода искахъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній и собственнаго убѣжденія. Я долженъ при этомъ отмѣтить, что случаи взысканія кредиторами долга по второму обязательству, при аккуратной уплатѣ по первому, чрезвычайно рѣдки. Обыкновенно, неустоечный документъ возвращается безпрекословно и, въ этомъ отношеніи, евреи ростовщики, по общему признанію, стремятся охранять профессиональную честь.

Въ результатъ, о бессарабскомъ ростовщичествѣ можно сказать слѣдующее: признавая, что конкуренція, на этомъ полѣ дѣятельности, дала побѣду по преимуществу евреямъ, можно сожалѣть о томъ, что лихоимство вообще распространено, что борьба съ нимъ ограничивается судебными взысканіями и не переходитъ въ стремленіе организовать дешевый сельскій кредитъ; но въ чемъ выиграло бы населеніе въ томъ случаѣ, если бы большинство ростовщиковъ Бессарабіи были греки или армяне, — остается неизвѣстнымъ.

Свѣдѣнія и мысли, изложенныя въ настоящей главѣ, послужили покойному И. Л. Блоку и мнѣ матеріаломъ для отвѣта на упомянуый выше запросъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Посовѣтовавшись между собою, мы пришли къ заключенію о необходимости сообщить творцу правилъ 3-го мая 1882 г. наше откровенное мнѣніе, заключающееся въ томъ, что правила эти не только обманули ожиданія ихъ составителя, такъ какъ не смогли удержать въ своихъ оковахъ жизненныхъ стремленій и потребностей гонимаго ими еврейства, но что самыя тенденціи, положенныя въ основу закона 3-го мая, не совпадаютъ съ интересами того населенія, которое

имѣлось въ виду оградить законодательнымъ вмѣшателствомъ въ такія области права, которыя вездѣ признаются свободными отъ воздѣйствія государственной власти. Блокъ написалъ собственноручно всю записку, и я до сихъ поръ бережно храню его рукопись, какъ воспоминаніе о добромъ товарищѣ и честномъ дѣятелѣ, съ которымъ я дѣлилъ труды и заботы своей нелегкой службы.

Въ представленной министру внутреннихъ дѣлъ запискѣ по еврейскому вопросу, какъ и въ предыдущемъ изложеніи, я избѣгалъ проявленія того „сентиментальнаго юдофильства“, относительно котораго меня предостерегалъ В. К. Плеве, при отъѣздѣ моемъ въ Бессарабію. Не касался я и общихъ соображеній по поводу роли евреевъ въ міровой исторіи и тѣхъ національных свойствъ ихъ, признаніе которыхъ придаетъ разсматриваемому вопросу боевой характеръ. Но я не могъ, конечно, пробывъ 1½ года въ Кишиневѣ, не заинтересоваться общей постановкой вопроса объ евреяхъ, въ литературѣ и жизни, а впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось принять участіе въ работахъ первой Государственной Думы, я долженъ былъ опредѣлить отношеніе свое и къ различнымъ способамъ практическаго разрѣшенія еврейскаго вопроса въ нашемъ законодательствѣ.

Еврей, въ которомъ, по общему мнѣнію, наиболѣе полно отразились и таланты и недостатки этого народа, — ветхозавѣтный Іаковъ, боролся съ Богомъ до утренней зари, требуя себѣ благословенія и помощи. Онъ одолѣлъ въ концѣ-концовъ, хотя и свихнулъ себѣ ногу, получивъ при этомъ не только имя Израиля, ставшее для его потомковъ нарицательнымъ, но и обѣщаніе несмѣтнаго потомства, земель и царствъ.

Въ упомянутомъ библейскомъ сказаніи люди, считающіе писаніе, усматриваютъ первое проявленіе и корень природныхъ еврейскихъ свойствъ — безумной дер-

зости и безграничной требовательности, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на судьбу евреевъ: получать всякаго рода блага путемъ долгой борьбы и тяжелыхъ жертвъ. Дѣйствительно, при чтеніи пятой книги Моисеева закона, можетъ придти въ голову мысль, что въ Ветхомъ Завѣтѣ какъ бы предуказана измѣнчивая судьба еврейскаго народа. Въ постоянно смѣняющемся отношеніи вождя евреевъ къ избранному племени, виденъ какъ бы прообразъ колеблющагося положенія, которое впослѣдствіи заняли евреи передъ лицомъ чужеземнаго закона. „Тебя избралъ Господь изъ любви къ вамъ и ради сохраненія клятвы“, — говорится въ одной главѣ Второзаконія, но рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ упомянуто, что никто изъ людей этого „злого рода“ не увидитъ доброй земли, когорую Господь клялся дать ихъ отцамъ. Однако для Халева, съ его потомствомъ, дѣлается при этомъ исключеніе.

Ревнитель ограниченія еврейскихъ правъ со страхомъ узнаетъ, что израильскому народу предназначены „города, которыхъ онъ не строилъ, съ домами, наполненными всякимъ добромъ, которыхъ онъ не наполнялъ, и съ виноградниками, которыхъ онъ не садилъ“. Не мало, однако, найдется у насъ и такихъ людей, которые съ облегченіемъ вздохнутъ, узнавъ, что ихъ сокровенныя желанія изложены въ слѣдующихъ жуткихъ строфахъ:

„И разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ. Но между этими народами ты не успокоишься, и дастъ Господь тебѣ тамъ трепещущее сердце и томленіе души.

„И будетъ жизнь висѣть передъ тобою, и будешь бояться ночью и днемъ, и не будешь увѣренъ въ жизни твоей.

„Утромъ скажешь: о, если бы пришелъ вечеръ. А вечеромъ скажешь: о, если бы наступило утро.“ (Второзак., гл. 28).

Не найдется твердой точки опоры для сужденія объ евреяхъ и въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказыва-

лись, въ разное время, изслѣдователями Востока, историками культуры, учеными и философами. Противники еврейства часто приводятъ слова Гердера, указавшаго на то, что еврейскій народъ остался и навсегда останется въ Европѣ народомъ азіатскимъ, чуждымъ нашей части свѣта. Они страшатся мощи еврейской крови, силы еврейской завоевательной идеи и, сопоставляя эти опасныя свойства съ нашей европейской дряблостью, видятъ въ готовности европейцевъ рѣшать еврейскій вопросъ съ точки зрѣнія высшей справедливости,—доказательство слабости, печальное идеологическое заблужденіе. По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей вліянія, оказаннаго евреями на европейскія народности,—Г. С. Чемберлена, равноправіе является „пустой фразой склоннаго къ фразерству народа“. Однако, мнѣніе ориенталиста Лассена, признающаго, что индо-европейскіе народы выше и богаче одарены, нежели другіе, считая въ томъ числѣ и еврейскій,—раздѣляется многими, и это обстоятельство какъ будто нѣсколько смягчаетъ наше опасеніе подпасть еврейскому владычеству. Не мало благородныхъ умовъ становится на защиту евреевъ съ точки зрѣнія христіанской морали и терпимости, полагая, что въ свѣтѣ христіанскаго ученія нѣтъ мѣста для религіозной исключительности, для мрачныхъ идей гоненія и преслѣдованія, что сопротивленіе вліянію чуждаго христіанству міросозерцанія достаточно обезпечено побѣдоноснымъ развитіемъ христіанскаго духа. Но и здѣсь приходится встрѣчаться съ возраженіями, вызванными паническимъ страхомъ передъ еврейскимъ вліяніемъ. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ философовъ, Дюрингъ, находитъ, что еврейство не есть религія, а—раса, враждебное всѣмъ современнымъ культурнымъ націямъ племя. Признавая, что нѣтъ возможности отвернуться отъ іудейства, сохранивъ притомъ христіанскія преданія, считая, что „христіанство выводится отъ ветхозавѣт-

ныхъ пророковъ“. Дюрингъ находитъ, что „христіанинъ не можетъ быть серьезнымъ антисемитомъ“, а потому предлагаетъ отвернуться отъ христіанской религіи, дабы освободиться отъ гебраизма.

Въ Россіи послѣднее мнѣніе врядъ ли встрѣтитъ сочувствіе народныхъ массъ. Давній упрекъ нашего народа по адресу „евреевъ за то, что они „Христа распяли“, указываетъ на осужденіе этого историческаго факта русскимъ религіознымъ сознаниемъ, но не даетъ права заключать о религіозной нетерпимости русскаго народа. Съ другой стороны, не приходится наблюдать въ русской православной массѣ инстинктивнаго страха передъ еврействомъ и той безотчетной ненависти, которая порождается сознаниемъ грядущаго, неизбежнаго торжества чуждой и враждебной силы. Усилившуюся за послѣднее время агитацію противъ евреевъ, идущую сверху внизъ, отъ центра къ периферіи, изъ дворцовъ къ хижинамъ, населеніе хижинъ туго воспринимаетъ и недовѣрчиво слушаетъ проповѣдь ненависти и грозныя предостереженія своихъ официальныхъ печальниковъ и наемныхъ заступниковъ. Можно, пожалуй, признать, что нашъ народъ не склоненъ къ „пустому фразерству“, что равноправіе евреевъ, какъ идея, столь же чуждо ему, какъ, напримѣръ, женское равноправіе, по поводу котораго въ первой Думѣ раздавались недоумѣвающіе крестьянскіе голоса. Возможно даже допустить, что овладѣвшая теперь помыслами крестьянъ аграрная реформа заставлетъ кое-кого изъ нихъ относиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ къ тѣмъ голосамъ, которые стараются внушить землевладѣльческому классу мысль о стремленіи евреевъ произвести общій дѣлежъ, чтобы захватить при этомъ лучшіе куски. Но послѣднее явленіе—преходящаго характера, и я склоненъ думать, что проектъ общаго гражданскаго равноправія не вызоветъ въ Россіи народнаго осужденія только за то, что имъ предусмѣтрѣно, между прочимъ, освобожденіе

евреевъ отъ наложенныхъ на нихъ закономъ ограниченій.

Для меня лично еврейскій вопросъ выяснился съ той поры, какъ я сталъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія интересовъ и нравственныхъ требованій русскаго народа. Постараюсь вкратцѣ пояснить свою мысль.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ моихъ по Бессарабіи, старшій совѣтникъ губернскаго правленія фонъ Реренъ, человѣкъ очень добродушнаго характера, любилъ иногда рассказывать о своей находчивости и о проявленныхъ имъ на прежней службѣ полицейскихъ талантахъ. Лѣтъ 20 тому назадъ, онъ изъ драгунскаго полка перешелъ на должность полиціймейстера города Измаила и однажды обязанъ былъ присутствовать, въ качествѣ распорядителя, при казни преступника—еврея. Осужденный провисѣлъ положенное число минутъ и былъ снятъ съ висѣлицы, послѣ чего врачъ долженъ былъ констатировать его смерть. Но оказалось, что забыли остричь длинную, густую бороду еврея и, благодаря этому обстоятельству, затянувшаяся петля, лишивъ его сознанія, не причинила смерти. „Представьте себѣ мое положеніе, — рассказывалъ Реренъ, — докторъ мнѣ говоритъ, что жидъ черезъ пять минутъ очнется. Какъ поступить? Второй разъ повѣсить его я считалъ неудобнымъ, а между тѣмъ смертный приговоръ надо было исполнить“. — „Что же вы сдѣлали?“ спросилъ я, и получилъ памятный мнѣ отвѣтъ: „Велѣлъ скорѣе закопать, пока онъ не очнулся“.

Реренъ признавалъ, что живого христіанина онъ не рѣшился бы зарыть въ землю, но случай съ законнымъ евреемъ его не смущалъ. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что поступилъ остроумно и находчиво.

Другой характерный случай произошелъ въ Москвѣ, въ недавнее сравнительно время. Молодая еврейка желала поступить на курсы, кажется, стенографіи, но полиція постоянно высылала ее изъ города, какъ не

имѣющую права жительства въ столицахъ. Отчаявшись въ полученіи законнаго разрѣшенія, молодая дѣвушка прибѣгла къ хитрости и взяла удостовѣреніе на занятіе тѣмъ промысломъ, которымъ молодымъ еврейкамъ можно вездѣ заниматься. Но недремлющаго ока полицейской власти ей усыпить не удалось: ее подвергли медицинскому освидѣтельствованію, доказали, что она своимъ промысломъ не занимается, и выслали окончательно на родину.

Въ обоихъ описанныхъ фактахъ, безусловно достовѣрныхъ, меня смущала не столько судьба жертвъ особаго отношенія русскихъ чиновниковъ къ евреямъ, сколько тотъ умственный процессъ, путемъ котораго нашъ средній чиновникъ полусознательно усвоилъ привычку примѣнять къ безправному еврею особые нравственные нормы. Не столько для евреевъ, сколько для Россіи, вредно, по моему мнѣнію, то притупленіе нравственного чувства, которое создалось у исполнителей, стоящихъ на стражѣ законовъ о евреяхъ, и которое безусловно считается признакомъ надежнаго слуги и вѣрнаго подданнаго.

Содѣйствуетъ ли укрѣпленію военной доблести поощряемая военнымъ начальствомъ противуеврейская пропаганда при помощи всѣмъ извѣстныхъ брошюръ и воззваній и отвѣчаетъ ли достоинству русскаго войска поведеніе офицеровъ и солдатъ во время еврейскихъ погромовъ? И не будетъ ли правильно назвать разложеніемъ христіанскаго духа ту изувѣрскую проповѣдь ненависти къ евреямъ, которую духовное начальство допускаетъ на церковной каѳедрѣ только потому, что гражданская власть поставила евреевъ какъ бы внѣ закона?

Поэтому законодательное признаніе еврейскаго равноправія меня нисколько не страшитъ. Я вижу въ немъ способъ избавиться отъ развращающихъ насъ пріемовъ борьбы съ евреями. Если еврейскому вліянію

надо противоѣствовать, то пусть борьба происходитъ путемъ мирнаго соперничества и естественнаго развитія силъ. Я убѣжденъ, что русскій народъ не потеряетъ при этомъ ни своихъ матеріальныхъ благъ, ни своего духовнаго богатства.

XIII.

Въ срединѣ января 1904 года я поѣхалъ въ Петербургъ для участія въ „еврейской“ комиссіи. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ князь И. М. Оболенскій, бывший херсонскій и затѣмъ харьковскій губернагоръ, а въ числѣ членовъ ея я запомнилъ: ковенскаго губернатора Ватаци, виленскаго — графа Палена, варшавскаго — Мартынова, могилевскаго — Клингенберга и московскаго оберъ-полиціймейстера Трепова. Кромѣ того, въ составъ комиссіи вошли: директоръ департамента полиціи Лопухинъ и два херсонскихъ общественныхъ дѣятеля, вызванные по рекомендаціи князя Оболенскаго, — городской голова Саковнинъ и уѣздный предводитель дворянства Малаевъ.

Помню еще нѣсколько членовъ этой комиссіи, состоявшей изъ 15—20 лицъ, но смутно, и потому, во избѣжаніе ошибки, не стану о нихъ упоминать.

Въ день моего пріѣзда произошло событіе, въ то время лично меня не касавшееся, но впослѣдствіи принесшее мнѣ не мало хлопотъ. Зайдя къ Лопухину, я засталъ его въ большемъ волненіи по поводу появившагося въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ сообщенія, согласно которому тверское губернское земство и новоторжское уѣздное лишались, по Высочайшему повелѣнію, выборныхъ управъ и получали взамѣтъ чиновниковъ по назначенію. Столь рѣзкое нарушеніе законнаго порядка земскаго управленія, въ одномъ изъ первыхъ земствъ Россіи, очень взволновало Лопухина, а то обстоятельство, что министръ подготовилъ этотъ пере-

воротъ, вопреки его мнѣнію и совѣту, чрезвычайно его озадачило.

Зайдя въ тотъ же день къ вице-директору департамента общихъ дѣлъ, Арбузову, который всегда производилъ на меня впечатлѣніе очень порядочнаго и симпатичнаго человѣка, я узналъ отъ него, что представленная мной записка по еврейскому вопросу возбудила въ министерствѣ недоумѣніе и что я вызванъ для участія въ комиссіи исключительно по настоянію ея предсѣдателя, указавшаго на необходимость имѣть въ числѣ членовъ представителей разныхъ мнѣній. Самъ Арбузовъ говорилъ со мною по поводу нашей записки съ оттѣнкомъ нѣкотораго уваженія къ „смѣлости“ ея содержания, а изъ дальнѣйшихъ словъ его я понялъ, что отъ министра внутреннихъ дѣлъ я врядъ ли выслушаю одобреніе высказаннымъ въ запискѣ мыслямъ. Дѣйствительно, обращеніе Плеве со мной, при нашемъ первомъ, послѣ моего отъѣзда въ Кишиневъ, свиданіи, было, по меньшей мѣрѣ, странное. Можно было, повидимому, ожидать, что Плеве найдетъ о чемъ меня спросить, пожелаетъ что-нибудь и онъ отъ меня узнать, но въ дѣйствительности, онъ, сухо со мною поздоровавшись, замолчалъ и сталъ смотрѣть мимо меня, съ усталымъ и равнодушнымъ видомъ.

Напомнивъ министру, что я пріѣхалъ въ Петербургъ по его вызову, и услышавъ отвѣтъ, что порядокъ занятій въ комиссіи будетъ установленъ ея предсѣдателемъ, я поднялся съ мѣста и ушелъ, подумавъ о томъ, что служащіе подъ непосредственнымъ начальствомъ такого нелюбезнаго министра врядъ ли пріятно себя чувствуютъ.

Дня черезъ два состоялось первое собраніе нашей комиссіи. Мы познакомились другъ съ другомъ, поговорили о постороннихъ предметахъ и разошлись по домамъ.

На другой день, у министра внутреннихъ дѣлъ былъ большой обѣдъ, на который всѣ члены комиссіи полу-

чили приглашеніе. Любезный хозяинъ дома очень радушно отнесся къ своимъ гостямъ, старался устранить всякую принужденность въ обращеніи съ ними, былъ веселъ и оживленъ. Но злополучный бессарабскій губернаторъ все время стоялъ въ полѣ зрѣнія Плеве, на извѣстной въ физикѣ „слѣпой точкѣ“. Меня министръ какъ бы не видѣлъ и, сухо со мною поздоровавшись, не сказалъ мнѣ въ теченіе всего вечера буквально ни одного слова. Обходя послѣ обѣда своихъ гостей, стоявшихъ съ чашкамн кофе въ рукахъ, онъ усиленно любезничалъ съ сосѣдомъ, спросивъ его между прочимъ: „ну, что, готовитесь воевать съ евреями?“ и затѣмъ, скользнувъ мимо меня, сталъ, не менѣе любезно, разговаривать съ гостемъ, стоявшимъ рядомъ со мною, по другую сторону.

Демонстраціи Плеве мнѣ надоѣли, и я, на другой день, сказалъ двумъ — тремъ близкимъ ему лицамъ, что я не намѣренъ больше бывать у министра въ качествѣ гостя, и что, если я получу отъ него новое приглашеніе, то отвѣчу отказомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовало между нами объясненіе. Оно имѣло мѣсто во время перерыва многочасоваго засѣданія, о которомъ слѣдуетъ разсказать нѣсколько подробнѣе.

Весной 1903 г. предполагалось созвать, во всѣхъ губерніяхъ, совѣщанія мѣстныхъ дѣятелей для предварительнаго разсмотрѣнія обширнаго проекта, составленнаго земскимъ отдѣломъ и касавшагося нѣкоторыхъ измѣненій въ порядкѣ крестьянскаго управленія и волостного суда. Не помню въ точности объема поставленной намъ задачи, но выходило такъ, что министерство, намѣтивъ нѣкоторыя частичныя исправленія положенія о сельскомъ состояніи, желало вмѣстѣ съ тѣмъ оградить въ законодательствѣ о крестьянахъ тѣ начала, которыя усиленно защищались политикой послѣднихъ двухъ царствованій, и въ особенности сохранить неприкосновеннымъ институтъ земскихъ начальниковъ. Плеве

рѣшилъ вызвать въ Петербургъ на январь мѣсяць половину начальниковъ губерній — будущихъ предсѣдателей совѣщаній, и сговориться съ ними о желательномъ образѣ ихъ дѣйствій. Вторая очередь губернаторовъ должна была засѣдать съ февраля.

Плеве, Стишинскій и Гурко, съ нѣсколькими членами совѣта министровъ, бывшими губернаторами, и мы, прїѣхавшіе изъ своихъ губерній въ качествѣ ихъ „хозяевъ“ и свѣдущихъ людей, образовали торжественное засѣданіе. Министръ произнесъ вступительную рѣчь, неясную по выводамъ, но очень хорошо сказанную. Стишинскій и Гурко выяснили точнѣе, въ формѣ докладовъ, ту задачу, которой намъ предстояло заняться. Признавался желательнымъ умѣлый и осторожный выборъ членовъ губернскихъ совѣщаній; указывалось на опасность расширенія программы и уклоненій въ сторону отъ нея; рекомендовалось давать отвѣты только на поставленные программой вопросы, не стѣсняя, конечно, свободы мнѣній, но стараясь ограничить обсужденіе извѣстными рамками и т. п. Затѣмъ, предсѣдатель предложилъ губернаторамъ высказаться по поводу выслушанныхъ докладовъ.

Мнѣ невольно вспомнилось гимназическое время, когда, ожидая вызова къ доскѣ, мы опускали глаза и прятались за спины сидящихъ впереди, чтобы не обратить на себя вниманіе учителя. Увы, среди моихъ новыхъ товарищей, не нашлось перваго ученика, всегда готоваго отвѣчать на вопросы. Всѣ напряженно молчали, и Плеве тщетно, съ любезной улыбкой, обводилъ насъ ободряющимъ взоромъ. Не слыша нашихъ голосовъ, онъ поговорилъ нѣкоторое время со своимъ сосѣдомъ Стишинскимъ, а затѣмъ, потерявъ, повидимому, терпѣніе, произнесъ — и навѣрное умышленно — имя и отчество одного изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи губернаторовъ, выражая желаніе выслушать его мнѣніе, но не глядя при этомъ на него.

Х. Х., давно, вслѣдствіе глухоты, усвоившій способность понимать обращенныя къ нему слова только по движенію губъ собесѣдника, на этотъ разъ невинно чертилъ какой-то рисунокъ, сидя насупротивъ нашего предсѣдателя. Онъ не обратилъ никакого вниманія на повторенное приглашеніе Плеве и бросилъ свое занятіе только послѣ нѣсколькихъ толчковъ, полученныхъ отъ сосѣда. Прошло не мало времени, пока онъ догадался, въ чемъ дѣло и, сдѣлавъ серьезное лицо, выказалъ, что надо подумать прежде всего о коренникахъ*). Мы всѣ знали, что Х. Х. владѣлецъ стариннаго коннаго завода, но все же съ недоумѣніемъ отнеслись къ его, повидимому, несвоевременному, заявленію. Однако, оказалось, что Х. Х. имѣлъ при этомъ въ виду предсѣдателей будущихъ совѣщательныхъ комиссій, удачный выборъ которыхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, обезпечить успѣхъ работъ совѣщаній. Далѣе мы въ нашихъ проектахъ не пошли, и Плеве поспѣшилъ пригласить насъ въ сосѣдную комнату пить чай.

Все время перерыва, продолжавшагося полчаса, министръ посвятилъ разговору со мной, обнаруживъ видимое желаніе изгладить впечатлѣніе, вынесенное мною изъ предыдущихъ нашихъ свиданій. Онъ заговорилъ о Кишиневѣ, подчеркнул свое полное невмѣшательство въ мой образъ дѣйствій, и на вопросъ мой, не слишкомъ ли онъ въ этомъ раскаивается, съ веселымъ видомъ и откровенной манерой человѣка съ душой на распаху, признался въ несочувствіи своему поведенію къ бессарабскимъ евреямъ. Изъ разговора нашего немедленно выяснилось, что Плеве, получая отъ кого-то свѣдѣнія изъ Кишинева, запомнилъ и поставилъ мнѣ въ вину два факта: похороны Торы

*) „Коренникъ“ — средняя лошадь въ русской тройкѣ, на которую приходится больше работы, чѣмъ на „пристяжныхъ“ лошадей.

и визиты, отданные мною нѣсколькимъ кишиневскимъ евреямъ. Но почему-то оба эти факта вдругъ потеряли въ его глазахъ свое значеніе, онъ говорилъ о нихъ полу-шутя, полу-вопросительно, и я остался при томъ убѣжденіи, что первоначальная холодность ко мнѣ министра была вызвана нашимъ походомъ противъ правилъ 3 мая. Догадка моя тѣмъ вѣроятнѣе, что ни о моей запискѣ, ни вообще о комисіи по еврейскому вопросу Плеве со мной не заговорилъ.

Перерывъ засѣданія и выпитый чай не прояснили нашихъ мыслей, и когда мы снова приступили къ „обмѣну мнѣній“, оказалось, что обмѣниваться намъ было нечѣмъ. Министру надоѣло съ нами возиться и онъ закрылъ засѣданіе, сказавъ, что его товарищъ, Стишинскій, пригласить насъ для продолженія занятій подъ своимъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе это вскорѣ состоялось, и часть его членовъ, избавившись отъ гипнотическаго очарованія, которое Плеве, несомнѣнно, имѣлъ способность производить на многихъ, приняла участіе въ обсужденіи министерскаго проекта. Однако, похвастаться успѣхомъ смогли при этомъ немногіе, по крайней мѣрѣ таково было убѣжденіе Стишинскаго, сказавшаго въ концѣ засѣданія своему близкому знакомому одну только фразу: „C'est à pleurer!“

„Хоть плачь“,—такое впечатлѣніе вынесъ товарищъ министра отъ губернаторовъ въ 1904 г. Теперь, въ началѣ 1907 г., когда весь почти составъ губернаторовъ обновился, всякій, кто знаетъ дѣло, долженъ будетъ признать, что измѣненіе его произошло къ худшему,—и даже въ очень значительной степени.

Сто первая, а, можетъ быть, и тысяча первая петербургская комиссія, собравшаяся для обсужденія нашего законодательства о евреяхъ, работала недолго и сдѣлала очень мало. Надо замѣтить, что отличительнымъ свойствомъ правительственныхъ комиссій смѣшаннаго состава является игнорированіе предшествовавшихъ

однородныхъ работъ. Всякій вопросъ обсуждается вновь, все опять дѣлается спорнымъ; никакой послѣдовательности, никакой преемственности въ подобнаго рода работахъ не видно. Единственными освѣдомленными въ исторіи вопроса лицами явились среди насъ князь Оболенскій, Лопухинъ и Ватаци, остальные большею частью бродили во тьмѣ, не имѣя опредѣленнаго взгляда и плана. Между ними одинъ только Треповъ былъ свободенъ отъ упрека въ непослѣдовательности и неопредѣленности взглядовъ, хотя онъ и молчалъ все время, обводя насъ взорами своихъ круглыхъ, слегка выпученныхъ глазъ. Если бы на его мѣстѣ лежала только треповская шапка, то и тогда не возникло бы сомнѣній въ томъ, что ея хозяинъ, всегда и по всѣмъ вопросамъ, имѣетъ наготовѣ одинъ только отвѣтъ: всякая мѣра хороша и приемлема, если она направлена противъ евреевъ.

Нашъ предсѣдатель, князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій, благодаря возникшему въ 1902 году въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ аграрному движенію, до сихъ поръ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ читателей газетъ, какъ первый и жестокій укротитель крестьянскихъ волненій. Но дурную славу, вызванную безумными репрессіями губернаторовъ и генераль-губернаторовъ въ 1905—1906 гг., напрасно относятъ къ началу аграрныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто въ Харьковской губ. Князь Оболенскій не имѣлъ основанія смотрѣть на вспыхнувшія въ то время въ деревняхъ насилія, какъ на участіе населенія въ общемъ протестѣ страны противъ правительства, и, застигнутый врасплохъ, обратилъ всю свою энергію на подавленіе грабежей и пожаровъ, не углубляясь въ разсужденія по поводу причинъ, вызвавшихъ безпорядки. Я не хочу оправдывать тѣхъ мѣръ, которыя онъ допустилъ въ отдѣльных случаяхъ, примѣняя тѣлесное наказаніе, противное чувству человѣческаго достоинства и его собственнымъ

взглядамъ, но очень цѣнное въ правительственныхъ сферахъ. Я хочу лишь отмѣтить, что онъ дѣйствовалъ, не жалѣя себя, рискуя здоровьемъ и жизнью, съ горстью войска, и сумѣлъ остановить погромъ, не проявивъ при этомъ того упоенія репрессіями, которое вскорѣ развратило наши гражданскія и военныя власти.

Въ томъ лагерѣ, гдѣ раздаются обвиненія противъ князя Оболенскаго, не обращаютъ вниманія на поведеніе его въ Финляндіи, когда онъ, несмотря на бѣшенныя нападки націоналистической прессы и видимое сочувствіе Двора бобриковской политикѣ, сумѣлъ освободиться отъ традицій и пріемовъ своего предшественника, получивъ въ награду холодность Государя, разбитое здоровье и славу измѣнника русскимъ интересамъ.

Къ евреямъ князь Оболенскій относился снисходительно и добродушно, но усматривалъ въ ихъ національномъ характерѣ несимпатичныя черты. Въ частыхъ бесѣдахъ по этому поводу онъ рассказывалъ множество анекдотовъ, очень забавныхъ и остроумныхъ, а въ застѣданіяхъ коммисіи держался безпристрастно и тактично, умѣряя пылъ юдофобовъ и обнаруживая хорошее знакомство съ вопросомъ.

Вскорѣ, среди членовъ коммисіи установилось два теченія. Къ первому примкнуло меньшинство, состоявшее изъ такихъ безусловныхъ противниковъ майскихъ правилъ, какъ Лопухинъ, Ватацъ, графъ Паленъ и я, а ко второму—остальные члены коммисіи, настроенные по отношенію евреямъ менѣе снисходительно. Послѣ первоначальнаго обмѣна мнѣній и группировки различныхъ статей законовъ, по отдѣламъ, меньшинство предлагало разсмотрѣть вопросъ о своевременности прекращенія дѣйствія закона 3 мая 1882 г., какъ временно изданнаго, съ цѣлью итти въ разрѣшеніи еврейскаго вопроса не путемъ разсмотрѣнія отдѣльных, установленныхъ закономъ, ограничительныхъ

правилъ, но путемъ установленія тѣхъ ограниченій евреямъ въ правахъ, необходимость которыхъ будетъ доказана. Предлагалось исходить изъ признанія равноправія и начать обсуждать исключенія, жизненную необходимость которыхъ предлагалось доказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на основаніи убѣжденія и опыта присутствующихъ.

Такой порядокъ, избавлявшій насъ отъ необходимости кропотливой работы по изслѣдованію мелкихъ законоположеній, наслонившихся въ законодательствѣ въ теченіе долгаго времени, казался удобнымъ, и я рассчитывалъ, что онъ будетъ принятъ. Но нашей работѣ не суждено было продолжаться. Двадцать седьмого января Петербургъ проснулся подъ впечатлѣніемъ ночного нападенія японцевъ на нашъ флотъ. Началась война, и черезъ нѣсколько дней участники коммисіи разѣхались по своимъ губерніямъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ въ Кишиневъ мнѣ пришлось представляться Государю Императору въ Зимнемъ дворцѣ, согласно ранѣ послѣдовавшему назначенію. Передъ тѣмъ я встрѣтился съ бессарабскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, только что удостоеннымъ Высочайшаго пріема. М. Н. Крупенскій рассказалъ, что его взволнованное настроеніе, вызванное важностью событія, опасеніемъ его послѣдствій и негодованіемъ на недобросовѣстный пріемъ объявленія войны со стороны врага, встрѣтилось съ безмятежнымъ и равнодушнымъ отзывомъ Царя, сказавшаго, что онъ смотритъ на нападеніе японцевъ, „какъ на укусъ блохи.“

Спокойное и даже веселое состояніе духа Государя поразило и меня, когда я вошелъ въ его кабинетъ. Одѣтый въ такой же бѣлый китель, въ какомъ я видѣлъ его въ іюнѣ мѣсяцѣ, Государь Императоръ очень привѣтливо меня встрѣтилъ, выразивъ удовольствіе по поводу того, что въ Бессарабіи все тихо и смирно, и

затѣмъ высказаль желаніе, чтобы губернаторы возвращались въ свои губерніи. Я доложилъ Государю, что ѣду въ тотъ же день въ Кишиневъ, и упомянулъ при этомъ о бѣдствіи, обрушившемся на Россію въ видѣ неожиданной войны. Подлинныя слова Царя, сказанныя мнѣ послѣ этого, я хорошо запомнилъ и потому привожу ихъ совершенно точно: „я совершенно спокоенъ за исходъ войны“, сказалъ онъ, „да и вамъ теперь будетъ гораздо легче“. Я не понялъ сначала мысли Царя, но онъ пояснилъ, „что война вызоветъ подъемъ патріотическаго духа, благодаря чему ослабнетъ контр-правительственная агитація, а, слѣдовательно, мѣстнымъ властямъ будетъ легче охранять порядокъ и тишину. „Я вамъ могу сообщить пріятное извѣстіе изъ Кишинева,“ добавилъ Государь: „тамъ были демонстраціи, съ молебномъ, съ портретомъ, я получилъ вчера патріотическую телеграмму.“

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Кишиневъ, не побывавъ въ министерствѣ.

Число людей, пророчившихъ намъ военныя неудачи, въ то время не было велико въ Петербургѣ. „Самъ Плеве“, какъ обыкновенно называли министра внутреннихъ дѣлъ, разсердился на Лопухина по поводу скептицизма, который послѣдній проявилъ въ разговорѣ съ министромъ, и съ досадой спросилъ: „Неужели для васъ не ясна слѣдующая ариѳметическая задача: что больше — пятьдесятъ или полтора ста милліоновъ?“

По возвращеніи въ Кишиневъ, я засталъ нашихъ дамъ въ ссорѣ съ вице-губернаторомъ изъ-за организаціи дѣятельности „Краснаго Креста“. Блокъ хотѣлъ подчинить ихъ мѣстному отдѣленію общества, дамы хотѣли организовать свой комитетъ. Кое-какъ дѣло уладилось, и мой домъ началъ, съ утра до ночи, наполняться вещами, заготовляемыми для театра войны. Патріотическая манифестація и хожденіе по улицамъ съ портретомъ, о которыхъ мнѣ было сообщено во

дворцѣ, повторились при мнѣ только одинъ разъ, въ самой жалкой формѣ. Ко мнѣ на дворъ вѣжало человѣкъ тридцать подростковъ, большею частью евреевъ, съ флагомъ и портретомъ Царя; за ними гнались человѣкъ пять полицейскихъ, остановившихся у моихъ воротъ. Я вышелъ на крыльцо, взялъ въ одну руку портретъ, а въ другую флагъ, поставилъ ихъ у себя въ пріемной и, вернувшись къ демонстрантамъ, выразилъ имъ свое удовольствіе и посовѣтовалъ идти по домамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Прошла зима, прошла тревожная пасхальная недѣля, которую я описалъ въ пятой главѣ; въ іюлѣ я присутствовалъ на панихидѣ въ Аккерманѣ, гдѣ застала меня телеграмма съ извѣстіемъ о смерти Плеве; въ началѣ октября я побывалъ въ Яссахъ и, возвратившись оттуда, не подозревалъ, что милая Бессарабія для меня скоро станетъ чужой.

Я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ шифрованную телеграмму слѣдующаго содержанія: „согласны ли на переводъ въ Харьковъ, крайне желательно, князь Святополкъ-Мирскій“. Несмотря на то, что Харьковская губернія, въ отношеніи губернаторскаго управленія, считается чуть ли не первой въ Россіи, и причины, вызвавшія предложеніе о моемъ переводѣ, имѣли лестный для меня поводъ, я очень огорчился при мысли покинуть Бессарабію. Кромѣ того, Харьковъ — городъ дорогой для жизни, безпокойный и непріятный по полицейскимъ обязанностямъ и трудный въ смыслѣ представительства и мѣстныхъ официальныхъ отношеній. Три высшихъ учебныхъ заведенія, судебная палата, множество высшихъ военныхъ чиновъ — предвѣщали губернатору не мало хлопотъ и осложнений, по сравненію съ которыми кишиневскія заботы стали представляться въ моихъ глазахъ пріятнымъ развлеченіемъ. Однако, слѣдуя принятому мною правилу, не устраивать самому своей судьбы, я не рѣшился

отказаться категорически отъ новаго назначенія и отвѣтилъ телеграммой такого содержанія: „Считаю себя обязаннымъ подчиниться желанію Вашего сіятельства, хотя предпочелъ бы остаться въ Бессарабіи, ознакомившись съ которой могъ бы служить съ пользою для дѣла. Кромѣ того, сомнѣваюсь, чтобы совмѣстная служба съ харьковскимъ вице-губернаторомъ А. привела къ желательному единенію представителей административной власти губерніи.“ Однако, 12 октября я получилъ телеграмму директора департамента, извѣщавшаго меня, что „Высочайшее повелѣніе послѣдовало, и указъ появится на дняхъ“, а потому, не теряя времени, выѣхалъ въ Петербургъ.

О харьковскомъ вице-губернаторѣ А. я имѣлъ понятіе со временъ студенчества. Онъ еще въ университетѣ пользовался незавидной славой, и, какъ это часто бываетъ, ему приходилось, въ цѣляхъ самосохраненія и карьеры, выѣзжать на излюбленномъ конькѣ лицъ съ неблестящей репутаціей, — на преувеличенно выказываемыхъ чувствахъ беззавѣтной преданности престолу и на убѣжденіяхъ поклонника „твердой власти“ и „русскаго духа“. Онъ былъ, очевидно, хорошо извѣстенъ и министру, — харьковскому помѣщику, который немедленно послѣ полученія моей телеграммы приказалъ предложить А. переводъ въ другую губернію. Однако, судьба улыбнулась на время этому администратору излюбленного при Дворѣ типа, благодаря одному обстоятельству, ставшему извѣстнымъ Государю Императору. Оказалось, что при отправкѣ войскъ изъ Харькова на театръ войны А. распорядился положить соломы въ солдатскіе вагоны, по поводу чего у него возникло какое-то столкновеніе съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, окончившееся его торжествомъ: онъ получилъ сначала званіе камергера, а затѣмъ назначеніе губернаторомъ въ Томскъ, несмотря на возраженія князя Мирскаго, лично

докладывавшаго Государю о нежелательности такого назначенія. Почерпнутыя изъ вѣрнаго источника свѣдѣнія даютъ мнѣ возможность привести подлинный отвѣтъ Императора, выразившаго надежду, что А., послѣ назначенія его на постъ губернатора, благодаря увеличенному жалованію, измѣнится къ лучшему, причемъ Государь упомянулъ о подстилкѣ соломы, какъ о фактѣ, рѣшающемъ вопросъ въ пользу избраннаго имъ кандидата. Извѣстный погромъ въ Томскѣ, сопровождавшійся пожаромъ театра и гибелью множества людей, вызвалъ вскорѣ отставку А., а нѣкоторые обнаруженные послѣ его отъѣзда факты, повидимому, лишили его возможности вернуться на службу, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока общественному мнѣнію будетъ придаваться у насъ нѣкоторое значеніе.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ министра въ большемъ затрудненіи по поводу вопроса о замѣщеніи только что открывшейся губернаторской вакансіи въ Тверской губ., считавшейся особенно трудной по отношеніямъ правительства съ „крамольнымъ“ тверскимъ земствомъ, находившимся, какъ уже было упомянуто раньше, въ исключительномъ положеніи. Провозглашенное въ сентябрѣ „довѣріе“ не вязалось съ представленіемъ о назначенныхъ правительствомъ управахъ и не гармонировало съ запрещеніемъ выдающимся гласнымъ тверскаго земства участвовать въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ. Для отмѣны январьскаго Высочайшаго повелѣнія, пріостановившаго нормальный ходъ земской жизни въ губерніи, надо было найти подходящіе мотивы. Князь Мирскій, послѣ разговора со мной, нашелъ умѣстнымъ отказаться отъ мысли о переводѣ меня въ Харьковъ, возложивъ на меня задачу ѣхать управлять Тверской губерніей и, ознакомившись съ дѣломъ на мѣстѣ, найти выходъ изъ запутаннаго положенія, въ которомъ очутились и правительство, и земство.

Съ моей стороны препятствій къ такой перемѣнѣ не было. Я радъ былъ избавиться отъ Харькова, а отношенія съ земствомъ меня, какъ бывшаго земца, не пугали. Но препятствія нашлись со стороны Государя, какъ я узналъ изъ переписки, возникшей по поводу моего назначенія между Царемъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

На первомъ письменномъ докладѣ князя Мирскаго, испрашивавшаго Высочайшее соизволеніе на отмѣну назначенія моего въ Харьковъ, послѣдовала отрицательная резолюція Государя. Перечисленіе тѣхъ качествъ моихъ, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ привести въ доказательство необходимости перевода моего въ Тверь, вызвало довольно основательное замѣчаніе, „что качества эти не лишнія и въ Харьковѣ“. Вторичное настойчивое представленіе князя Мирскаго побудило Государя написать министру записку, въ которой онъ выражалъ желаніе назначить тверскимъ губернаторомъ предсѣдателя тверской губернской земской управы Засядко, занимавшаго въ то время означенную должность въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по назначенію правительства. Только третье, категорическое заявленіе князя Мирскаго о невозможности такого назначенія, соединенное съ вопросомъ о личномъ довѣріи Государя къ министру внутреннихъ дѣлъ, вырвало необходимое согласіе, по полученіи котораго мы установили слѣдующій планъ дѣйствій: я долженъ былъ ѣхать въ Тверь прямо изъ Бессарабіи и, ознакомившись съ положеніемъ дѣла, явиться въ Петербургъ съ выработаннымъ планомъ отношенія къ вопросу о тверскомъ земствѣ.

Приказъ о моемъ назначеніи въ Тверь былъ не скоро опубликованъ, и я, по возвращеніи въ Кишиневъ, имѣлъ время собраться въ путь не спѣша. Никогда я не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ въ теченіе той, предшествовавшей моему отъѣзду, недѣли, когда я сдалъ

дѣла вице-губернатору и, впервые послѣ вступленія въ должность, получилъ возможность проводить время беззаботно, внѣ официальныхъ отношеній, освобожденнымъ отъ этикета и административной дипломатіи. Потеря официального положенія имѣла для меня одни только пріятныя послѣдствія, и я ни разу въ эти дни не замѣчалъ по отношенію къ себѣ, съ чьей-либо стороны, той перемѣны, которая иногда обнаруживается среди служащихъ, при отставкѣ правителей отъ власти.

Всѣ сослуживцы, все кишиневское общество выказали мнѣ и семьѣ моей самые трогательные знаки вниманія. Прекрасные, тепло составленные адреса, которые я получилъ и храню, радушное хлѣбосольство, которымъ насъ проводили, всегда будутъ мнѣ памятны, а сохранившіяся до сего времени неизмѣнными дружескія связи съ нѣкоторыми бессарабскими семьями даютъ мнѣ поводъ окончить свои воспоминанія о Бессарабіи мысленнымъ привѣтомъ по ихъ адресу.

40751